

Митрополит Митрофан
(Баданин)

КОЛЬСКИЙ СЕВЕР В СРЕДНИЕ ВЕКА

Мурманск– Санкт-Петербург
Издательство Мурманской епархии
2019

Издание осуществлено при благотворительной
финансовой помощи **Кировского филиала АО «Апатит»**.

Автор выражает сугубую благодарность
доктору исторических наук, профессору
Мурманского арктического государственного университета
Киселеву Алексею Алексеевичу
за внимательное отношение к данному труду
и сделанные важные критические замечания.

—— Том 1 ——

**Север как феномен.
Христианство
на подступах
к Кольскому Северу**

ББК 63.3(2)
УДК 93

Митрополит Митрофан (Баданин). Север как феномен. Христианство на подступах к Кольскому Северу, 2-е изд. испр. и доп. // Кольский Север в Средние века. Т. 1. СПб.: Ладан, 2019 – 272 с.: ил.

Трехтомное историческое исследование митрополита Митрофана (Баданина), правящего архиерея Мурманской епархии РПЦ, посвящено изучению непростого и длительного процесса христианского просвещения земель средневекового Крайнего Севера Европы, и в частности территории Кольского Севера.

Первый том исследования посвящен раскрытию исторической роли Севера – понятия, вобравшего в себя немало сакральных, культурных, этнографических, географических и иных феноменов древней истории человечества. Автор проследживает трудные этапы первых опытов просвещения народов Крайнего Севера Европы, трагические страницы пути скандинавских и русского народов, ведущего от мрака варварства и язычества к становлению христианской цивилизации.

ISBN 978-5-9907265-8-1

Раздел I

Кольский Север
как объект изучения

ОТ АВТОРА

Приступая к данному труду, автор ставил перед собой ряд принципиальных задач, которые позволили бы полноценно раскрыть заявленную тему, но при этом постараться отойти от механического переписывания ранее исследованного исторического материала, перечисления общеизвестных фактов и повторения устоявшихся мнений. По мнению автора, проведенную работу можно было бы признать успешной, в том случае если представленный труд действительно явится опытом критического переосмысления средневековой истории нашего края.

Для достижения этой цели автор стремился в наибольшей степени обратиться к наиболее удаленным от нас по времени исследованиям и свидетельствам. Авторитетом современников и очевидцев описываемых событий удавалось заручиться не всегда, и автор постарался отдать предпочтение мнениям исследователей, значительно отдаленных от нашего времени, во всяком случае дореволюционных.

Кроме того, в ходе работы представлялось весьма полезным компенсировать слабую освещенность истории средневекового Кольского Севера в отечественных источниках ссылками на зарубежных авторов, используя информацию из исследований историков соседних стран, особенно скандинавских.

Одной из принципиальных установок, принятых автором при написании данного труда, стало априори доверительное отношение к сведениям из древнейших источников, к свидетельствам современников описываемых событий. Тем самым автор предлагает не считать людей, живших до нас, ограниченнее, «неразвитее» нас, а постараться найти приемлемое объяснение информации, представляющейся нам недостоверной, «сказочной», и не спешить списывать все на «склонность наших предков к фантазиям и мифологии». Во всяком случае, как епископ Церкви и богослов, автор предлагает воспринимать духовный аспект жизни людей в древности, ее сакральную, мистическую составляющую как иную, но объективную реальность.

Автор решительно не приемлет атеистическую установку, с определенного времени утвердившуюся в научном сообществе, в качестве неперемennого условия авторитетности проводимых исследований. Снисходительная надменность, с которой порой принято воспринимать те или иные свидетельства древнего бытия наших предков, описывающие «иную реальность» их жизни и обширный духовный опыт, свидетельствует лишь о наступившей неспособности современных ученых профессионально исследовать эту область человеческого опыта и, следовательно, ограниченности современных методов познания. Следует проявлять такт и мудрость, остерегаясь считать наших прадедов глупее нас. Если мы чего-либо не наблюдаем сегодня в нашей жизни, это вовсе не значит, что этого не могло быть в прошлом.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Временные и географические рамки

Временные рамки понятия «средневековый Кольский Север» мы предполагаем соотносить с границами, общепринятыми в российской и западной медиевистике, где началом Средневековья считается крушение Западной Римской империи в конце V века. В то же время, как известно, окончанием Средневековья для разных стран и для разных исторических школ принимается рубеж, начиная от середины XV века и до первых десятилетий XVIII века. В последние годы российская медиевистика относит окончание периода Средневековья к концу XV – началу XVI веков.

В своем исследовании в полной мере соглашаясь с тем, что понятие «Средневековье» отражает в себе некий всемирный исторический процесс, мы в то же время полагаем, что в каждой стране он имел свои особенности и свою периодизацию. В этой связи, предполагая раскрыть тему христианского просвещения средневекового Кольского Севера, мы полагаем необходимым установить временные рамки исследования этого процесса, начиная от VII века по Р. Х. и заканчивая концом XVI века. То есть мы отстаиваем необходимость установления индивидуальных временных рубежей с учетом специфики процесса Просвещения средневекового Кольского Севера.

Отталкиваясь от столь давних времен, таких как VII век, мы учитываем данные науки о первых устойчивых международных контактах норманнов, касающихся вопросов христианской веры, начиная, как минимум, с VII века. Походы викингов, при всех ужасах средневековую Европу разорительных последствиях, неизбежно приводили к взаимопроникновению культур. Верхнюю временную границу нашего исследования мы определили концом XVI века (максимум самым началом XVII), чему дали соответствующее обоснование. Главной причиной установле-

ния этого рубежа явилось окончание периода активного христианского просвещения коренных народов Кольского Севера, совпавшее с окончанием XVI века – «века святых отцов», просветителей Крайнего Севера, школы заволжского старчества «Северная Фиваида».

Географическими рамками понятия *средневековый Кольский Север* для нас служат упомянутые в дошедших до нас текстах рунических грамот IX века границы владений «короля Норвегии и государя Руссов», которые в дальнейшем неоднократно подтверждались более поздними договорами. Эти исторические территории сферы влияния Древней Руси помимо собственно нынешней Мурманской области и северной части Беломорской Карелии (Лоухский, Кемский и Калевальский районы) включают в себя Северную Норвегию (районы Финмарк и Тромс), Северную Финляндию (области Лапландия, Северная Остерботния и Каянь) и Северную Швецию (провинции Норботтен и Лапланд региона Норланд).

§ 2. Кольский Север как объект научных исследований

Не секрет, что на сегодня «Арктика – это недостаточно изученная в научном плане часть мирового пространства». Понимание этого требует от российской науки активизации усилий по изучению Крайнего Севера в целом и особенно истории его освоения нашими предками в древности. Осознание остроты стоящих перед нами задач позволит исключить ситуацию, при которой «в условиях действия международных конвенций отдельные государства будут иметь достаточно доказательств и аргументов для решения в свою пользу принадлежности тех участков арктического пространства, на которые они претендуют»¹.

В этом ряду неотложных исторических исследований стоит и изучение прошлого средневекового Кольского Севера. История этих земель с большим запозданием обретает свое достойное место в российской исторической науке. Причиной тому, надо полагать, явилось то обстоятельство, что к моменту, когда российская история стала принимать конкретные научные очертания, Крайний Север Руси уже утратил свою былую привлекательность и необычайную значимость для Российской державы.

---

¹ Цветков В.А. Арктика – зона стратегических интересов России // Современная парадигма освоения и развития Арктики. Отделение общественных наук РАН. 15 декабря 2014 г. <http://www.ipr-ras.ru/appearances/tsvetkov-oon-15-12-2014.pdf>.

Те величайшие усилия, что предпринимали Государи Российские, начиная от Александра Невского и кончая последними московскими царями, дабы присоединить Кольский край к российским землям, к концу XVI – началу XVII веков увенчались долгожданным успехом. Но, увы, в те стародавние времена об исторической науке на Руси еще не помышляли. Безусловно, Церковь имела и хранила традиционные источники церковно-исторических знаний в агиографических сборниках, творениях святых отцов, в молитвенных текстах и пр. Все это составляло и преумножало письменную составляющую православной духовности, способствуя выполнению важнейшей задачи Церкви – хранению Предания, которое, собственно, и есть подлинная История Церкви.

Как известно, первоначальные контуры российской исторической науки начали определяться с начала XVIII века. Однако к тому времени для Петра Великого Русский Север уже представлялся лишь промежуточной ступенькой в достижении главной цели его жизни – необходимости «прорубить окно в Европу». Потому и история страны во многом закономерно сосредотачивалась на Европейском, Балтийском направлении. Что касается чисто церковно-исторических знаний, то «в XVIII веке в России сравнительно с XVII веком они пришли скорее в упадок, чем поднялись, несмотря на умножение духовных училищ, а потом, постепенно, и академий»¹. Утверждая это, надо по справедливости отметить, что Кольскому Северу император уделял пристальное внимание. Именно «со времени Петра Великого замечаются усиленные старания правительства к подъему вновь торговли и промышленности Лапландии»².

Дальнейшее превращение исторических знаний в науку, основание в 1725 году Академии наук, появление первых крупных научных исследований по-прежнему не имело сколь-либо заметной северной направленности. Крайний Север, и особенно Кольская его часть, постепенно превращались в некий «медвежий угол» российской истории. Одним из закономерных и печальных итогов такого равнодушия явилась бездарная потеря части российской территории в ходе демаркации границ с Норвегией, проведенной в 1826 году. И справедливо сетовали исследователи истории Крайнего Севера в то время: «Похоже, и иностранцам, и нашим

---

¹ Мелиоранский Б. Русская наука: Церковная история. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890–1907 гг.

² Голубцов Н.А. К истории города Колы Архангельской губернии // Изв. Арханг. О-ва изучения Русского севера. Архангельск, 1911. № 1. С. 12. (Далее: Голубцов Н.А. К истории города Колы).

старым воеводам, и боярам XVI века Лапландия была много ближе и знакомее, нежели мы ее знаем в XIX веке»¹.

Возврат государственной мысли к осознанию стратегической роли Европейской части русского Крайнего Севера произошел лишь во второй половине XIX века. Реальные и решительные шаги в этом направлении были предприняты царем-страстотерпцем Николаем II в результате анализа ситуации, сложившейся в начале Первой Мировой войны, когда получение союзнической помощи оказалось крайне затруднительным, а наиболее мощный Балтийский флот хоть и успешно, но мог решать лишь сугубо локальные задачи. Волевым усилием императора в последний год его правления была построена долгожданная Мурманская железная дорога и заложен северный город-порт Романов-на-Мурмане. Параллельно решению этих стратегических государственных задач началось активное изучение истории края, закладывались основы исторической науки о средневековом Кольском Севере.

В советское время идея всестороннего освоения и развития Кольского Севера и строительства здесь самого мощного океанского флота России, способного решать стратегические задачи, получила масштабное воплощение.² Однако, при этом энергичном промышленном и военном освоении края, древняя история Кольского Севера для советской науки особого интереса не представляла.

§ 3. Краткий обзор истории изучения Кольского средневековья

Если не считать двух уникальных источников информации, оставленных нам европейскими исследователями: голландцем Симом ван Салингеном по Кольскому Северу XVI века и шведом Иоанном Шеффером по Лапландии XVII века, иных более ранних достоверных и полноценных исследований в сколько-нибудь систематизированном виде мы не имеем.

Из отечественных источников в какой-то мере по информативности к ним приближается труд князя Андрея Курбского «О преподобном

---

¹ Гебель Г.Ф. Наша Лапландия // Изв. Архангельского О-ва по изучению Русского севера. СПб., 1909. Т. VIII. С. 115. (Далее: Гебель Г.Ф. Наша Лапландия).

² Эту идею императора Николая Александровича впоследствии полноценно сформулирует И. Сталин, пребывая в г. Александровске (Полярном) и осматривая Екатерининскую гавань: «Что такое Черное море? Лоханка. Что такое Балтийское море? Бутылка, а пробка не у нас. Вот здесь, на Севере – море, и здесь “окно”!».

Феодорите священномученике»¹ (охватывающий период начала XV – второй половины XVI веков), а также единственная сохранившаяся писцовая книга Алая Михалкова, отразившая ситуацию на Кольском Севере конца XVI – начала XVII веков.

Особую скорбь специалистов, изучающих средневековую историю Кольского Севера, вызывает тот факт, что два ценнейших исторических источника утрачены – и, видимо, безвозвратно. Первый – это написанные в XVI веке преподобным Феодоритом Кольским труд «История Карелии и Лапландии, а также рукопись, где изложил он им самим испытанное и проч.»². Второй – описание жизни Трифона Печенгского, которое, написанное «самовидцами» сразу после его кончины, оказалось «сожжено и погиге» при разорении обители в 1589 году и в дальнейшем сохранялось лишь в «малых книжицах и писаниях кратких»³. Первый документ, по-видимому, сгорел вместе с библиотекой Кандалакшского монастыря при его разорении финнами в 1589 году. Второй, скорее всего, был истребован в конце XVII века из Кольско-Печенгского монастыря архиепископом Афанасием (Любимовым) Холмогорским и Важским для написания нового жития прп. Трифона Печенгского. Если эта рукопись и была возвращена, то, скорее всего, сгорела вместе с Воскресенским собором г. Колы в пожаре при обстреле английским корветом «Миранда» в 1854 году.

Что же касается более раннего периода в жизни Кольского Севера, то определенную опосредованную информацию о событиях IX–XIII веков мы можем почерпнуть в древних норвежских хрониках, скальдических песнях и сагах, – но опять же, информация эта весьма локальна и во многом специфична⁴.

Если не касаться собственно истории северной христианизации, то весьма важным источником наших знаний о древнем Кольском Севере

---

¹ Курбский А. История о великом князе Московском. О преподобном Феодорите священномученике // ПЛДР. М., 1986. С. 324–354.

² «Сообщение о земле Лопи» Симона Ван Салингена, XVI век. Филиппов А. М. Голландец Салинген в России в XVI веке // Литературный вестник. СПб., 1902. Т. 4. Кн. 6. С. 123. (Далее: Филиппов А. М. Голландец Салинген в России).

³ Житие преподобного Трифона Печенгского, просветителя лопарей. РНБ, Соловецкое собрание, № 188. 53 л.

⁴ «Как памятники истории они требуют чрезвычайно осторожного подхода и вызывают у современных исследователей сильнейший, и во многом оправданный, скептицизм». Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье: Проблемы социального строя и культуры. М., Наука, 1977. С. 67.

является «Книга Большому Чертежу»¹. Это сохранившееся описание не дожившей до нашего времени очень древней карты российских «Поморских» земель начинается «от Студеного моря с западной стороны, от устья реки Тенуя морским берегом до устья Колы...». Информация этой «Книги...» уникальна, поскольку сохранила для нас очень важные свидетельства древних времен, чего мы отдельно коснемся далее в гл. 2 «Книга Большому Чертежу».

Следует еще раз отметить, что при всей, казалось бы, стратегической важности для Российской державы этих северных земель и заинтересованности в освоении богатств этого края изучением истории Кольского края вплоть до конца XIX века мало кто интересовался. Такое отношение не могло не отразиться на решении вопросов государственного статуса края, административного устройства или общественной жизни края, но также в полной мере отражалось на духовно-религиозном благополучии северян². Духовное окормление Севера Руси исторически объективно представляло собой весьма непростую задачу для священноначалия Церкви «вследствие тяжелейшего состояния дорог и протяженности епархий на многие тысячеверстные пространства». Так, например, «новгородский владыка ездил по своей епархии лишь через три года на четвертый»³. История Церкви зафиксировала единственный случай посещения архангельским архиереем северо-западных приходов епархии: «В 1858 году епископ Александр посетил Борисоглебскую церковь, что на реке Паз, и отслужил там молебен»⁴.

Пожалуй, лишь конец XIX – начало XX веков ознаменовали собой всплеск подлинного исследовательского интереса к истории Кольского Севера. Надо признать, что в это время во всех странах Фенноскандии начинается активное изучение культуры аборигенных народов, которое охватило практически все сферы традиционных практик. В России же, впервые на территории Великой Лапландии, были получены результаты

---

¹ Книга Большому Чертежу, или древняя карта Российского государства, поновленная в розряде и списанная в книгу 1627 года. СПб., 1838.

² В Кларовых ведомостях церковей Терского берега 1915 года на вопрос в графе: «Когда последний раз на приходе служил Преосвященный?» можно было прочитать: «В 1861 году».

³ Знаменский П. Приходское духовенство на Руси // Православное обозрение. 1867. Т. XXII. С. 205–206.

⁴ Саловцов К. Очерки Архангельской губернии // Архангельские губернские ведомости, № 9, 1862. С. 77. (Далее: Саловцов К. Очерки Архангельской губернии).

реального сотрудничества церковных и светских историков. Их вдохновенное соработничество на ниве постижения богатого исторического наследия этого края дало первые реальные плоды¹.

Интерес к изучению древней истории края в этот период во многом стимулировался наступившим конце XIX века долгожданным началом возрождения Трифоно-Печенгского монастыря. Император Николай II дважды приглашал настоятеля монастыря архимандрита Ионафана (Баранова) на личную беседу, что само по себе уникально и свидетельствует о пробуждении исключительного интереса российской власти к возрождению этой самой северной обители в мире.

В этой связи наибольшая концентрация усилий историков пришлась именно на изучение и восстановление истории просвещения края в XVI веке и на период наиболее активной деятельности древнего Печенгского монастыря (с 1532 по 1589 годы). Начало трудам исследователей положила публикация в 1859 году «Жития преподобного Трифона Печенгского, просветителя лопарей»².

Вскоре интересным и обстоятельным обзором сведений по Лапландии в «Архангельских губернских ведомостях» заявил о себе архангельский купец и краевед Николай Дергачев.³

Обширные публикации в «Архангельских епархиальных ведомостях» по истории просвещения Кольского края делал российский историк и этнограф, профессор Н.Н. Козьмин (Печенгский монастырь в Лапландии, 1900 год; Распространение христианства среди русских лопарей, 1901 год).

Возрождение древнего монастыря на Крайнем Севере Европы стимулировало и работу зарубежных исследователей из стран Скандинавии, где также весьма усердно почитали память просветителя Лапландии, преподобного Трифона. Так, в 1883 году, к 300-летию со дня кончины преподобного, вышел в свет труд «Печенгский монастырь в Русской Лаплан-

---

¹ Мы вспоминаем подвижников Лапландии, приходских священников церквей Кольского Севера протоиереев Георгия Терентиева, Константина Щеколдина, Михаила Истомина, Василия Мелетиева и других, активно публиковавших свои исторические и этнографические статьи в периодической печати.

² Житие преподобного Трифона Печенгского, просветителя лопарей // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 2. С. 89–120. (РНБ, Соловецкое собрание, № 188. 53 л.). (Далее: Житие преподобного Трифона).

³ Подробное описание Лопской земли // 1869. № 65. С. 67–87; Русская Лапландия. Статист., географ. и этнографический очерки. Арх., 1877.

дии» профессора лопарского языка университета Христиании Янса Андреаса Фрисса, известного знатока Лапландии и лопарского быта (*Friss J.A. Kiostirte i Petschenga Skildringer fra Russisk Lapland*). В своем труде профессор Фрисс впервые предпринял попытку критически переосмыслить и достоверно осветить историю жизни просветителя лопарей, преподобного Трифона, а также историю основанного им древнего Печенгского монастыря.

В 90-е годы XIX века известный исследователь Русского Севера, русский консул в Норвегии Д.Н. Островский опубликовал ряд основательных работ о древней истории Кольского края, его святынях и памятных местах.

Наиболее авторитетным исследователем истории Русского Севера в конце XIX – начале XX веков считался смотритель Санкт-Петербургского Александро-Невского Духовного училища архимандрит Никодим (Кононов), ныне прославленный как священномученик, опубликовавший несколько трудов по истории православного подвижничества на Русском Севере, и в частности значительное исследование, посвященное преподобному Трифону и его древней обители.

Писатель и знаток истории Севера А.М. Филиппов в начале XX века обнаружил и изложил в своих публикациях очень важный новый исторический материал из зарубежных источников, в частности знаменитое «Сообщение Симона ван Салингена» XVI века – «О Земле Лопи».

Несколько позже появилось еще одно обстоятельное исследование истории Печенгской обители, проведенное в начале XX века писателем-историографом Н.Ф. Корольковым, в котором акцент в большей степени был сделан на описании истории возобновленного в конце XIX – начале XX веков Трифоно-Печенгского монастыря¹. Автор подробно осветил новый опыт монастырского хозяйствования, организации различных производств и культурно-просветительскую роль монастыря в развитии северного края.

Из иных авторов, в той или иной мере изучавших древнюю историю края, можно отметить ученого и общественного деятеля П.Д. Шестакова, одним из первых подготовившего обширную публикацию по духов-

---

¹ Корольков Н.Ф. Трифоно-Печенгский монастырь, основанный преподобным Трифоном, просветителем лопарей, его разорение и возобновление. СПб., 1908. (Далее: Корольков Н.Ф. Трифоно-Печенгский монастырь).

ному устройству жизни лопарей и истории миссионерства в Кольском крае в целом.

В известном труде российского историка, профессора Московского университета В.О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник»¹ излагаются интересные факты из древней истории Кольского края, почерпнутые из текстов житий северных подвижников.

В развитие этой темы духовный писатель, протоиерей Никольского морского собора Санкт-Петербурга Иван Яхонтов в своей книге «Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник»² дает более углубленный анализ той исторической информации, которую сохранили средневековые жития подвижников Русского Севера. Рассматривая жития преподобных Трифона Печенгского и Варлаама Керетского под этим углом зрения, автор отмечает, что, «несмотря на многие формальности и утраты, для истории нашей отечественной Церкви жития эти представляют собою ценный памятник». В этом же ключе можно рассматривать и информацию, собранную архиепископом Филаретом (Гумилевским) в его агиографических трудах³.

Надо сказать, что в связи с возрождением Трифоно-Печенгской обители в конце XIX века интерес к этой теме был достаточно высоким и устойчивым. Недостатка в публикациях (в том числе и в периодике) не было, однако в абсолютном большинстве случаев они имели назидательно-благочестивый и воспитательно-морализаторский характер, не отличаясь научно-критическим взглядом на излагаемую информацию.

Подлинно полноценным трудом оказалась книга писателя-исследователя Сибири и Севера России Е.К. Огородникова, прошедшего тщательный анализ информации из интереснейшего источника древности «Книги Большому Чертежу»⁴.

Еще одним обстоятельным трудом конца XIX века, посвященным истории Лапландии, стало исследование этнографа, историка и археоло-

---

¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

² Яхонтов И.К. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник: составлено по рукописям Соловецкой библиотеки. Казань, Тип. Имп. Ун-та, 1881. 377 с.

³ Филарет (Гумилевский), архиепископ. Русские святые, чтимые всей Церковью или местно. Чернигов, 1861.

⁴ Огородников Е. Мурманский и Терский берега по Книге Большого Чертежа. СПб., 1869. (Далее: Огородников Е. Мурманский и Терский берега).

га Н.Н. Харузина «Русские лопари»¹. Если сам этнографический труд ученого подвергался критике, то опубликованные в приложении к нему Писцовые книги Алая Михалкова явились уникальными и бесценными источниками наших знаний о поселениях Кольского Севера конца XVI – начала XVII веков.

Таким образом, мы видим, что и всплеск подлинного исследовательского интереса к истории Кольского Севера, и реальное сотрудничество церковных и светских историков ознаменовали собой ренессанс государственного интереса к Кольскому краю во второй половине XIX – начале XX веков.

Однако после революции церковные историки были исключены из научной жизни. Возобновить начатую работу попытались ученые советского периода.

В 1926 году на Мурмане было организовано общество краеведов, поставившее задачу продолжить прерванные исследования истории Кольского края. Одним из организаторов и активных исследователей стал ученый краевед В.К. Алымов. Но наступил 1937 год, и самым громким на Кольском полуострове оказалось так называемое «саамское дело», или «дело Алымова и К°». Вместе с Алымовым были расстреляны еще пятнадцать человек.

По этому «саамскому делу» прошел и другой замечательный русский этнограф и знаток нашего края В.В. Чарнолуский. В 1938 году он был арестован, осужден по 58-й статье и отправлен в Каргопольлаг.

Идеологическое давление и политические репрессии на фоне исключения церковной и духовной составляющей из истории Кольского края неизбежно привели к стагнации исследовательской мысли и к профанации истории как науки. Исторической науке СССР в виде догмы был привит ортодоксальный марксизм, и отныне история человечества должна была являть собой лишь «историю борьбы классов»². А поскольку у бедных саамов и государства-то никакого не было, то изучение истории древнего Кольского края советскому ученому никаких «дивидендов» не сулило. Кроме того, столь очевидная решающая роль Церкви и церковных подвижников в освоении и просвещении этого края делала такую работу вовсе бесперспективной.

¹ Харузин Н.Н. Русские лопари // Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1890. Приложение № 2.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд., М., 1956. Т. 28. С. 424.

При этом надо указать, что из исследователей советского периода наиболее обстоятельно и успешно разрабатывал эту тему российский историк, профессор А.И. Андреев¹.

Заслуга первых реальных шагов по возвращению нам подлинной древней истории края принадлежит профессору Мурманского государственного педагогического института Ивану Федоровичу Ушакову, сумевшему в условиях жесткого идеологического диктата заложить основы и обозначить магистральные направления в изучении истории Кольского Севера.

Из современных авторов необходимо отметить ряд публикаций В.В. Калугина, затронувших историю написания «Жития Феодорита» князем А. Курбским. Ученый также проделал чрезвычайно важную работу по описанию сохранившихся на сегодня рукописей Жития преподобного Трифона и их текстологическому анализу, а кроме того сделал принципиальные выводы по датировке текстов Жития Трифона последней сохранившейся редакции².

В качестве прекрасного примера фундаментального исследования одной из исторических областей Кольского края – Печенги – может быть упомянут труд исследовательницы нашего края В.А. Мацак, в котором обстоятельно освещен и средневековый период в истории района.³

В 1996 году в духовной жизни древних земель Мурманна произошло событие чрезвычайной важности: впервые в истории Кольского Севера на его территории была учреждена самостоятельная епархия. Был назначен первый архиерей «Великой Лапландии», владыка Симон, инициировавший и благословивший систематическую работу по восстановлению и изучению церковной истории этого края.

Сразу оговоримся, что, используя термин «Великая Лапландия», мы ориентируемся на аналогичное понятие и словосочетание, издревле применявшееся в скандинавских странах. В 1611 году шведские летописи сообщали: «Из Великой Суомии, в Северной части России, напали тамош-

---

¹ Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959) – российский историк, археограф, доктор исторических наук, профессор.

² Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998; «Житие Трифона Печенгского» в письменности XVII–XX веков // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2003. С. 418–453; «Житие Трифона Печенгского» – памятник севернорусской агиографии петровского времени // Человек между Царством и Империей: Сборник материалов междунар. науч. конференции. М., 2003. С. 328–341.

³ Мацак В.А. Печенга. Опыт краеведческой энциклопедии. Мурманск, 2005.

ние жители на Восточную Ботнию»¹. Калька со скандинавской «Великой Суомии» – русская «Великая Лапландия».

Как явление особого Промысла Божьего о воссоздании подлинной истории просвещения Кольского края надо воспринимать недавнее открытие рукописного сборника древних «Канонов» начала XVII века письма соловецкого книжника архимандрита Сергия (Шелонина)², считавшегося навсегда утерянным вследствие разорения монастыря после «Соловецкого сидения».

Таким образом, прошедшие пятнадцать лет работы принесли весьма достойные плоды. Наш край наконец-то обрел свой подлинный духовный фундамент, и имена наших первоучителей и заступников Кольского Севера, преподобных Трифона Печенгского, Феодорита Кольского и Варлаама Керетского, заняли подобающие места в истории нашего края. Сегодня ни серьезный ученый, занимающийся изучением истории Кольского Севера, ни школьный учитель, ни просто северянин не сможет обойтись без фактов из Житий этих подвижников и вдохновляющей высоты их духовного подвига.

Становится все более очевидным, что дальнейшее полноценное развитие исторической науки немыслимо без ясного понимания того, что тысячелетняя история России неразрывно связана с историей русского православия. Мы не преодолеем волюнтаризм и ангажированность научного поиска, пока вновь не взглянем на историю с позиции верующего человека – «как на тайну и трагедию. Тайну спасения и трагедию греха»³. Пока же на сегодняшний день по-прежнему остро стоит проблема реально существующих отличий в подходах к исследовательской работе специалиста-историка с богословским образованием и историка, живущего вне богословской традиции и церковного Предания в целом. И в этом случае часто становится очевидной справедливость слов апостола Павла: *«Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сём надобно судить духовно»* (1 Кор. 2, 14).

¹ Олоф Далин. История Шведского государства в 8 томах. СПб., 1805–1807. Т. 2. С. 864.

² «Канон преподобному Трифану Печенгскому чудотворцу», «Канон преподобному Варлааму Керетьскому, новому чудотворцу». Рукописное собрание Псковского музея-заповедника. Ф. Никандровой пустыни. № 292. Лл. 92–97 и 413–420 об., соответственно.

³ Флоровский Георгий, протоиерей. Положение христианского историка / Догмат и История. М., 1998. С. 79.

Раздел II

Кольский Север как часть Арктики.
Исторический феномен Севера
и особенности его изучения

ГЛАВА ПЕРВАЯ

САКРАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОСПРИЯТИЯ СЕВЕРА

§ 1. Духовное восприятие Севера в истории

Обширные пространства Европейского Севера в целом и Кольского полуострова в частности в плане исторической информации о древних временах можно по-прежнему отнести к понятию «*Terra Incognita*» (Неизвестная земля). Необходимо признать, что собрать воедино разрозненные и весьма скудные сведения, дошедшие до нас из глубины веков, дабы получить мало-мальски целостную картину, весьма затруднительно. История порой оставила нам, даже в масштабе тысячелетней Руси, лишь «осколки» сведений об этом крае, не говоря уже о древнейшем мире, существовавшем здесь много тысячелетий назад.

Следует признать, что на протяжении всей истории человечества Север являл собой нечто загадочное, мистическое и притягательное. Письменные источники глубокой древности, касаясь северного направления, неизменно связывали его с владениями сил самых великих богов языческого мира.

Восприятие Севера и в современных языческих религиях мира продолжает следовать в русле этих древних традиций. Их основополагающие религиозные книги, индийская «Ригведа» и зороастрийская «Авеста», нередко обращаются к великому духовному потенциалу Севера, канонизируя сакральную устремленность к Северному полюсу.

Древнегреческий историк Геродот Галикарнасский, рассуждая о роли северных (гиперборейских) народов, уверенно указывает на них как на первоисточник эллинских языческих верований. «Образ богослужения и некие святыни, завернутые в пшеничных снопах, именно Гиперборейцы принесли Скифам, а от Скифов приняли богослужения окольные народы, от сих и греки, и напоследок образ богослужения принят от жите-

лей острова, называемого Делос»¹. Полагали, что именно здесь случилось явление двух великих богов (падших ангелов) древности – Аполлона и Артемиды. В результате остров Делос на долгое время явился духовным центром знаменитого дельфийского союза греков, объединенных общими «богами» и жертвоприношениями.

Высокий авторитет Севера оставался неизменным и в представлениях жителей Ближнего Востока: «В северной части неба находится вход в жилище и замок богов... Обыкновенно древние воображали богов обитающими на одной из северных гор, подпирающей небо под самым полюсом».²

В том же ключе, признавая Север источником «мерзостей языческих», единодушно высказывались и пророки Ветхого Завета, при этом прозревая постоянную угрозу со стороны Севера и относя его пространства к владениям князя тьмы, дьявола.

«Демонская сила всегда подразумевалась под именем севера» – к такому выводу приходят святые отцы, разбирая тексты Писания³. «Священное Писание часто называет севером – дьявола, за его холодность (нелюбовь), и еще потому, что на северной стороне от Иерусалима находился Вавилон»⁴. Эта холодность Севера, воспринимаемая как сосредоточение дьявольской нелюбви, очевидно соотносится с апокалиптическими временами, когда «по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь» (Мф. 24, 12). Об возвещал и пророк Иезекииль: «бурный ветер шел от севера» (Иез. 1, 4), предвидя, что «злой дух при кончине века страшно охватит людей цепением своего холода».⁵

Читая библейские Писания, невольно обращаешь внимание на то, сколь часто Господь устами ветхозаветных пророков возвещает о великой опасности и средоточении зла, таящегося именно на Севере. Возникает ощущение, что великие пророки древности вообще не знали иных врагов с иных сторон света. В какое бы время и в каких исторических ус-

---

¹ Фишер И.Е. Рассуждение о гиперборейцах, или о народе, за севером находящемся // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755. Февраль. С. 132.

² Скабалланович М.Н. Первая глава книги пророка Иезекииля: опыт изъяснения, Мариуполь, 1904.

³ Псалтырь в святоотеческом изъяснении / Издание Афонского монастыря. Афон, 1997. С. 168.

⁴ Зигабен Е. Толковая Псалтырь. Киев, 1882. С. 293. Правда, насчет Вавилона необходимо возразить: он находился от Израиля строго на восток.

⁵ Григорий Двоеслов, свт. Беседы на пророка Иезекииля. В 2-х кн. Казань, 1863.

ловиях они бы ни пророчествовали – опасность народу богоизбранному народу неизменно возвещается с Севера.

Если каждый раз эти пророчества истолковывать прямолинейно, в строго историческом контексте, и видеть в них лишь предупреждение народу иудейскому об очередных вражеских нашествиях соседних народов, то получим очевидное противоречие. Поскольку, если взглянем на карту, то обнаружим, что Вавилон тогда находился на востоке от Израиля, Египет на юге, а нашествие «народов моря» вообще происходило с запада.

Исследователи библейских текстов признают, что при упоминании «врагов с севера» «описание скользит по границам эмпирических категорий или даже выходит за них, и следует признать – Север – это направление, откуда спускаются демонические враги»¹.

Европейское христианство в полной мере наследовало ветхозаветное осмысление духовного потенциала Севера, и спустя тысячелетия вновь можно было услышать, что «там, на берегах океана, в горах пылает неугасимый огонь чистилища»². О том, что этот огонь, вырывавшийся из земных глубин, еще не столь давно был географической реальностью, упоминают и средневековые путешественники: «В этих местах, по слухам, есть очень высокие горы, которые, наподобие Этны (горы в Сицилии), постоянно изрыгают пламя»³. «Послы Московского Государя рассказывали также, что в тех местах они видели высочайшие горы, все время изрыгающие пламя, и что в самой Норвегии многие горы обрушились от непрерывного горения»⁴. Можно было бы воспринимать эти сообщения скептически, но регулярное обнаружение на берегах Кольского Севера выброшенной вулканической пемзы заставляет более взвешенно относиться к свидетельствам древних. Тем более что этому явлению находятся исторические свидетельства: «На берегах Кольского залива и у поселения Кола на берег выбрасывается серая и черноватая пемза»⁵.

Такое восприятие Севера как места концентрации сил зла в полной мере признавали и сами аборигены края, и, более того, они неукоснитель-

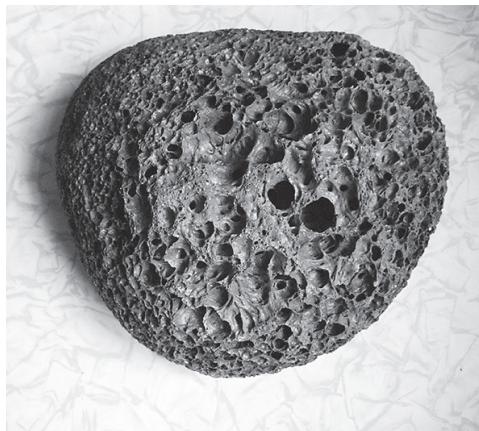
¹ Childs B.S. *Myth and Reality in the Old Testament*, Naperville, Illinois, 1960. P. 49. Цит. по: Вестель Ю.А. Амбивалентность библейского Севера // Север и история. Четвертые Феодоритовские чтения. Сборник научных статей. Мурманск – СПб, 2011. С. 121.

² Карамзин Н.М. *История Государства Российского*. СПб, 1997. Т. 7. С. 541–542.

³ Гваньини Александр. *Описание Московии*. М., Греко-Латинский кабинет. 1997. С. 88.

⁴ Герберштейн Сигизмунд. *Записки о Московии*. М., МГУ. 1988. С. 165.

⁵ Севергин В.М. *Опыт минералогического землеописания Российского государства*. СПб, 1809. Ч. 2. С. 32.

Образцы вулканической пемзы, найденные автором на острове вулканического происхождения Мадейра и на берегу Кольского залива

Поведительница Похьёлы Старуха Лоухи атакует корабль героев карело-финского эпоса Калевала

но следовали законам этой вотчины «князя тьмы». Так, в древнейшем финском эпосе «Калевала» Кольский Север предстает царством мрака и чародейства: там, под землей, находится обиталище мертвых, область Туони, в черных реках которой люди находят свою кончину. Об этом рассказывают нам руны, сложенные очевидцами, древними обитателями этих мест, которые магическими приемами легко достигали того подземного мира страны Туони.

В этой магической системе сторон света «богам-асам в скандинавской “Эдде” и карело-финским героям, “сынам Калевы”, противостоит некая Страна Севера, которая в силу чисто мифологического, “шаманского” отождествления севера с устьем реки и царством мертвых имеет явные хтонические [связанные с природной мощью земли или с подземным миром. – Е. М.] черты».¹

В германско-скандинавском эпосе эта северная земля именуется Йотунгейм (др.-исл. Jötunheimr), и населена она великанами-йотунами.

¹ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2000, С. 270–271.

Преступные соития бесов с дочерями человеческими.
«Historia de gentibus...», О. Magnus, 1555 г.

Содержание этих героических повествований в полной мере переключается с иными преданиями народов мира о мрачных временах, наступивших в древности на земле после рождения расы исполинов, что явилось следствием преступных соитий богов (падших ангелов) и людей (см. Быт. 6, 4).

Шведский историк А. Стриннгольм, анализируя эти древние предания, дает территориальную привязку земли Йотунгейм – на север от Двинского побережья Белого моря до Ледовитого океана и к востоку от Ботнического залива до Уральских гор¹. Как видим, большая часть земли Йотунгейм ныне относится к территории Кольского Севера.

В восприятии народов более поздних цивилизаций Север по-прежнему оставался владениями князя тьмы. Так, «исландская поговорка гласит: “Nidr ok norðr liggr helveg” – “Дорога в Ад лежит на Север и вниз”. Посылая кого-либо к дьяволу, швед говорит: “Onskar honom langt nordan till fjalls” – “Иди на Север в горы”»².

¹ Стриннгольм Андерс Магнус. Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов. М., 2002 / Перевод с нем. яз. А. Шемякина. С. 22. (Далее: Стриннгольм. Походы викингов).

² Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 16. (Далее: Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море).

И сейчас понятие Похьёла несет в себе угрозу.
Барельеф на здании в Хельсинки.
Фото автора. 2011 г.

Да и само название Севера – «Nord», увязанное с корнем, эпонимом Норвегии – «Norr», может свидетельствовать о «приурочении к Крайнему Северу царства мертвых, что вполне сходилось бы в сопоставлении этого слова “nordr” с греческим “νέρτεροι” – “подземные боги, жители царства мертвых”. И тогда слово “norvegr” нужно признавать синонимом “helvegr” и толковать как *дорога, путь, направление* в царство мертвых»¹. Само слово Хель (др.-сканд. Hel) означает как сами адские глубины, так и их повелительницу, богиню этого места наказания мертвых. Сюда уходят души тех, кто не принял смерть в бою и потому не достоин Вальхаллы – «чертогов Одина», «рая для доблестных воинов», где герои «пьют неиссякающее медовое молоко козы Хейдрун и едят неиссякающее мясо вепря Сэхримнира»².

Что касается Лапландии, то в «Калевале» ее именуют не иначе как мрачной Похьёлой³ – страной, населенной племенем колдунов. Как сви-

¹ Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 21.

² Мелетинский Е.М. Мифологический словарь. М., Советская энциклопедия, 1990. С. 67.

³ “Pohia” – слово, означающее “край”, а кроме того – “убийство”, “воровство”, “колдовство”. Kastern. Reiseerinnerungen aus den Jahren. 1838–1844. St.-Pet., 1853.

Летнее становище лопарей. Гравюра из книги: Rae Edward. The White Sea peninsula, a journey in Russian Lapland and Karelia. London. 1881

детельствуют руны, попытки одолеть лапландское колдовство кончаются неизбежным поражением, и лютая смерть ждет смельчака, дерзнувшего потягаться с лопарем в этом искусстве:

«Не ходи ты, мой сыночек,
В села Похьёлы далекой,
Не ходи без чародейства,
Без премудрости могучей –
Запоеет тебя турьянец¹,
Заклянет тебя лапландец,
По уста положит в угли,
В пламя голову и плечи,
В жаркую золу всю руку
На камнях раскаленных»².

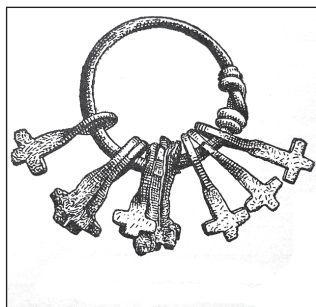
Также на восприятие Севера европейскими народами накладывалось и единогласное признание того, что не бывает более искусных магов и чародеев, чем северные лопарские нойды. «Историки удостоверяют, что лапландцы – очень знающие и опасные чародеи, настолько опытные в магии, что, к удивлению всего мира, они могут останавливать корабли на всем ходу. Никогда не было и теперь нет на свете более удивительных чародеев, чем лапландцы»³.

В том же ключе историки древности характеризуют духовное устройство других аборигенов Кольского Севера – жителей Биармии: «Во время войны они не столько пользуются оружием, сколько заклинаниями, с помощью которых вызывают на ясном небе густые облака и проливной

¹ Турьянец – лопарь, живущий на Кольском полуострове.

² Калевала: Финская народная эпопея / Перевод Л.П. Бельского. СПб., 1888. С. 61.

³ Scheffer Jean. Histore de la Laponie. Paris, 1678. P. 90–112.

Обязательный атрибут одежды скандинава-язычника, подвески-амулеты – «молоточки Тора»

дождь. Они весьма искусны в волшебстве: не только словом, но и одним взглядом они могут так околдовать человека, что он теряет волю, слабеет умом и, постепенно худея, умирает от истощения»¹.

В развитие этой темы у Саксона Грамматика можно ознакомиться с описанием неудачного похода в Биармию датского короля Рагнара (Regnar Lothbrog) в первой половине IX века. Легендарный конунг потерпел жестокое поражение не столько благодаря необычайной отваге жителей Севера, сколько вследствие их неодолимых магических приемов, «производивших то бурю, то страшную жару, то жестокий холод». «Мужи Бьярмии лукаво сложили оружие и своими заклятьями закрыли небо грозovým облаком, после чего неспешно растворились в воздухе под мрачным проливным дождем».² «Своим взглядом, словами и злодейскими методами они действительно способны создать людям такие препятствия, что те умирают и гибнут, обессилев, как бы лишаясь чувств. Они – злокозненные создания с совершенными приемами магии и прочего колдовства».³

§ 2. Место Севера в «духовных» сторонах света

До самого недавнего времени европейская христианская цивилизация воспринимала географические стороны света с учетом разобранной выше мистической составляющей. Север был ближе всего к владениям князя тьмы, к глубинам ада. Еще в глубокой древности в ассирийском календаре Север назывался Черной страной.

Позже в среде северных мореплавателей можно было услышать выражения: «идем вверх, на Русь» или же, наоборот, «идем вниз, в Норвегу». Север был внизу, где и положено быть владениям князя тьмы. Дви-

¹ Кузнецов С.К. К вопросу о Биармии // Этнографическое обозрение. М., 1905. № 2–3. С. 60. (Далее: Кузнецов С.К. К вопросу о Биармии).

² Саксон Грамматик. Деяния данов. Книга II. Хаадинг / Пер. Т.В. Гимранова. <http://norse.ulver.com/person/tild/dd01.html>.

³ Olaus Magnus. Histoire et description des peuples du Nord. Paris., 2004. P. 17. (Перевод по просьбе автора М. Щербины).

жение из этих мест воспринималось как возвращение к свету, как подъем наверх. «В языковой культуре стран Евразии географическое направление – север – устойчиво ассоциируется с черным цветом»¹. Отголоском этого понимания является традиционная закраска северного конца магнитной стрелки компаса черным цветом.

Если говорить о библейском восприятии Севера, то для древнего Израиля также было характерно вносить в географические направления духовную компоненту: «И будут ходить от моря до моря и скитаться от севера к востоку, ища слова Господня, и не найдут его» (Амос. 8, 12). Казалось бы, очевидное противопоставление север – юг при духовном аспекте рассмотрения борьбы света и тьмы, сил добра и зла трансформируется в антитезу север – восток. В свете вышесказанного становится объяснимым тот факт, что до Птолемея большинство карт были ориентированы верхней частью на юг, реже на восток, «но всегда восток и юг были предпочтительными»². Во времена раннего Средневековья картография так называемых карт мира часто отдавала предпочтение «восточной ориентации, что отражало значение, придаваемое в библейской географии востоку, где размещается рай»³.

Что касается самих аборигенов Севера, то у скандинавов, например, направления на север и на восток как одинаково негостеприимные края подчас вообще совпадали. Есть немало странных случаев, когда во вполне достоверных исторических описаниях Севера направление «на восток» и «на север» взаимозаменяемы. «Такую путаницу можно весьма часто проследить в географических определениях в древнесеверной литературе. Поэтому мы уже должны мириться с тем, что страна великанов, а равно и царство мертвых, помещаются попеременно: то на севере, то на востоке»⁴.

Таким образом, с учетом вышесказанного становятся объяснимыми многие недоумения, связанные с современным прочтением древних изображений. Так, например, среди иллюстраций к Лицевому своду можно видеть миниатюру «Святой Александр Невский гонит врага из Руси»,

¹ Подосинов А.В. Ex Oriente Lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 371.

² Подосинов А.В. Ориентация древних карт. С древнейших времен до раннего Средневековья // Вестник древней истории. 1992. № 4. С. 17.

³ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 6.

⁴ Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 86.

Если трактовать иллюстрации Лицевого летописного свода XVI века в современном восприятии «Севера вверху», то Александр Невский будет всегда наступать на врага с запада и гнать его на восток

но при этом войско князя устремлено, по нашему современному пониманию, на восток.

Равным образом многие «несуразности» исторических документов древности, в частности в описательной части «Книги Большому Чертежу», становятся легко объяснимыми, если принять во внимание эту особенность духовного восприятия сторон света в северном Средневековье.

Надо сказать, еще относительно недавно можно было видеть карты, отражающие изначальное восприятие сторон света и придерживающиеся традиционного взгляда на место Крайнего Севера в истории человечества.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА И ЗАГАДКИ СЕВЕРА

§ 1. Древняя Русь как греческая Гиперборея

Определение Крайнего Севера у древних греков вполне укладывалось в «греческое слово “*Ἄρκτος*” или “*Ἄρκτος*” – “медведица” или “медведицы” по названию созвездий Большой и Малой Медведицы, располагавшихся на северной части небосклона»¹. Мировая цивилизация в полной мере наследовала это название земель на краю света – Арктика. Но греки оперировали и иным понятием, порожденным именем одного из языческих богов древности – Борея (*Βορέας*), олицетворявшего бурный северный ветер.

Надо признать, грекам о далеких и загадочных землях Севера, «дальше которых уже никто не живет, а начинается мир теней, подвластный Аиду»², известно было немного. Полагали, что граничат эти земли с Океаном и относятся уже к «тому свету», к царству Аида, что они населены чудовищами и нечеловеческими существами и богаты удивительными природными дарами. В этих областях земля сходится с небом, не действуют привычные законы нашего мира и нарушена обычная смена дня и ночи. Согласно «Истории» Геродота, по пути к этим землям Крайнего Севера встречаются различные народы, но дальше всех на север живут гипербореи, то есть люди страны, находящейся «за Бореем», «за северным ветром».

С наступлением эпохи Византии ее «этногеографические представления в целом зиждились на прежних, классических античных. Так что древние дефиниции [*определения, раскрывающие понятия.* – **Е. М.**] в основном сохранили свое значение и в средневековых греческих текстах»³.

---

¹ Чепель Е.Ю. Крайний Север в представлении древних греков // Север и история. Четвертые Феодоритовские чтения. Сборник научных статей. Мурманск – СПб., 2011. С. 151.

² Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990. С. 137.

³ Бибииков М.В. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 2001. С. 83.

В то же время византийские авторы пытались предложить и свои атрибуции земель гипербореев и их жителей. Если в начале X века (около 913 года) византийский писатель и ученый Арефа, архиепископ Кесарийский, в комментарии на Апокалипсис пишет о гиперборейцах («крайних северных») «как о племени скифов, все губящих, куда бы они ни вторглись»¹, то к XII – XIII векам «наиболее частыми в связи с конкретизацией этого имени становятся упоминания Древней Руси, ее княжеств и областей»². Так, в начале XIII века агиограф Иоанн Ставракий в «Слове на чудеса св. Димитрия Солунского» упоминает «росов всякого рода, которых вскармливает самый северный (гиперборейский) климат»³. В дальнейшем византийские историки наиболее последовательно и как непреложную истину всегда полагали факт идентичности понятий Гиперборея и Русь.

Позже, в середине XIV века, византийский гуманист Никифор Григора, упоминая Россию, помещает ее «среди гиперборейских гор», в крайних северных («гиперборейских») пределах ойкумены⁴. Последний раз в византийской истории, перед своим закатом, Россию в связи с Гипербореей упомянул писатель и философ Георгий Гемист Плифон, который «к северу от России» помещает «залив Гиперборейского океана, замерзающий, по всей вероятности»⁵. Можно со всей уверенностью сказать, что «в византийской традиции категория “Севера” не только связана с Русью, но подчас и обозначает ее»⁶. Для «Греческого царства», для Царьграда, Россия и Север стали нераздельными понятиями.

В полной мере это положение зафиксировано в греческой грамоте Акта Константинопольского собора 1593 года, утверждающего патриаршество на Руси и возводящего митрополита Иова в сан первого Патриарха. В тексте говорится об утверждении «патриаршего престола благочестивейшего и православного города Москова», поскольку «страна эта

¹ Он же. Русь и «Гиперборея» в византийской традиции // Север и история. Четвертые Феодоритовские чтения. Сборник научных статей. Мурманск, 2011. С. 131.

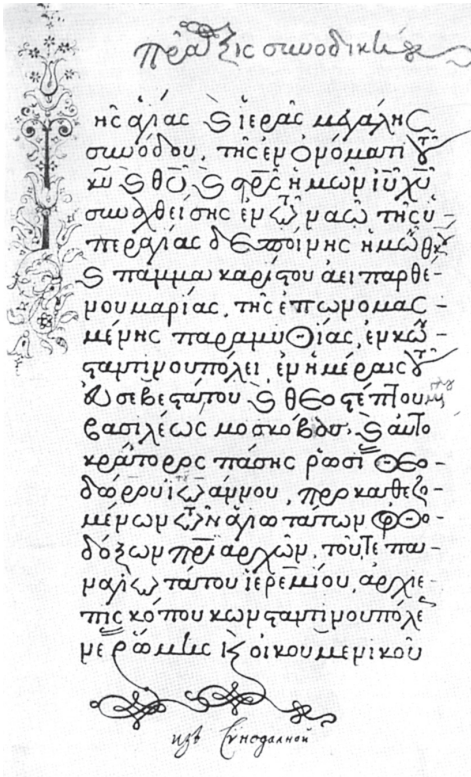
² Он же. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. Т. 1. С. 722–723.

³ Ioakeim Iberiotes. Ioannou Staurakίου Logos ... // Makedonika. 1940. Т. 1. Р. 370.

⁴ Nicephori Gregorae. Historiae byzantinae libri ... / Ed. I. Bekkerus. Bonnae, 1855. Vol. 3. Р. 199, 13–14; 511, 16–18.

⁵ Diller A. A. Geographical Treatise of Georgius Gemistus Pletho // Isis. Bruges, 1937. №. 27. Р. 444. (Перевод Горянова Б.Т.).

⁶ Бибииков М.В. Русь и «Гиперборея» в византийской традиции // Север и история. Четвертые Феодоритовские чтения. Сборник научных статей. Мурманск, 2011. С. 129.

Акт Константинопольского Собора 1593 года об основании Московского Патриархата. «Престолу благочестивѣйшаго и православнаго града Москвы быть и называться престоломъ патриаршимъ, потому что оную страну Богъ удостоилъ быть царствомъ, и всей Россіи и сѣвернымъ странамъ подчиняться сему патриаршему престолу... и подписываться по обычаю Патриарховъ православныхъ: “Патріархъ Московскій и всея Россіи и сѣверныхъ странъ”»

от Бога удостоена царства – это вся Россия и гиперборейские пределы», и подчиняется оно «патриаршему престолу Москва и всея России и гиперборейских пределов»¹. Далее утверждается официальный титул российского Первосвященителя – «патриарх Москва и всея России и гиперборейских пределов». Равным образом в документе упоминается и титул Государя Российского – «благочестивейший царь Москва и самодержец всея России и гиперборейских пределов».

§ 2. Антиномия «Рая» и «Ада» на Северном направлении

Надо сказать, на восприятии Севера древними греками отразилось единое индоевропейское двоякое отношение к северным странам. С одной стороны, они «полунощные», пребывают «во мраке», они источник северного ветра, приносящего стужу, бурю, снег, зиму,

¹ Фонкич Б.А. Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003. С. 395.

и в конечном счете ассоциируются с царством злых духов и со смертью всего живого.

С другой стороны, там, на Крайнем Севере, существует удивительная страна гипербореев, которая изображается как райская земля, где обитает счастливый народ, не знающий болезней и печалей. Жизнь этих людей длится тысячу лет, и проводят они ее в песнях и хороводах. «Там неизвестны раздоры и всякие болезни. Смерть приходит там только от пресыщения жизнью»¹.

С наступлением времени мировой христианской цивилизации эти двоякие представления о Севере были переосмыслены и получили новое развитие. О Севере как о вотчине князя тьмы и источнике зла сказано было уже много, и в этих свидетельствах недостатка нет. Но есть и целый пласт свидетельств о тайнах райских земель, сокрытых в Северных просторах.

С именем самого прославленного из «двенадцати апостолов Ирландии», преподобного Брендана Мореплавателя, игумена Клонфертского (ок. 484 – ок. 578), связана целая серия историй посещения северных островов, объединенных в книгу «Плавание святого Брендана»². Среди этих историй встречаются и рассказы об островах, как прельщающих бесовской силой, так и наполненных благодатью и святостью. Можно привести в пример такую историю: «Они поплыли в сторону летнего солнцестояния... и по истечении четырнадцати дней, когда закончились у них все припасы для поддержания жизни, появился перед ними на севере некий остров, весьма каменистый и высокий»³. Здесь им пришлось пройти через весьма коварные искушения «черного эфиопа», когда лишь духовная мудрость святого Брендана уберегла братию от тяжелых последствий этих козней бесовских. Посещая иные северные острова, монахи-путешественники видели и другую духовность Севера – благословенные земли и великие Божьи чудеса. Они слышали неизреченной красоты пение удивительных хоров и насыщались невиданными плодами, отчего «по-

---

¹ Плиний Старший. Естественная история. Книга четвертая. О странах Европы / Пер. с латинского и коммент. Старостина Б.А. // Вопросы истории естествознания и техники, 2007, № 3. § 89.

² Жития святых, в землях Британских и Ирландских просиявших. Сурожская епархия. Лондон, 2012. С. 607.

³ Плавание святого Брендана: Средневековые предания о путешествиях, вечных странниках и появлении обитателей иных миров / Пер. Н. Горелова. 2002. С. 22. (Далее: Плавание святого Брендана).

Икона прп. Брендана Мореплывателя, игумена Клонфертского († ок. 578)

Плавание св. Брендана

стоянно ощущали у себя во рту вкус меда». Временами им казалось, что они добрались до преддверий Рая, то есть совершили то, о чем вешали еще древние мудрецы.

Как свидетельствует средневековый историк Годфрид Витербосский (XII век) в своем труде «Пантеон»¹, знаменитый Иосиф Флавий утверждал: «Рай находится в стране Эдем, на Востоке, за Океаном. В некоей книге, хранящейся в церкви Святого Матфея, говорится, что там, на краю света, есть земля, где живут Енох и Илия, и что этот рассказ есть прибавление к книге Деяний апостолов»².

О встрече с великими пророками древности, Енохом и Илией, которые ожидают своего часа на далеком золотом острове, также повествуют ирландские предания. Тридцать монахов долгое время на корабле бороздили воды в высоких широтах, и все это время мореплаватели видели лишь «небесный свод да морскую гладь... Наконец они увидели остров и на берегу город, окруженный мощными стенами, целиком сложенными из золота»³. Там они увидели старцев с длинными седыми бородами и пышными волосами, которые подтвердили, что они Илия и Енох. На обратном их пути «подул благоприятный морской ветер. Бог отвел им на

¹ Gotefridi Viterbiensis Pantheon / Rec. J. Pistorius // Scriptores Germanicorum. Editio 3. Tomus 2. Ratisbonae, 1726.

² Плавание святого Брендана. С. 170.

³ Там же. С. 170.

возвращение пятнадцать дней, и они увидели берег родной Британии»¹. На всякий случай заметим, что от Кольского полуострова до Британии около 3000 км, что в путешествии под парусом как раз и займет 15 дней пути.

Несколько столетий спустя, когда опыт мореплавания в высоких широтах в полной мере перешел к поморскому люду Новгородской Руси, вновь зазвучали рассказы о райских островах Севера. Так, в послании архиепископа Новгородского Василия Калики (XIV в.) к епископу Тверскому Феодору Доброму новгородский Владыка приводит свидетельства мореплавателей о реальном существовании таких райских земель².

Надо сказать, в этой переписке отразилось столкновение понятий о разуме мистическом и разуме духовном, что затрагивает представление о сущности вещей. То, что епископ Феодор отстаивал возможность существования только «мысленного», «духовного» рая и отрицал возможность рая земного, материального, было не вполне ортодоксально и приближалось к оформившемуся позже еретическому учению Феодосия Косого о «разуме духовном», противостоящем «человеческим преданиям»³. В свою очередь, владыка Василий, который не сомневался в достоверности рассказа новгородского мореплавателя, тоже может быть обвинен в богословских заблуждениях⁴.

Однако изложим суть этого рассказа: «Место того рая находил Моислав Новгородец и сын его Иаков. Их всех было три юмы [*три судна, лодки (ц.-слав.). – Е. М.*], и одна из них погибла после долгих скитаний, а две других еще долго носило по морю ветром и принесло к высоким горам... И был свет многообразно светящийся, сияющий ярче солнца». В подлиннике написано: «свѣтъ бысть многочасѣтный»⁵, то есть много-составный, многокрасочный. По мнению исследователей, речь может идти о Северном сиянии. «А на горах тех слышали они пение, ликованья и веселья исполненное. И велели они одному из товарищей своих взойти

¹ Плавание святого Брендана. С. 171.

² Веселовский А.Н. Эпизоды о рае и аде в послании новгородского архиепископа Василия // Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., Вып. 6. 1891. С. 91–104.

³ См.: Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М., 1960. С. 138–149.

⁴ «Странно читать это послание». Макарий (Булгаков), митрополит. История русской церкви. СПб., 1866. Т. 5. С. 153. (Далее: Макарий (Булгаков). История русской церкви).

⁵ Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае / Подг. текста, пер. и коммент. Н.С. Демковой) // Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ. СПб., 1999. Т. 6. С. 13.

по щегле [лестница в виде длинного бревна с глубокими зарубками. – Е. М.] на гору эту, чтобы увидеть, откуда свет и кто это поет ликующими головами. Но случилось, что когда он взошел на гору ту, то тотчас, всплеснув руками и засмеявшись, бросился от товарищей своих на звук пения. Тогда другого послали, строго наказав, чтобы он, обернувшись, рассказал, что происходит на той горе. Но и этот так же поступил, не только не вернулся к своим, но с великой радостью побежал от них». Тогда на гору отправили третьего, уже предусмотрительно привязав веревкой, за которую его и стащили вниз. «И тут же оказался он мертвым. Они же устремились оттуда прочь – нельзя им было дальше ни смотреть на это – на эту светлость неизреченную, ни слушать веселья и ликованья. А дети и внушата этих мореходов и теперь, брат, живы-здоровы»¹.

§ 3. «Мать народов» – Север как прародитель европейских наций

Эпитетом «Мать народов» в своем труде «О происхождении и деяниях готы» наградил Крайний Север Европы готский историк VI века Иордан. «*Quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum*» – «Место производства племен и мать народов» – так оценивает Иордан значение Скандинавского полуострова или, в те времена, «острова Скандца» (*Scandza*)². По его мнению, многие народы, так же, как и древние готы в начале I века по Р. Х., «отчалив от этого острова, как рой пчел ринулись на берега материковой Европы»³. Описывая древнее население Скандинавского острова VI века, Иордан приводит до трех десятков этнических названий обитавших там племен. Большинство из них уже невозможно идентифицировать, в то же время некоторые названия звучат вполне узнаваемо. Так, например, в «племени скрерфеннов, что живут мясом диких зверей и птичьими яйцами», можно узнать скрикфиннов, которых в дальнейшем не раз будут упоминать средневековые путешественники Севера – С. Барроу, И. Шеффер, Олаф и Иоганн Магнусы. Так же очевидно узнаваемы и «кротчайшие финны – наиболее низ-

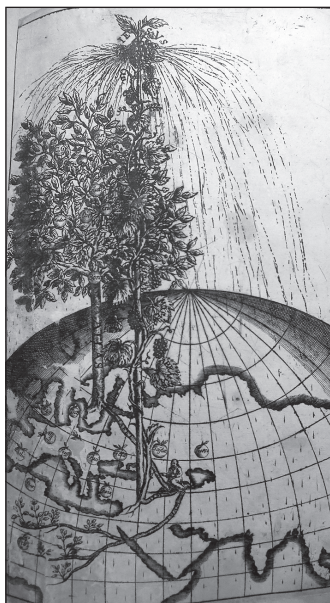
¹ Послание архиепископа новгородского Василия ко владыце тферьскому Феодору // ПСРА. 1853. Т. 6. Прибавления. С. 87.

² *De origine actibusque Getarum*. Гл. 4. С. 60. Цит. по: Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 39.

³ «С острова Скандзы, как из мастерской, изготовляющей племена, или как из утробы, порождающей народы». Иордан. О происхождении и деяниях готы. *Getica* / Вст. ст., пер. и коммент. Скржинской Е.Ч. М., 1960. Гл. IV. С. 63.

Скандинавия как источник, питающий все народы. Подпись на латинском: «Источник сокровенной мудрости Гиперборейской богини». Рис. из книги: Olf Rudbecks. *Atlands eller Manheims, Atlantica sive Manheim, vera Japheti posterorum sedes et partia*, Upsalæ, 1679, P. 2

Мировое древо (др.-исл. Iggrasill) – в скандинавской языческой религии гигантский ясень, являющийся структурной основой мира, соединяющей различные миры. Рис. из книги: Olf Rudbecks. Atlands eller Manheims, Atlantica sive Manheim, vera Japheti posterorum sedes et partia, Upsalæ, 1679

корослые из всех обитателей Скандзы», и племя «тевсты», которое можно соотнести с финской средневековой народностью тавасты, или емь.

Впервые название Скандинавского полуострова (в те времена еще острова) – «Scatinavia» – встречается в I веке по Р. Х. в труде Плиния Старшего «Естественная история». Автор описывает «огромный залив, усеянный островами, из них самый известный – Скатаинавия... На нем в своих пятистах деревнях живет народ гиллевионов. Они свой остров называют *alterum orbem terrarum*, то есть “второй землей, другим миром”»¹. Речь идет о северных германцах (Hilleviönes), что в древности населяли Скандинавию в ее южной части. Эти племена, объединенные понятием *норманны*, в дальнейшем разделились на свионов, данов, гаутов и иных. При этом всех их объединяло ремесло морского разбойника и открывателя новых земель, оформившееся в понятие *викинг*.

Восприятие Скандинавии, и особенно Швеции, как колыбели человечества отстаивали в своих трудах и средневековые ученые, опираясь на древнее германо-скандинавское языческое учение о Мировом древе. Порой даже древнюю Атлантиду, описанную в свое время Платоном как исчезнувшее древнее государство с идеальным общественным устройством, они обнаруживали именно на острове Скантинавия².

Плиний говорит и о других островах, так, например, «остров Энигия, как считают, размером не меньше Скатаинавии»³. Историкам так и не

¹ Плиний Старший. Естественная история. Книга четвертая. О странах Европы / Пер. с латинского и коммент. Старостина Б.А. // Вопросы истории естествознания и техники, 2007, № 3. § 96. (Далее: Плиний Старший. Естественная история).

² Olf Rudbecks. Atlands eller Manheims, Atlantica sive Manheim, vera Japheti posterorum sedes et partia, Upsalæ, 1675–1698.

³ Плиний Старший. Естественная история. Там же.

удалось идентифицировать этот остров. Надо полагать, что если мы сделаем необходимые расчеты и опустим сушу Фенноскандии на десятки метров, необходимые для идентификации острова данные появятся в достаточном количестве, поскольку Финский залив, например, через Ладожское и Онежское озера и иные водные и болотистые пространства Заволочья соединится с Белым морем.

И, конечно же, Скандинавия станет островом посредством расширения хорошо известного в Средневековье великого водного пути, соединяющего Ботнический залив и Варангер-фьорд. В составе слова *Скандинавия* специалисты-филологи очевидным образом выделяют второй германский корень, обозначающий понятие «остров» (др.-нем. *ouwa* – на). Таким образом, уже в названии зафиксировано понимание островной природы нынешнего Скандинавского полуострова.

Спустя столетия византийский историк V–VI вв. по Р. Х. Прокопий Кесарийский вновь дал информацию о Крайнем Севере Европы, описав некий огромный остров Фулу. Следует заметить, что этот остров Фуле, или Туле, впервые был упомянут тысячелетие назад, в IV веке до Р. Х., греческим путешественником Пифеем в сочинении «Об Океане». Описание Пифея не позволило достоверно определить местоположение этого острова, в то же время Прокопий уверенно идентифицирует Фуле как Скандинавию. Этот «очень большой остров» он называет не иначе как «самый край обитаемой земли... далеко на севере. На этом острове, в обитаемой его части, живет тринадцать племен, очень многолюдных, и у каждого племени свой царь»¹. То есть Прокопий, вслед за своими предшественниками, отстаивает особую роль этих крайне северных земель как «мастерской, изготавливающей племена, или как утробы, порождающей народы»².

Житель Палестины, Прокопий в своих *Летописях* искренне удивляется небывалому явлению полярного дня и полярной ночи в этих краях. Он описывает примечательную традицию этих мест в определенное время зимы посылать «знающих людей на вершины гор, дабы увидеть первые признаки возвращающегося солнца. Получив эту добрую весть, на-

---

¹ Прокопий Кесарийский. *Война с готами* / Пер. с греч. Кондратьева С.П. М., 1950. Кн. II, Гл. 15. С. 210.

² Иордан. *О происхождении и деяниях готы. Getica* / Вст. ст., пер. и коммент. Скржинской Е.Ч. М., 1960. Гл. IV. С. 63.

род, хотя еще и в темноте, но отмечает эту весть всенародным гулянием. Это самое великое торжество у жителей Фулы»¹.

Надо сказать, эта традиция сохранялась на Кольском Севере до весьма недавнего времени. На Терском берегу Кольского полуострова в древнейшем поморском селе Варзуга есть церковь в честь святителя Афанасия Великого. Можно было бы недоумевать, откуда у поморов такая любовь этому высокому богослову Александрийской школы, если бы не одно обстоятельство. На поморье издревле празднуют «Афанасьев день», то есть день памяти святителя Афанасия, – 31 января. Это день возвращения солнца на Терский берег после полярной ночи.

§ 4. Тектонические процессы в геологии Кольского Севера

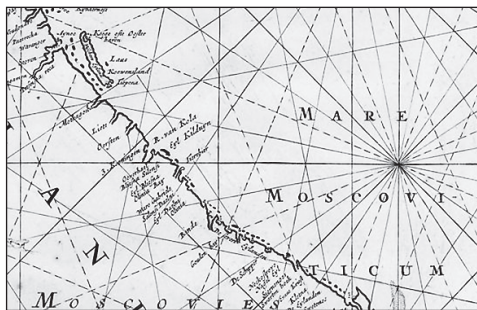
Необходимо признать, что исследование древнего Севера и создание целостной картины его исторического развития значительно осложняют очевидные и масштабные природные перемены, происходившие на его обширных пространствах и самым радикальным образом менявшие картину жизни этих мест. Эти перемены связаны как с тектоническими процессами поднятия так называемой Фенноскандии², так и со значительными переменами в климате, видимо, связанными с воздействием атлантических течений и, как следствие, с масштабными миграциями древнего населения этих мест.

Все это вносит столь очевидную несогласованность в картину жизни на Севере, почерпнутую нами из исторических источников, с нынешними реалиями нашей северной жизни, что лишает нас доверия к этим свидетельствам древности.

Но если мы признаем радикальный характер перемен в географической и геологической составляющей Севера и связанных с ними изменений очертаний берегов и рельефа местности Севера Европы за прошедшие тысячелетия и даже столетия, мы неизбежно с доверием примем многие из свидетельств древности, которые ранее относили к области мифологии.

¹ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. Чекаловой А.А. М., 1993. С.161.

² Фенноскандия – физико-географическая область на севере Европы, охватывающая территорию Скандинавского и Кольского полуостровов, Финляндии и части Карелии. Распологается на Балтийском щите, который на протяжении всей своей геологической истории испытывает устойчивое поднятие.

Остров Рыбачий и Московское море «Mare Moscoviticum» на карте из «Louis Renard» «Atlas de Navigation», Amsterdam, 1715

Таким образом, станут вполне приемлемыми и справедливыми описания древнегреческими историками Северной страны – Гипербореи¹. И широко известные Острова блаженных (греч. Μακάρων Νῆσοι) и знаменитый остров Туле могут найти свои реальные географические координаты.

Чтобы убедиться в достоверности этих утверждений, достаточно, к примеру, произведя несложные подсчеты, получить тот уровень Мирового океана на Севере, который существовал здесь две тысячи лет назад и был выше нынешнего на 10 метров.

Таким образом, если взять гипсометрическую карту Мурманской области и мысленно (или графически) опустить нынешний уровень суши Кольского полуострова, подняв, таким образом, уровень Мирового океана, то мы увидим, как Кольский полуостров превратится в остров, о чем и свидетельствует «Книга Большому Чертежу». Равным образом островами станут и нынешние полуострова Рыбачий и Средний². То же самое произойдет с норвежским полуостровом Варангер и с рядом мысов в норвежских шхерах³.

¹ Диодор Сицилийский (ок. 90–30 гг. до Р.Х.), древнегреческий историк и мифограф: «Этот остров расположен на севере, и его населяют гипербореицы, поскольку он лежит за пределами Борея. Остров этот, по их словам, плодородный и плодоносный, отличающийся еще и хорошим воздухом: дважды в год приносит плоды».

² Из навигационного руководства XIX века: «Перешеек [между Рыбачьим и Средним. – Е. М.] местами усеян озерами, из коих ближайшие к морю соленые. Предположение, что перешеек сей был некогда морем, тем вероятнее, что понижение вод Северного океана многими и давно уже было замечено, и едва ли уже подлежит сомнению». «По Лапландскому берегу, везде, где оный состоит не из сливного гранита, находят гряды кругляков, на высоте от 6 до 8 сажень [13–17 метров. – Е. М.] над чертою полных вод, свидетельствующие, что море в прежние времена до сей высоты достигало» (из записок исследователя А.Ф. Миддендорфа). Цит. по: Кошечкин Б.И. Тундра хранит след. Очерки об исследователях Кольского Севера. Мурманск, 1979. С. 23.

³ Островский Д.Н. Лопари и их предания // Известия Императорского Русского Географического общества. СПб, 1889. Т. 25. С. 27. (Далее: Островский Д.Н. Лопари и их предания).

Карта, отражающая различную скорость поднятия поверхности Северной Европы в сантиметрах в год. Geer Gerard de. Om Skandinaviens nivaforändringar under kvartarperioden, Geologiska Foreningen. Stockholm, 1888. S. 66

В наше время этот процесс поднятия поверхности земли несколько компенсируется повышением уровня Мирового океана за счет увеличения в нем объема воды. Таким образом, «скорость поднятия дна здесь составляет 4-5 мм в год»¹. Но, тем не менее, «наибольшая скорость поднятия характерна в целом для Мурманского побережья. Современное состояние в северной части Европы контролируется сетью GPS под названием “Бифрост”. Результаты данных GPS показывают пиковую скорость около 11 мм в год»². Уже в XIX веке составлялись карты, отражающие уровень подъема поверхности суши в различных частях Северной Европы³.

Примыкающий к области Финнмарка в своей северной части берег Ботнического залива, согласно многолетним замерам, поднимается на 90 см за сто лет. «По примечаниям шведов, вода в Балтийском море упадет за сто лет на 45 дюймов [113 см. – Е. М.]»⁴.

Нечто подобное можно видеть и в иных районах Скандинавии. Так, известный шведский историк, описывая этот район во времена основания города Стокгольма, указывает: «Вода в Северных морях в 1260 году стояла около десяти локтей [46 см $\times$ 10 = 4м 60 см. – Е. М.] выше, нежели

¹ Мурманская область: География и история освоения. Мурманск, 1996. С. 98.

² Johansson J.M. Continuous GPS measurements of postglacial adjustment in Fennoscandia // Journal of Geophysical Research. 2002. № 107.

³ Geer Gerard de. Om Skandinaviens nivaforändringar under kvartarperioden, Geologiska Foreningen. Stockholm, 1888. S. 66.

⁴ Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон. М., 1788. Ч. 1. С. 67.

теперь. Здесь ничего не было, кроме высоких гор и небольших островов. И хотя реки глубже были, однако ж и берега их вдвое выше теперешних стояли»¹. Упоминания ныне несуществующих островов сохранили древние тексты: «Около 100 года н. э. готы жили возле устья Вислы, куда они пришли, по их собственному сказанию, изложенному Иорданом, с острова “Scandza”, т. е. из Скандинавии»².

Есть и иные письменные свидетельства, где Скандинавия называется островом:

«Там есть остров, называемый Канси³ (Скандинавия),
И я полагаю, что это Роси (Русь),
Огромным соленым морем
Окруженная со всех сторон»⁴.

Если следовать далее, вглубь веков, и повышать уровень моря (точнее, опускать Балтийский щит на его прежний уровень), произойдет слияние Балтийского моря через Финский залив с Белым морем через его Канда-лакшский залив⁵.

Безусловно, можно найти массу подтверждений тому и в топонимической памяти нашего края. Так, например, цепь гор, находящихся в Норвегии и идущих от Kjolén к Энаре, лопари называют Suelot sjigi – Цепь Островов. Историк конца XIX века справедливо замечает: «Вероятно, от того времени, когда Север Скандинавии лежал под водой и эти горы возвышались над волнами в виде островов»⁶.

Совершенно иными были возможности перемещения по этим громадным пространствам Европейского Севера, поскольку существовало много больше полноценных «водных путей», ныне исчезнувших вследствие поднятия суши. Как свидетельствует финский исследователь, зем-

---

¹ Олоф Далин. История Шведского государства. СПб., 1805. Т. 2. С. 283. (Далее: Далин О. История Шведского государства).

² «Краткая форма слова Скандинавия – Scandia (Плиний и др.), более старое – Skadnia. Эта форма лежит в основе иордановского названия острова Scandza». Вессен Э. Скандинавские языки. М., 2007. С. 44.

³ «На Равеннской карте мира Скандинавия представлена в виде острова, называемого «“Scanza”». Kowalenko W. Bałtyk i Pomorze w historii kartografii (VII–XVI w.), Studia Pomorskie, Poznań, 1954. S. 356.

⁴ Бенуа де Сент Мор. Хроника герцогов Норманнских (XII в.). Цит. по: Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979. С. 242.

⁵ «Геологи констатируют, что с 3 тысячелетия до Р.Х. и до нашего времени уровень Ладожского озера понизился на 21 метр». Писков А. Наследие вождей Атлантиды. Элиста, 2008. С. 4.

⁶ Островский Д.Н. Лопари и их предания. С. 27.

На карте 1601 года проиллюстрировано историческое восприятие Скандинавии как острова. Водный путь обозначен от Нордкинна по реке Тана и до Балтики. Более востребован был водный путь, идущий из Варангер-фьорда по Паз-реке

ляные работы, проводившиеся в XIX веке в финской Остерботнии, рядом с Калевальским районом Карелии, показали, что «подмшистым покровом на перешейке находилось древнее русло реки, соединявшее озера и реки Карелии с Ботническим заливом»¹.

Даже относительно недавние письменные свидетельства о Кольском Севере несут в себе информацию о разительной перемене берегового ландшафта. Так, например, русло реки Варзуги и рельеф берега сильно изменились с XVI века, о чем свидетельствует, например, Писцовая книга Варзужской волости за 1570 год. Согласно с этим источником, в древности на реке был жилой остров, на котором размещалась часть деревни Варзуги. Здесь, «на острове на реке на Варзуге», в конце XVI века еще находилось семь дворов, в том числе и подворье «Соловецкого монастыря, а в нем дворник Ивашко Никитин». Кроме того, «на острове» умещалось еще и место покосное, «полянка Гридинская Андреева»².

Аналогичные свидетельства находим и о принципиально иных очертаниях самого устья Варзуги и берегов реки в районе Кузомени. Источники XVI века фиксируют существование некоего «Великого Острова» на реке, где исторически существовал так называемый «перевоз» – переправа через реку для последующего движения на восток Терского берега. На этом «Великом Острове» «в Кузониме» размещались две рыбацкие тони. Теперь такого острова не существует, а «перевоз» (паромная переправа) организован в самом низу, на устье Варзуги.

¹ Lukkarinen J. Eräs muinainen kulkutie Laatokan ja Oulunsuun välillä. Suomen museo XXIV. Suomen muinaismuistoyhdistys. Helsinki. 1917. S. 2.

² «Сотная» из писцовых книг Василия Агалина и подьячего Степана Федорова на Варзужскую волость // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. Л., 1930. С. 33, 38.

Несложные расчеты по возвращению уровня моря на прежние параметры относительно берега позволяют нам увидеть давние географические очертания этих мест. И тогда мы действительно увидим широчайшее устье «большой реки, которая вела внутрь земли»¹, о чем писал мореплаватель Оттар в IX веке, тот «великий водный поток, который отделял земли терфиннов и Биармии». И «Великий Остров» обретет свое историческое место.

Становится понятно, что именно в этом неумолимом процессе поднятия Кольского полуострова кроется источник нынешней экологической проблемы на Терском берегу, называемой антропогенной пустошью, или Кузоменскими песками. Дело в том, что это побережье еще относительно недавно, в начале второго тысячелетия по Р. Х., было песчаным дном широчайшего устья реки Варзуги, и растительному покрову надежно закрепиться на такой почве за последние столетия оказалось крайне трудно. Чрезмерная активность человеческой деятельности в районе современной Кузомени в XXI веке быстро повредила тонкий земельный слой и привела к нынешней экологической катастрофе.

§ 5. «Книга Большому Чертежу» как источник исключительной информативности

«Книга Большому Чертежу, или древняя карта Российского государства, поновленная в розряде и списанная в книгу 1627 года»² является весьма важным источником наших знаний о древнем Крайнем Севере Руси.

Описание российских «Поморских» земель в этой книге начинается «от Студеного моря с западной стороны, от устья реки Тенуя [*Tanaelv* (норв.). – **Е. М.**] морским берегом до устья Колы ...». То есть, согласно этой древней карте, российская территория на северо-западе Европы ограничивалась «устьем реки Тенуя», что означает нынешний Норвежский залив Тана-фьорд³. Само норвежское название залива свидетельствует, что раньше так оно и было: «Тана» в переводе с норвежского – сторожевая застава.

---

¹ «Орозий короля Альфреда» (IX век) // Матузова В.И. Английские средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 24. (Далее: Орозий короля Альфреда).

² Книга Большому Чертежу, или древняя карта Российского государства, поновленная в розряде и списанная в книгу 1627 года. СПб, 1838.

³ Тана-фьорд отстоит от нынешней российско-норвежской границы по береговой линии на 200 км.

Иван IV Грозный. Итальянский рисунок на меди.
J. Carmichael Histoire illustree de la Russie. Paris, Gallimard, 1960

Первые официальные карты – «чертежи» – пограничных российских земель были созданы в самом начале XVI века при царе Василии III Ивановиче (1479–1533). В описи архива московского Посольского приказа, составленной в 1614 году, например, упомянута карта того времени: «Чертеж Корельские и Лопские земли к Мурманскому морю с каинскими немцы...»¹. Несомненно и то, что некие описания и рисунки этих мест должны были существовать много раньше.

На весьма значительную древность первого «Чертежа» есть и прямые указания: «В одном из списков “Книги...”», принадлежащем Академии Наук, сказано, что “сей чертеж учинен в давних годах”, а “переписан и пополнен при Иоанне Васильевиче”»².

То есть эта полноценная карта российских земель – «Большой Чертеж» – была вычерченная заново повелением Иоанна Грозного, когда «царь Иоанн IV Васильевич в 1552 году велел чертеж государства сделать»³. Однако в основе своей она имела некую древнюю карту российских земель. Также в правление Грозного в середине XVI века было произведено и текстовое описание этого «чертежа» – «Книга Большому Чертежу», однако «до нашего времени дошли ее списки в редакции 1627 года»⁴.

О значительной древности собранной в «Книге» информации о Кольском Севере свидетельствуют упоминания тех или иных географических названий и объектов, которые к середине XVI века уже перестали существовать.

Так, например, если бы не «Книга Большому Чертежу», мы бы ничего не знали о древнейшей монашеской обители Кольского Севера – Свято-Никольском Кукуевом мужском монастыре: «а от усть реки Порьей, у моря монастырь Кукуев»⁵.

¹ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., Изд-во Восточной литературы, 1960. 207 с.

² Огородников Е.К. Мурманский и Терский берега. С. 81.

³ Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен... М., 1768–1848. Т. I. С. 506.

⁴ Книга Большому Чертежу. М.–Л., Изд-во АН СССР, 1950. С. 166. (Далее: Книга Большому Чертежу).

⁵ Там же. С. 171.

Так же и в описании Печенгской губы мы можем обрести уникальную информацию: «а у морской проливы, на устье реки Печени, **два монастыря** Печенские»¹.

И точное место нахождения знаменитого «Валитова городища» мы также находим в этом источнике: «а промеж тех речек [р. Деньга и р. Воема] на море, на острове, близко к берегу, Волитово [или Волотово] городище».

О большой древности исходной информации, использованной при описании Терского берега Кольского полуострова, говорит тот факт, что в «Книге» указаны лишь два самых древних поселения – Варзуга и Умба, появившиеся в XIII веке, хотя информация в целом о степени заселенности края приведена весьма подробная.

¹ Книга Большому Чертежу. С. 167.

Поморы и лопари («ямщики»), промысляющие перевозом на водном пути из Кандалакши в Коу в районе Имандры. Гравюра из книги: Rae Edward. The White Sea peninsula, a journey in Russian Lapland and Karelia. London. 1881

В этом смысле интересно отметить, что и в устье реки Нивы указывается лишь некий «монастырь Кандалакша», а погост или волость еще не упоминается.

Но есть еще одно удивительное свидетельство большой древности исходного географического материала этого «Чертежа», которое можно обнаружить в тексте «Книги», чрезвычайно важное для наших последующих рассуждений. Во-первых, знаменитый мыс Святой Нос в этой книге, равно как и во всех ее рукописных вариантах, называется не иначе как «остров Святой Нос»¹. Но, что особо примечательно, и Кольский полуостров зафиксирован в книге как остров.

§ 6. «Морской берег Кольского острова»

«Книга Большому Чертежу» дает древнее описание того исторического водного пути, «великой реки Колы», что соединял Кольский залив с Кандалакшским заливом (Баренцево море с Белым

¹ Спасский Г. Книга Большого Чертеж. М., 1846. С. 275. Примеч. 176.

морем), отделяя Кольский остров от материковой части Лапландии. Текст «Книги» свидетельствует о том, что в те древние времена этот водный путь по рекам и озерам практически воспринимался как морской путь: «От Кольской губы прямо¹ усть реки Нивы, те все реки морским берегом стали в губе».

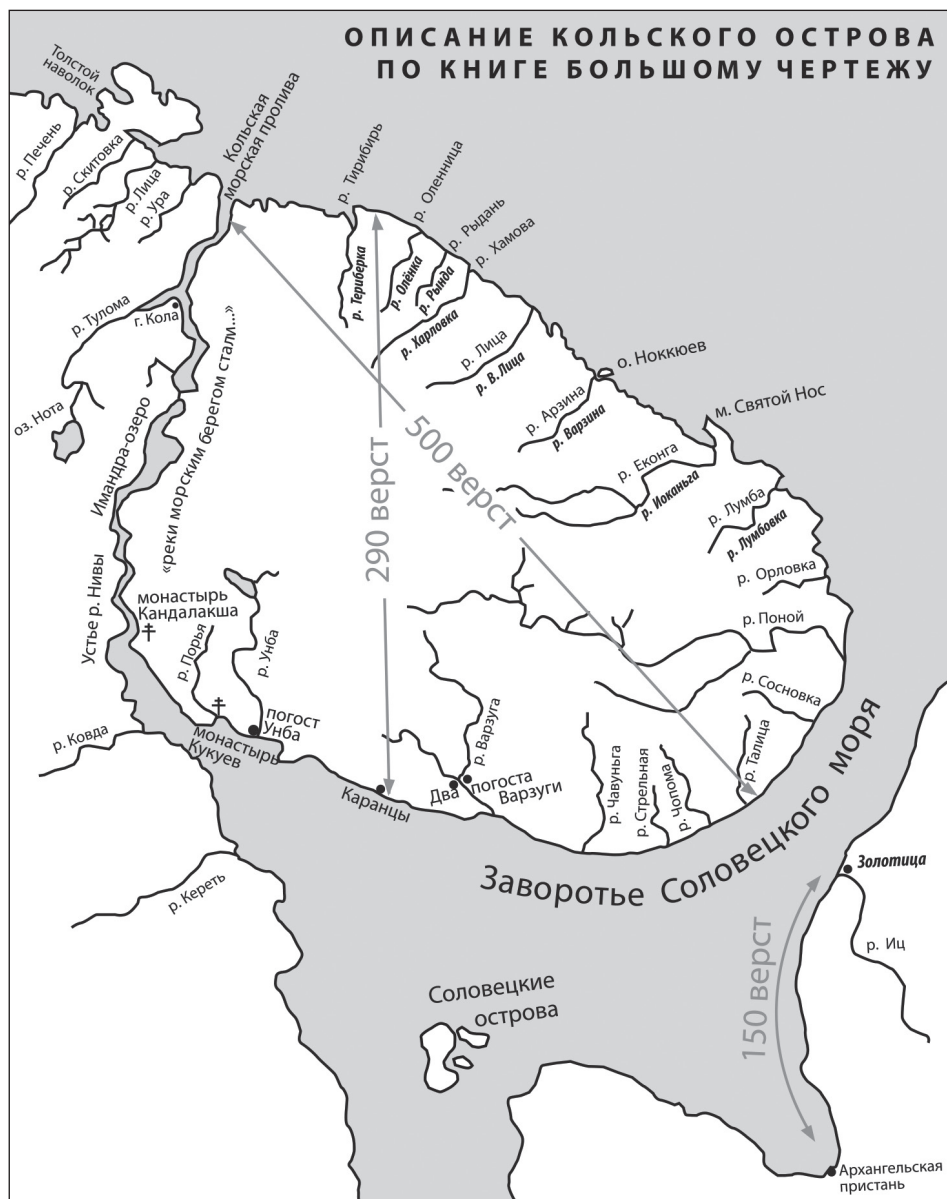
Сегодня вследствие поднятия Кольского полуострова и всей Фенноскандии в целом такого «морского берега» единой губы уже не существует. Но авторы «Книги» справедливо обозначают нынешний Кольский полуостров как **остров**. При этом они приводят удивительно точные для того времени размеры этого Кольского острова: «от верху Колы реки до моря, что против Архангельской пристани, против реки Иц – 500 верст [линия с северо-запада на юго-восток. – **Е. М.**], а поперек того **острова** – 290 верст [то есть с севера на юг. – **Е. М.**]². Упомянутая «Архангельская пристань» служит здесь ориентиром по долготе, указывая границу протяженности острова с запада на восток. «Река Иц» приводится для ориентира по широте, привязывая границу оконечности острова с севера на юг.

На современных картах названия «Иц», подходящего для какой-либо приметной реки, мы не увидим. Но «Книга» позволяет нам найти ее местонахождение в древности: «А Иц река по другой стороне морского Соловецкого заворотья, ниже устья Двины реки 150 верст». Учитывая, что в те времена слово «ниже» означало «на север», а «выше» – «на юг», то на расстоянии в 150 верст находим хорошо известную на Поморье Архангельского берега реку Золотицу с древними рыбацкими поселениями. Так со временем поменялось древнее финно-угорское название *Иц* на русский, поморский манер. В главах «Книги», где описываются берега Новгородской волости Заволочье, то есть Зимний берег Белого моря, уже встречается это более позднее название «Золотица», или «Золотница». При этом составитель оговаривает, что в первых редакциях этого названия нет.

В «Книге», как мы видим, сохранилось и ныне утраченное древнее название Белого моря, протянувшегося вдоль Терского и Кандалакшского берегов, – «морское Соловецкое заворотье», или «заворотье Соловецкого моря». Соловецкое море – это Белое море, которое де-

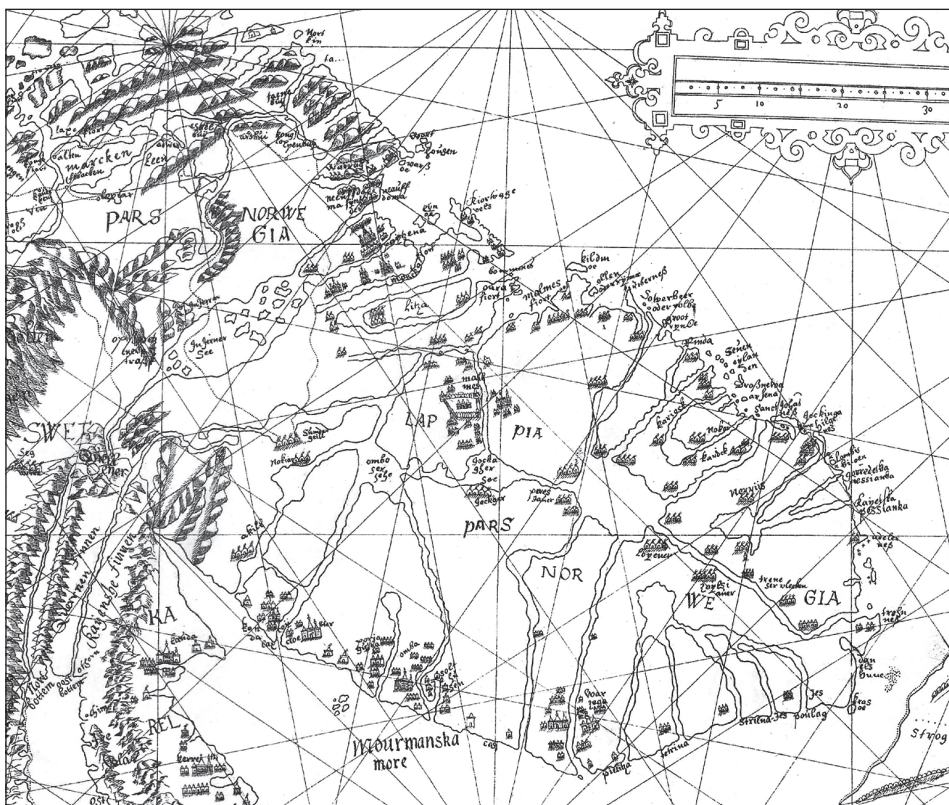
¹ На старославянском слово «прямо» означало «напротив». Слово «прямо» в его современном значении звучало как «премо». Дьяченко Георгий, протоиерей. Полный церковнославянский словарь. М., 1993. С. 521. (Далее: Дьяченко. Словарь).

² Книга Большому Чертежу. С. 172.

лает «морской заворот» вокруг Кольского полуострова (в то время острова)¹.

¹ «Заворот», «заворотье» – старинное русское слово. С XVI века означало, например, тупик в длинной зигзагообразной траншее, отрываемой при осаде крепости. Таким «тупиком» могло казаться Соловецкое море по сравнению с бескрайним океаном, простирающимся на восток вдоль северного побережья России.

Исторические водные пути Кольского Севера.
Фрагмент прорисы карты Симона ван-Салингена XVI в.

О существовании такого прямого **морского** пути, отделяющего Кольский остров от материка, свидетельствует и надпись на карте Вильяма Борро, составленной около 1556 года: «Кола река протекает **через всю Лапландию в Карелию**, так называемые корелы ежегодно ездят по этой реке в маленьких лодках ловить рыбу в море между Khegore [*мыс Кегор. – Е. М.*] и Саре Sowrbear [*мыс Териберский. – Е. М.*]]¹. То есть река Кола в те времена представляла собой мощную морскую артерию, отделявшую Кольский остров от материка, а вовсе не ту порожистую и не слишком протяженную реку, которую мы видим сейчас. Понятие «река Кола» включало в себя весь водный путь из Кандалакшского залива в Баренцево море (в Кольский залив).

¹ «Map of the coasts of Norway, Lapland and north-west Russia, 1557». Вальдман К.Н. Кольский полуостров на картах XVI в. // Известия Всесоюзного Географического общества, 1962. Т. 94. № 2. (Далее: Вальдман. Кольский полуостров на картах XVI в.).

Именно так, идя с Соловецких островов через Беломорье, «великою рекою Колой, яже впадает своим устьем в Ледоватое море», в 1519 году преподобный Феодорит Кольский «на малом кораблеце» добрался до «глубоких варваров, лопарей диких»¹.

В том же ключе может быть оценена и информация агента «Московской компании» англичанина Артура Эдвардса, приведенная в письме к его английским коллегам. В 1565 году он описал «Путь в маленьких судах вдоль берега от св. Николая [район нынешнего Северодвинска. – Е. М.] до Вардегуза [норвежский г. Вардё. – Е. М.]»². В своем описании плавания, начинающегося вдоль Корельского берега («река Ненокса, Унская губа, Лобшаньга, Усть-Наволоок»), Эдвардс рекомендует затем через Соловки доплыть до Кандалакши, после чего следующим пунктом плавания сразу указана «Усть-Кола». То есть для путешествия от Кандалакши до Кольского залива даже не требуется никаких пояснений – путь известный и прямой. И уже далее, после выхода из Кольского залива, указаны пункты-ориентиры, ведущие на запад, в Норвегию: «Поган-Наволоок, Цып-Наволоок и Кегора».

Этот и иные многочисленные водные пути Европейского Севера подробно представлены на карте Симона ван Салингена 1585 года.

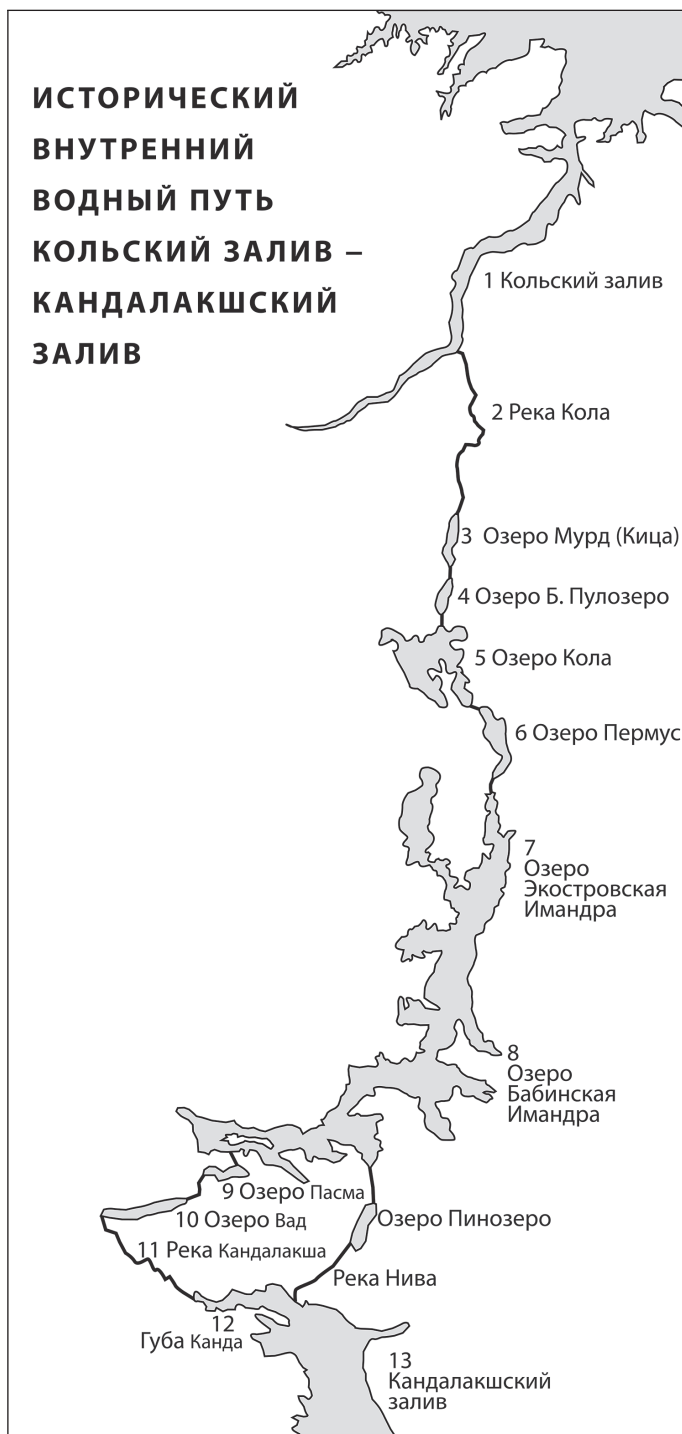
Как известно, вновь возродить «великую реку Колу» предполагалось в XX веке в период великих «Сталинских строек», согласно проекту 1934 года. Строительство Кольского канала, наподобие Беломорско-Балтийского, обеспечило бы плавание из Баренцева в Белое море судов океанского класса, поскольку проектная глубина канала была заложена в пределах от 7,4 до 8,5 метров.

Надо понимать, этот морской водный путь был исторически обусловлен наличием так называемой меридиональной впадины, ставшей следствием очень древнего разлома земной коры, идущего по линии Кольского залива на юг, через долины рек и озер, до Кандалакшского залива.

---

¹ Курбский Андрей. История о Великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. 2-я пол. XVI в. М., 1986. С. 332. (Далее: Курбский Андрей. История о Великом князе Московском).

² Hakluyt's Collection of the Early Voyages, Travels and Discoveries of the English Nation. New edition, with additions. L.P. London, 1809. T. I. P. 408.

§ 7. Тайна острова руссов

В том случае, если мы признаём существование в давние времена реального Кольского острова, невольно всплывает ряд сопутствующих исторических свидетельств. Так, персидский путешественник Ибн-Дауд в начале X века пишет: «Что касается до Руси, то она находится на острове, окруженном озером [*вспомним систему озер (Имандры), отделяющих Кольский остров от материка. – Е. М.*]. Остров, на котором они (русы) живут, протяженностью в три дня пути [*вполне правдоподобно. – Е. М.*], покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр от того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги [*болота занимают до 37 % территории Кольского края. – Е. М.*]».

Исследователи настойчиво предлагают считать этим островом остров Рюген на Балтике, несмотря на то, что его размеры всего лишь 40 на 50 км и он считается островом-курортом.

Дальнейшее описание этого острова Руси также вполне могло соответствовать жизни на Кольском Севере: «Пашен они не имеют, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян. Они не имеют ни недвижимого имущества, ни городов; единственный промысел их – торговля соболями, беличьими и другими мехами»¹.

При этом автор столь же уверенно описывает и иных руссов, которые, например, живут на обоих берегах Волги. О том, что руссы обширно живущий народ, сообщает и арабский историк и путешественник Аль-Масуди: «Русь состоит из множества народов, которые распадаются на разнообразные категории»².

В настоящее время принято полагать, что древние арабские авторы описывали «три “центра” Руси (или “племен”, или “видов”). Относительно двух из них мнения исследователей сходятся: это Киев и Новгород»³. Что же касается третьего центра, то его нахождение указывали на «острове русов», который пытаются идентифицировать, как мы уже сказали, с о. Рюген. При этом известна оговорка, что за этим третьим «центром» Руси «находится безлюдная земля, по которой можно дойти

¹ Хвольсон Д.А. Абу-Али Ахмед Ибн-Омар Ибн-Дауд. Книга драгоценных сокровищ. СПб., 1869. С. 267.

² Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 130.

³ Азбелев С.Н. О Рюрике и Гостомысле // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10. С. 24.

Быт саамов. Гравюра нач. XVIII века.
Автор Х.Уильям, Англия

до гор, где расположена стена Александра Македонского для защиты от Гога и Магога»¹. Местоположение этой «стены» исследователи помещают у Уральских гор, в Югре.

Греческий географ Эратосфен Киреевский еще в III веке до Р. Х. утверждал, что «россы прозваны были скифами от других народов»². По ходу дела заметим, что, по свидетельству «Геродота, часть этих Скифов сама себя называла сколотами»³. Невольно напрашивается параллель с хорошо известными саамами-сколта, или сколто-саамами (норв. *skoltesamer, skolter*) – этнической группой «восточные саамы».

Как известно, было высказано множество предположений относительно происхождения слова «варяг», «варанг». В XIX веке русский историк С.А. Гедеонов предложил достаточно убедительное этимологическое основание для этого исторического прозвища народа. Так, в балто-славянском словаре древанского наречия⁴ *warang* – это меч или мечник, защитник. В этой связи вновь процитируем свидетельство Ибн-Даста о руссах: «Когда у кого из них родится сын, то он берет обнаженный меч, кладет его пред новорожденным и говорит: “Не оставляю тебе

¹ *Hrbek I. Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen // Archiv orientalni. Praha, 1957. T. 25. S. 634.*

² *Класен Е.И. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до Рождества Христова. М., 1854. С. 28.*

³ *Класен Егор. Древнейшая история славян и славяно-русов до рюриковского времени ... М., «Белые Альвы». 2008. С. 114.*

⁴ «Древанское, или древнепрусское, наречие, вымершее во второй половине XVII в. Состоит в весьма близком родстве с языком санскритским, из первой линии праарийского языка». *Шерцль В.И. Сравнительная грамматика славянских и других языков. Харьков, 1871. Т. I. С. 82.*

В бане. Рис. из «*Historia de gentibus...*», О. Magnus, 1555.
Можно заметить сходство с русской печью, в которой пекут хлеб

в наследство никакого имущества, а будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечом»¹.

Восточный ученый-энциклопедист Ибн-Русте, в начале X века впервые описавший «остров руссов» – «Джезира-ар-рус», – описывает и быт руссов: «В их земле холод бывает до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, который покрывает деревянною остроконечною крышею, какие видим у христианских церквей, и на крышу эту накладывает земли». Надо признать, это весьма напоминает жилища лопарей. «В такие погреба переселяются со всем семейством и, взяв несколько дров и камней, раскаляют последние на огне докрасна, когда же раскалятся камни докрасна, поливают их водой, отчего распространяется пар, нагревающий жилье до того, что снимают одежду. И в таком жилье остаются до самой весны»². Можно предположить, что путешественник смешал свои наблюдения о жилищах руссов и об их знаменитых банях, так всегда впечатлявших иностранцев.

¹ Хвольсон Д.А. Известия Ибн-Даста о хазарах, бургасах, мадьярах, славянах и руссах. СПб, 1869. С. 267–268.

² Там же. С. 32–33.

Большинство историков на основании анализа арабских источников полагали, что «остров руссов» относился к северным территориям Новгородской Руси.

Существует свидетельство константинопольского географа и писателя VI века Стефана Византийского о названии острова гипербореев: Элксея (Elixoia). Ссылаясь на древнегреческого историка Гекатея Абдерского (IV век до Р. Х.), он утверждает, что «остров гипербореев <не меньше Сицилии> и находится на реке Карамвика (Karambuka). Жители острова Karambkaí, по реке, как говорит о том Гекатей Абдерский»¹. Согласитесь, что «остров на реке» и «жители острова по реке» звучит довольно странно. Но если мы допустим, что этот остров – Кольский, то он как раз и образуется рекой – Колой. Небезынтересно проанализировать и название реки – Карамвика. Что касается окончания «вика», то на языках скандинавских народов «vík» – это залив. Санскритское слово «Карам» – хорошо известное название индийского праздника в честь бога Солнца. Можно предположить, что речь идет о Заливе Солнца. В свою очередь, надо напомнить, что наиболее часто происхождение топонима Кола привязывают к славянскому «коло», что значит круг и он же солярный знак, символ Солнца. Получается, что и Кольский залив – Залив Солнца.

Говоря об островах Севера, нельзя не упомянуть легендарный остров Туле (лат. Thule, греч. Θούλη). Несомненно, речь шла о некоем острове на Севере Европы, в реальности которого не сомневались не только античные историки, но средневековые. Так, например, Анна Комнина, византийская принцесса, одна из первых женщин-историков, в XI веке совершенно определенно утверждала, что «варяги были с острова Фуле (Tule)»². Об этом острове на севере Европы, впервые описанном в IV веке до Р. Х. греческим путешественником Пифеем в его сочинении «Об Океане», упоминали достаточно часто. Так, например, Антоний Диоген, греческий писатель II века по Р. Х., сообщает: «Есть люди, которые могут жить в самых далеких арктических пределах, где ночь иногда продолжается целый месяц; бывает она и короче, и длиннее месяца,

¹ Холод М.М. Страницы из византийской лексикографической литературы. Стефан Византийский // Кlio, № 2 (21). СПб, 2003. С. 28.

² Класен Е.И. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов до Рождества Христова. М., 1854. С. 112.

и шесть месяцев, но не больше года»¹. Несколько позже, в VI веке по Р. Х., византийский писатель Прокопий Кесарийский полагал, что Туле – некая часть Скандинавского полуострова.

§ 8. Климатические изменения и аномалии

В самой тесной связи с проблемой восстановления древнейшей истории края стоит вопрос о климатических условиях того времени. Касаясь этой темы, необходимо признать очевидность разительных перемен, произошедших в климате Кольского Севера даже в течение ближайших столетий, не говоря о более отдаленных временах.

Вот что говорит весьма авторитетный ученый и историк древнего мира Плиний Старший (I век по Р. Х.): «За этими (Рипейскими) горами, по ту сторону Аквилона², счастливый народ, который называется гиперборейцами, достигает весьма преклонных лет и прославлен чудесными легендами. Верят, что там находятся петли мира и крайние пределы обращения светил, Солнце светит там в течение полугода, и это только один день, когда Солнце не скрывается (как то думали бы несведущие) от весеннего равноденствия до осеннего; светила там восходят только однажды в год, при летнем солнцестоянии, а заходят только при зимнем. Страна эта находится вся на солнце с благодатным климатом и лишена всякого вредоносного ветра. Домами для этих жителей являются рощи, леса; культ богов справляется отдельными людьми и всем обществом; там неизвестны раздоры и всякие болезни. Смерть приходит там только от пресыщения жизнью. После вкушения пищи и легких наслаждений старости с какой-нибудь скалы они бросаются в море»³.

Археологические изыскания, проведенные на Кольском Севере, свидетельствуют об активной заселенности этих мест. «Наскальные рисунки – петроглифы – изобилуют изображениями весьма крупных морских судов, на отдельных экземплярах насчитывается от 16 до 24 гребцов». Это зримые свидетельства культуры известной и очень жизнеспособной

---

¹ Невероятные приключения по ту сторону Туле / Пер. Н. Мильштейн // Поздняя греческая проза. М., ГИХЛ, 1961. С. 176.

² Аквилон – древнеримское название северо-восточного, иногда северного ветра. Соответствовал древнегреческому Борею.

³ Плиний Старший. Естественная история (фрагменты) / Сост. проф. Боднарский М.С. М., 1953. С. 89–90.

Лодка с гребцами. Петроглиф заповедника
Бесов Нос (Карелия)

цивилизации так называемых «морских охотников», которые населяли побережья Крайнего Севера именно в рассматриваемый нами период. Данные археологии свидетельствуют «об их постоянной, чрезвычайно результативной охоте, в основном на морских млекопитающих».¹

Надо сказать, в дальнейшем след «морских охотников» Кольского Севера в истории если и не вовсе теряется, то весьма тускнеет. Нет сомнений, что традиционный «налёдный» сезонный промысел никогда не прекращался, но столь масштабного применения, о котором свидетельствуют неолитические артефакты, он уже не достигал. Другими словами, «остается открытым вопрос, куда и почему исчезли люди, владевшие столь высоко развитой культурой мореходства и морского промысла»². Пожалуй, единственным объяснением этому может быть серьезное изменение климата в сторону значительного похолодания. Это привело, в том числе, и к исчезновению на Кольском полуострове в течение последних тысячелетий культуры гончарного и металлургического производства. Гончарные практики исчезают здесь в первые века по Р. Х. В начале II тысячелетия прекращаются и местная выплавка, и обработка металла.

Очередное потепление, окончательно установившееся к первой половине I тыс. по Р. Х., вновь повысило привлекательность Европейского Севера. «Предки финнов, вепсов и карел начали постепенно переселяться на север. Освоившиеся там ранее саамы *[точнее, никуда и не уходившие. – Е. М.]* отступали севернее. Заселив Карельский перешеек, эти народы все более интенсивно проникали на территорию Финляндии, продвигались

¹ Шумкин В.Я. Влияние природно-экологического фактора на заселение арктических районов Северо-Западной Европы // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 58.

² Там же. С. 59.

в сторону Кольского полуострова и Белого моря»¹. В наибольшей степени на Север продвинулся народ вису (вепсы), решительно потеснивший саамов на востоке Кольского полуострова и занявший берега Белого моря до реки Варзуги, ставшей границей этой новой страны – Биармии.

В свою очередь, это привело к активному возобновлению традиционной культуры северного мореплавания. Согласно информации из древней и малоизвестной норвежской саги «История Хялмара, царя Биармландии и Тулемаркии», развитость мореходства на Крайнем Севере в это время превосходит наши самые смелые предположения: «После жертвоприношения в честь великого Тора царь приказал всем своим воинам взять оружие и взойти на корабли. Затем с восьмьюдесятью (!) кораблями и семью нагруженными судами (транспортирами) царь вышел в море»².

Говоря о климатических загадках, следует упомянуть и то, что древнейшие поселения эпохи мезолита (3500–5000 лет до Р. Х.) обнаружены именно на самом **крайнем северном** побережье Баренцева моря. Это районы полуострова Рыбачий, полуострова Средний и берега Кольского полуострова в районе Грехихи. Сейчас это самые экстремальные для жизни районы. Естественно, у современных исследователей возникает законный вопрос: почему южные и, казалось бы, более привлекательные для заселения районы – Терский берег, устья Беломорских рек, Кольский залив – были заселены много позже. Думается, объяснение этой странности найдется лишь в том случае, если мы согласимся с утверждением о принципиально иной силе воздействия на климат Кольского полуострова Северо-Атлантического течения в те давние времена.

Значительное ослабление воздействия теплых водяных масс Атлантики на берега Кольского Севера, надо полагать, связано с таянием ледников в Арктике³. Большое количество образующейся пресной воды вынуждает более тяжелую соленую воду Гольфстрима опускаться в глубину.

Отголоски иного, более благодатного, климата на Кольском полуострове прослеживаются в исторических свидетельствах относительно недавнего времени. Вот, к примеру, описание природы Кольского полу-

---

¹ Жеребцов И.Л. Изменение климата и демографическая история Европейского Севера // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Минск, БГУ, 2010. Вып. 5. С. 62.

² *Johannis Peringskiöldii. Historia Hialmari, regis Biarmalandiae atque Thulemarkiae, ex fragment runici Ms-ti literis recentioribus descripta.* Stockholm, 1722. Цит. по: Кузнецов С.К. К вопросу о Биармии. С. 40.

³ По данным NASA, уровень Мирового океана, начиная с 2003 года, повышается на полтора миллиметра каждый год. Потеря ледниковых масс составила за восемь лет около 4,3 триллиона тонн.

острова, оставленное шведским исследователем в XVII веке: «По склонам гор, ближе к вершинам [*в настоящее время они абсолютно голые. – Е. М.*], леса состоят из одних берез, прекрасных и мощных деревьев, так красиво насаженных природой, что они напоминают парки. Березы эти достигают громадной величины» (Шеффер Иоанн, «Лапония», 1674 год).

Известный английский естествоиспытатель Джорж Традескант в своих описаниях 1618 года упоминает, кроме традиционных сосны и ели, «лиственницу, пихту и **крупную березу**». Из растений его внимание привлек, например, вербейник (*Lysimachia*), который сейчас встречается на западе Европы и далее значительно южнее.

Район расселения таких вовсе не самых северных млекопитающих, как бобры, в прошлом доходил до Рыбачьего полуострова – об этом свидетельствуют описания и найденные костные останки. Есть и топонимическое свидетельство: саамское название горы на столь северной территории, как Рыбачий полуостров, – Май, так как *майи* – по-саамски бобр.

В начале XVI века просветитель Кольского Севера преподобный Федорит, прибыв на Кольский полуостров «на кораблеце великою рекою Колой [*известным водным путем из Белого в Баренцево море. – Е. М.*], яже впадает своим устьем в Ледоватое море», вселяется в «тех лесах пустынных, местами непроходимых», срубив себе келью.

Что касается упомянутых выше лесов, то в настоящее время лесная растительность в районе Колы мало напоминает те «леса непроходимые», и заготовить здесь бревна под избушку вряд ли удалось бы. Но в начале XVI века лес здесь рос настоящий, «корабельный». «Позади строений города находится обширное поле. В старину на оном было кладбище и рос сосновый лес, из которого построены Собор [*Девятнадцатиглавый Воскресенский собор. – Е. М.*] и укрепления; ныне же нет там ни одного кустарника»¹. «Он [*собор в Коле. – Е. М.*] построен в XVII веке из чрезвычайно толстых бревен»².

Такие леса встречались и севернее, даже на ныне безлесном Мурманском берегу Баренцева моря. За одним из таких толстых деревьев, что росли на берегу Териберской бухты, прятался в 1565 году от стрел русских грабителей голландский купец Филипп Винтеркони³.

¹ Рейнке М.Ф. Описание города Колы в Российской Лапландии. СПб., 1830. С. 9–10. (Далее: Рейнке. Описание города Колы).

² Верещагин В.П. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849. С. 127–128.

³ См.: Филиппов А.М. Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. СПб. 1901.

§ 9. Мегалиты Севера – сейды и лабиринты

Если говорить о материальной информации, сохранившейся от древнейшей истории Севера, то в первую очередь необходимо коснуться темы каменных памятников – различных мегалитических сооружений, возведенных древними обитателями этих мест. В то же время, надо признать, в большинстве случаев мы не имеем сколь-нибудь убедительных объяснений назначения этих объектов.

Знаменитые каменные лабиринты – «вавилон» Северной Европы, на сегодня в количестве около пятисот штук, уверенно идентифицируются по возрасту в пределах 1,5–3 тысячелетий до Р. Х. Наиболее известные на Кольском полуострове – это Кандалакшский, Умбский, Понойский и Варзинский лабиринты. Надо сказать, что в верховьях реки Варзуги старики также помнят место, называемое «вавилон», однако отыскать его до сих пор не удалось.

Проведенное в 20-х годах XX века подробное исследование десятков лабиринтов и иных мегалитов, расположенных на Соловецких островах, позволило сделать вывод, что мы имеем дело с некими «святилищами, гигантскими алтарями, оставленными каким-то народом древности»¹.

В советское время, учитывая частое расположение лабиринтов вблизи берега моря и с целью нейтрализации сакрального восприятия этих объектов, появилась гипотеза о каменных приливо-отливных рыболовных ловушках. Однако обнаружение таких же лабиринтов в материковой части, где приливов-отливов не бывает, сводит эту гипотезу на нет. На Соловецких островах «основная масса лабиринтов и каменных курганов с остатками захоронений располагается на террасах 8-12-метровой высоты [что с учетом поднятия уровня суши свидетельствует о глубокой древности сооружений. – Е. М.]»². При этом было доказано, что некоторые «каменные гурии около лабиринтов есть остатки древних захоронений, связанных с культурой арктического неолита V–I тысячелетий до н. э.»³.

В то же время утверждение, что лабиринты всегда расположены около

Том. I. Кн. III. С. 118. (Далее: Филиппов А.М. Русские в Лапландии).

¹ Виноградов Н.Н. Новые лабиринты Соловецкого архипелага. Лабиринт Б. Заяцкого острова. Соловецкое общество краеведения: Материалы. Вып. XII. Соловки, 1927. С. 12. (Н.Н. Виноградов был заключенным Соловецкого лагеря особого назначения).

² Мартынов А.Я. О некоторых проблемах Соловецких святилищ // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990, С. 270.

³ Куратов А.А. Каменные лабиринты в сакральном пространстве Северной Европы. Архангельск, 2008. С. 23.

воды и часто на островах, остается в силе. Это еще раз указывает на некие магические погребальные, защитные функции лабиринтов, поскольку именно вода всегда являлась препятствием для нежелательных контактов живых людей с душами усопших. «Традиция хоронить умерших на островах прослеживается на всей территории обитания предков лопарей с глубокой древности (Южный Олений остров на Онежском озере, Большой Олений остров в Кольском заливе, остров Анзер Соловецкого архипелага) и ныне в полной мере наследуется саамами и выделяет их среди иных народов (Могильный остров на оз. Имандра у экостровских саамов, Остров Мертвых на р. Паз у печенгских саамов, Могильный остров на Енозере у семиостровских саамов, Остров Мертвых Чальмны-Варрэ у каменных саамов и др.)»¹. И знаменитый остров на выходе из Кольского залива – Большой Олений – «был исключительно островом мертвых»².

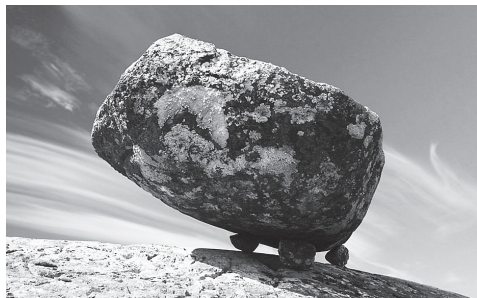
Очевидна и неслучайность выбора Соловецких островов для этой роли, что связано с «распространенным на Европейском Севере III–II тыс. представлением об островах как некоем “перевалочном” пункте на пути в страну мертвых... с задачей обеспечить невозвращение умершего или его души из потустороннего мира... Та же функция у каменных лабиринтов Соловецких святынь, символически связанных с тем миром, в которых запутываются души умерших, посредством специальных ритуальных действий»³.

По всему миру имеется множество каменных памятников, относящихся к понятию *менгиры*. Это вертикально закопанные в землю камни, подчас циклопического размера, до 10 метров высотой и весом в десятки и даже сотни тонн. Аналогом этих памятников древних и, скажем прямо, неведомых нам цивилизаций являются наши знаменитые сейды. Отсутствие на скалистых берегах Севера достаточного слоя почвы не позволяло древним обитателям вкопать менгир, и он просто ставился на скалу, порой на специальные подставки из более мелких камней. Это вызывало впечатление летящего, парящего над землей камня, что в наше время нашло отражение в известной книге В.В. Чарнолуцкого «В краю летучего камня»: «Земля сильно прогрелась. Появилось марево. Порой оно на-

¹ Лукьянченко Т.В. О некоторых особенностях погребального обряда кольских саамов // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1981. Вып. 9. С. 93.

² Шмидт А.В. Древний могильный остров на Кольском заливе (Олений). М., Академия наук СССР, 1930. С. 14.

³ Мартынов А.Я. О некоторых проблемах Соловецких святынь // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990, С. 273.

Сейд на скальном массиве Воттоваара
(Карелия)

столько сильно, что прозрачной полосой отделяло валуны от земли. Верхняя часть их как бы повисала в воздухе. Если марево очень сильно, весь валун кажется дрожащим. Кажется, вот-вот он оторвется от земли и полетит над землей по воздуху»¹.

Понимание существования в древности единой, так называемой мировой «мегалитической культуры» позволяет нам не доверяться всецело теории возникновения северных сейдов, трактующей их появление как следствие движения ледниковых масс.

Современные ученые пришли к выводу о том, что все эти упомянутые каменные сооружения, в том числе и наши «вавилонны», характеризуются более ранним возрастом создания, чем обнаруживаемые в них или под ними захоронения древних людей. Сохранившиеся предания аборигенов Севера увязывают предназначение «вавилонов» с необходимостью принудительного упокоения душ наиболее выдающихся колдунов-нойдов².

Это создает дополнительные трудности в выяснении прямого назначения этих каменных памятников и сути духовной культуры их создателей. Укоренившееся название «мегалитическая культура», которое теперь все чаще используется, отражает скорее нашу растерянность, чем понимание и возможность что-либо объяснить, поскольку дословно этот термин означает не более чем «культура больших камней». Следы этой культуры на одном только Соловецком архипелаге представлены 29-ю лабиринтами, множеством дольменов и иных мегалитов, общее число которых доходит до 800. Однако «все проведенные исследования так и не позволили дать ответ на вопросы: кто, когда и с какой целью построил эти сооружения»³.

---

¹ Чарнолуцкий В.В. В краю Летучего камня. Записки этнографа. М., 1972. С. 35.

² Лопарское объяснение: «Иначе станет по ночам таскать живых и мертвых». Аналогичные по сути мнения бытовали и у поморов: «чтобы леший запутался».

³ Сковорцов А.П. Сколько памятников на Соловках // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 286.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ И УТРАТЫ В ВОСПРИЯТИИ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

§ 1. О степени нашего присутствия

Одним из трагических изъянов в изучении истории Кольского Севера необходимо признать ошибочные представления о времени нашего появления на этих землях и степени нашего здесь присутствия в прошлом. Нынешний взгляд на эти земли как на территорию, практически исключенную из цивилизационного процесса и имеющую крайне скудную древнюю историю, должен быть решительно преодолен. Этот стереотип свидетельствует лишь о поверхностности наших знаний и нашей лени в поиске необходимых исторических свидетельств.

В полной мере учитывая ироническое замечание нашего замечательно-го историка Василия Никитича Татищева в отношении иных исследователей, которые «боялись быть почтены незаконнорожденными, ежели не выведут происхождения своего из второй книги Моисея»¹, тем не менее, необходимо воздать должное великим российским первопроходцам Севера.

О том, что наш народ порожден Севером и от природы имеет все необходимое, дабы им владеть, еще с древности вынуждены были признавать европейцы: «Я думаю, что нет под солнцем людей, столь привычных к суровой жизни, как русские: никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более чем на ярд. Я не знаю страны поблизости от нас, которая могла бы похвалиться такими людьми»².

Археологические работы, проведенные по инициативе автора в 2009 году в районе села Варзуги Терского района Мурманской области на историческом месте, издавна называемым местными жителями «пря-

---

¹ Цит. по: Берх В.Н. История географических открытий Россиян. Пермь, 1817. С. 172.

² Ченслер Ричард. Книга о великом и могущественном царе России и Князе Московском // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937. С. 60.

«Золотой крест Варзуги», воздвигнутый в 2009 г. на месте древнего Варзужского городища

мым городищем», привели к обнаружению остатков уничтоженной в 1419 году средневековой деревянной крепости-городища. Ориентировочная дата основания крепости – начало-середина XIV века. Обнаруженное городище в полной мере отвечало всем общеизвестным принципам строительства подобных средневековых укреплений у восточных славян: «Небольшие укрепления, построенные на возвышенных местах, преимущественно в углах, образовавшихся при впадении малых рек в большие. Население жило не в самом укреплении, но возле городских стен или же вблизи лежащих поселений»¹.

До этого открытия, согласно традиционному взгляду, граница строительства таких городищ в Древней Руси проходила значительно южнее, по территории Карелии. Так, «самым северным племенным центром карел было городище Паасо (в окрестностях Сортавалы). Площадь городища составляла около тысячи квадратных метров, и находилось оно на высокой (около 80 метров) горе»².

Максимум, что известно из самых древних исторических фактов строительства деревянных крепостей на самом Кольском Севере, так это возведение во второй половине XVI века Кольского острога воеводой М.Ф. Судимантовым и Печенгского монастыря-крепости преподобным Трифоном Печенгским.

Дальнейшие археологические изыскания 2012 года, проведенные на месте Никольской церкви села Варзуга, и радиоуглеродный анализ образцов древесины дал неожиданную дату основания первой церкви на Коль-

¹ Затыркевич М.Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя русского государства в домонгольский период / Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, М., 1874. С. 37.

² Коновалов И.А. История Ребольского погоста (XVI век – 1922 год). Реферат. 2011. www.bestreferat.ru/referat-403813.html.

ском полуострове – 1325 год. Эти цифры переворачивают все наши представления о том, «когда есть пошла русская земля» на Кольском Севере.

Это что касается восточной части Кольского Севера.

Что же касается крайних западных границ, то в 1537 году Россия заявляла протест Швеции в связи с тем, что ее «коронный фохт¹ (Befalningsman) Северной Ботнии (Norrebothn) вторгнулся в Мурманскую землю, у “острога Варгав” [восточный берег залива Варангер-фьорд. – Е. М.] и, взяв там насильно подать с двадцати приходов, запретил платить подати русским»². Другими словами, в 1537 году в столь далеких пределах Кольского Севера Россия уже имела «двадцать приходов». Ниже в тексте поясняется: «фохт взял подать с двадцати погостов (кирхшпилей)». Как мы понимаем, слово кирхшпиль (приход, погост) прочно увязано с наличием в нем здания церкви («кирхи»). Об этом, собственно, свидетельствуют и историки: «Селение с церковью, при которой были дворы причта да кельи нищих на всем новгородском Севере, носило название погоста. Селение без церкви... называлось сельцом»³. То есть к 1537 году плоды деятельности наших кольских просветителей в этом, по сути, «двоеданном», районе были весьма впечатляющими, если была взята подать с двадцати «кирхшпилей».

Как следует из сообщения Иакова Перссона, секретаря Норботтенского фохта, составленного в 1581 году, – на север от Мальмуса [Колы. – Е. М.] «лежит **остров**, называемый Helgeoeën, Гельгён [т. е. нынешний полуостров Рыбачий, Fisker oen gikkernjark. – Е. М.]. На нем лежит **большой город** Коерпенполл [Корпенпол – т. е. в переводе Корабельная с Цып-Наволоком. – Е. М.], с **937 дворами** и солеварнями в каждом дворе. Этот город имеет громадную торговлю (mechta storra) с англичанами»⁴. Увы, в наше время эти места абсолютно пустынные. Аналогичные свидетельства бурной деятельности российских промышленников имеются и относительно острова Кильдин, также ныне заброшенного.

¹ Коронный фохт – в шведской системе управления – чиновник во главе уезда, в руках которого сосредотачивалась полицейская власть и функции сбора налогов.

² Чумиков А.А. О перемирии, состоявшемся между Швецией и Россией в 1537 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1895. Т.4. С. 6. (Далее: Чумиков А.А. О перемирии).

³ Ключевский В. Курс Русской истории. М., 1904. Ч. 1. С. 234.

⁴ Перссон Я. Наши права на Лаппмаркен и Триннес, 1581 / Пер. со шв. и примеч. ГФ. Гебеля // Изв. Архангельского О-ва по изучению Русского севера. Архангельск, 1909. № 5. С. 21. (Далее: Перссон Я. Наши права на Лаппмаркен и Триннес).

Согласно Писцовым книгам 1609–1610 годов, на Мурманском берегу насчитывалось 50 промысловых пунктов рыбопромышленников, 21 становище на западной части и 29 становищ на восточной части Мурманского берега.

§ 2. Исконные традиции российского северного мореплавания

Кольский Север и Беломорье – наши исконные территории, где с древности Русь владела морями и где формировались крепкие традиции русского мореплавания.

Отдавая должное великим деяниям «Петра-титана», приведшим к созданию регулярного Российского флота, необходимо подчеркнуть и то, что история российского судостроения и мореплавания началась не с «ботика Петра Первого». Можно понять желание иных почитателей западного цивилизационного выбора представить дело так, будто бы лишь в начале XVIII века «просвещенный Запад» приобщил варварскую страну к культуре мореплавания и судостроения.

Авторитетнейший британский историк, создатель знаменитого военно-морского справочника «Джейн», пишет об этом: «Полагают, что истоки русского военно-морского флота относятся к сравнительно недавней государственности, основанной Петром Великим, хотя в действительности флот этот по праву может считаться более древним, чем британский флот. Веком ранее, чем король Альфред [*Альфред Великий, IX век. – Е. М.*] построил первые английские военные корабли, русские уже сражались в отчаянных морских боях, и тысячу лет назад именно русские были передовыми моряками своего времени»¹. Можно скептически относиться к цифрам, приводимым в Повести временных лет, указывающим на огромное количество русских судов (10 тысяч кораблей), подошедших к Царьграду в 907 году при походе русского князя «Вещего Олега»², но и в иных источниках цифры указываются весьма немалые: «в лето 6414 (906 год) пошел Олег на греки, и было 2000 кораблей, а в корабли по 40 мужей»³. То есть суда эти были значительного

---

¹ Fred. T. Jane. The Imperial Russian Navy. It's past, present and future. London, 1899. P. 23. (Перевод автора).

² «Ладейная флотилия была очень многочисленной: в цареградском походе Олега было более 1000 ладей; цифра 10.000 ладей в походе Игоря явно преувеличена». Воронин Н.Н. Средства и пути сообщения // История культуры древней Руси. Изд. Академии Наук СССР. М.-Л., Т.1. С. 288.

³ Летописец епископа Павла (БАН, собр. Доброхотова, № 18, л. 39).

Поход князя Игоря на Константинополь
в 941 году. Иллюстрация из Радзивилловской
летописи

размера. Позже сын Олега князь Игорь атаковал Константинополь тоже огромной флотилией: «В лето 6448 (940 год) пошел Игорь на греки в 1000 кораблей»¹. Так что, можно смело утверждать, что морская мощь древней Руси была неоспорима.

Во времена Киевской Руси южные моря Европы были территориями активного доминирования русского флота: «Обычность морских предприятий руссов закрепила за Черным морем имя “моря Русского”. Они же, по словам араба Масуди, были хозяевами Азовского моря. Русские суда были хорошо известны и на Каспии в IX–XII вв., когда совершались ладейные походы до богатых гаваней и складов азиатских товаров в Абезгуне [*в древности торговый город на острове в дельте реки Куры в Каспийском море.* – **Е. М.**]»².

Вскоре морские пути на юг оказались перекрыты – сначала половцами, а затем и нашествием Золотой Орды, – но история российского мореплавания имела славное продолжение на северных морях.

Еще одним шагом к восстановлению исторической истины в отношении северного российского мореплавания следует считать состоявшееся в 2014 году признание подлинным годом образования Северного флота России 1733 год³. В этом году Указом Императрицы Анны Иоанновны «для лучшей пользы и безопасности государства» было повелено образовать Архангельский военный порт и «некоторую эскадру при том порте для диверсий [*маневр, предпринимаемый вдали от главного театра войны.* – **Е. М.**] содержать»⁴.

Факты истории ясно свидетельствуют, что с древнейших времен морские просторы Арктики были той наилучшей академией, где воспитывалась генерация русских мореходов и судостроителей. Традиции помор-

¹ Летописец епископа Павла. Л. 39 об.

² Воронин Н.Н. Средства и пути сообщения. С. 288.

³ Приказ ГК ВМФ № 395 от 25 мая 2014 года.

⁴ Берх В. Жизнеописания первых российских адмиралов. СПб., 1833. Ч. 3. С. 266.

ского мореплавания, некое морское богоискательство, глубокий поэтический символизм отношений моря и человека, корабля и мореплавателя свидетельствуют о глубинных корнях этой культуры.

В русских былинах особым образом описываются подробности украшения кораблей наших предков – «Сокола-корабля». «Только народ, всецело отдавшийся стихии морской жизни и нашедшей в ней не только средство удовлетворения практических нужд, но и высокие символы и прелесть поэзии, народ, для которого море стало отчиною, для него и корабль переставал быть просто средством передвижения, но живым, одушевленным существом, ближайшим другом и товарищем»¹.

С древних времен кольские поморы на судах собственной постройки массово ходили на чрезвычайно отдаленные промыслы. Так, капитан Стивен Бэрроу в середине XVI века свидетельствовал, что только «из Колы вышло 30 лодей на Печеру для ловли моржей»². Тогда же он записал в своем дневнике: «В 6 часов утра к нашему борту причалила русская двадцативесельная ладья, в которой было 24 человека ... Пока мы стояли на этой реке Коле [Кольский залив – Е. М.], мы ежедневно видели, как по ней спускалось вниз много русских ладей, экипаж которых состоял минимально из 24 человек, доходя на больших до 30»³.

Как мы видим, упомянутые рыболовецкие суда, «русские лодьи», далеко не «утлый челн убогого чухонца», а промышленные суда большой мореходности. «Судно это подымает от 2 до 12 тысяч пудов [от 32 до 200 тонн. – Е. М.], вооружение его состоит из трех мачт»⁴.

При этом, как не без удивления отмечал в 1556 году все тот же знаменитый английский капитан Стивен Бэрроу, «русские смелые и хорошие мореходцы, и у них такие суда, которые шли скорее английских»⁵.

Строительство судов таких размеров было весьма привычным, можно сказать, обыденным делом русских поморов. «Для постройки судов

¹ Забелин И. Скандинавский корабль на Руси // Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб., 1890. С. 566.

² Дергачев Н. Подробное описание Лопской земли // Архангельские губернские ведомости. 1869. № 96. (Далее: Дергачев. Подробное описание Лопской земли).

³ Описания, сделанные шкипером Стифеном Бэрроу, командиром корабля «Серчсрифт» (Searchthrift) в 1556 году. См.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., Соцэкгиз. 1937. С. 22.

⁴ Дергачев. Подробное описание Лопской земли. 1869. № 96.

⁵ Описания, сделанные шкипером Стифеном Бэрроу, командиром корабля «Серчсрифт» (Searchthrift) в 1556 году. Цит. по: Жилинский А.А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. П., 1919. С. 151. (Далее: Жилинский А.А. Крайний Север).

На морского зверя. Гравюра из книги:
Olf Rudbecks. Atlands eller Manheims.
Upsalæ, P. 2. 1689

они не имеют особенной верфи, но каждый предпринимающий работу выбирает себе зимой удобное место близ своего дома. Хороший лес для постройки получают от лопарей с берегов реки Туломы. Доску для чистых поделок, железо и такелаж привозят из Архангельска»¹. Кстати, Соломбальская (Архангельская) государственная судовой верфь была заложена еще при Иване Грозном в 1581 году.

Правда, исконные традиции северного кораблестроения в специфическое «петровское» время настойчиво пытались истребить в угоду западным образцам. Так, например, архиепископ Холмогорский и Важский Варнава, подчиняясь всеильному «оку государеву» – обер-прокурору Синода, разослал в 1726 году по епархии Указ «об уничтожении всех поморских рыболовных судов старых образцов и постройке впредь только «галеотов» и «катыфлентов»»².

Тем не менее, навыки и опыт северного мореплавания удалось сбегать. Уникальным изобретением наших северных мореходов явилось «ледовое судно» – поморский коч. Длина коча – 16-17 метров, ширина – 4 метра с весьма небольшой осадкой, что позволяло судну входить в устья северных рек в любое время года. Коч принимал на борт до 30 тонн груза и до 50 человек экипажа. Характерной особенностью коча была яйцевидная форма корпуса. Эту гениальную идею впоследствии применяли такие исследователи Севера, как Ф. Нансен на своем «Фраме» и создатель ледокола «Ермак» С.О. Макаров. При сжатии во льдах такое судно не подвергалось чрезмерным нагрузкам, а попросту выдавливалось вверх.

Для весеннего промысла поморы строили «суда поменьше» назва-

¹ Дергачев. Подробное описание Лопской земли. № 96.

² Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 247. Петропавловская церковь в Поное. № 30.

Поморские лодьи и шняки в Архангельском порту. Фото конца XIX века

нием шняка, хотя на ней «можно ходить прямо в Архангельск» [около 900 км. – **Е. М.**]. «Длина ее 4,5 сажени [10 метров. – **Е. М.**], с острым килем и носом, она легка и не боится волнения. Подымает от 2 до 12 тысяч пудов груза [от 8 до 13 тонн. – **Е. М.**]»¹.

Так что можно представить, с какой тревогой докладывал ситуацию в районе Белого моря Я. Перссон, секретарь Норботтенского фохта: «В прошлом 1580 году здесь ловили рыбу 7426 [sic!] судов из России»².

§ 3. Сказочные богатства – реальность северных морей

Вдумываясь в эти цифры, можно было бы даже усомниться, возможен ли в принципе указанный масштаб промысла, реальны ли такие объемы лова рыбы. Однако обратимся к сохранившимся свидетельствам о невероятных богатствах наших северных морей, что было реальностью в те времена.

В осенний период нереста северных рыб Баренцево и Белое моря представляли собой фантастическую картину. Так, например, еще

¹ Дергачев. Подробное описание Лопской земли. № 96.

² Перссон Я. Наши права на Лаппмаркен и Триннес. С. 19.

Поморский коч

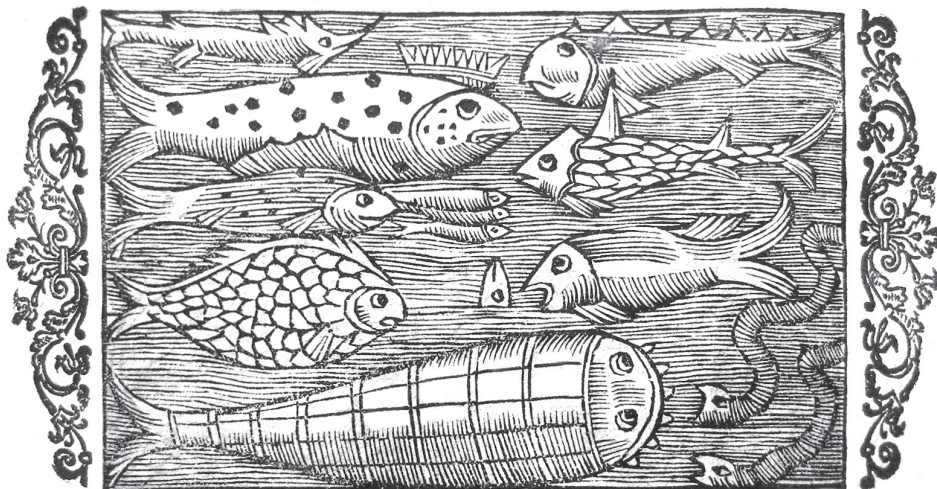
в XIX веке можно было наблюдать, что «стаи тресковых пород, подходящие к Мурману, по примерным определениям, занимают площадь до 80 верст [90 кв. километров. – Е. М.]»¹.

Сохранилось древнее описание очевидца картины осеннего северного моря: «Даже с высочайших корабельных мачт невозможно вооруженным оком достигнуть пределов морского пространства, покрытого сребровидным сельдяным блеском чешуи. Сие бесконечное пространство есть густотой сельдей наполнено.

При этом стадо сие окружается со всех сторон и перемешивается с бесчисленными макрелями, сайдой, пикшуями, тресками, семгами, палтосами и многими иными родами плотоядных рыб. Здесь же смешиваются с нею звери водноземные: нерпы, серка, тюлени, тевяки и прочие, а сих в то же время теснят звери рыбовидные: дельфины, акулы, белухи, финн-рыба, косатки, кошелоты и другие из родов китовых.

При таком смятении водной стихии еще увеличивают представление

¹ Жилинский А.А. Крайний Север. С. 156.

Разнообразие рыбы на Севере.
«Historia de gentibus...», О. Magnus, 1555

зрелища сего тучи морских птиц. Они или кружат по воздуху, или ходят прямо по самой густоте сих рыб, беспрестанно их пожирая, и разногласным своим криком провозглашают невероятность и торжественность сего события»¹.

Известный исследователь Севера С.В. Максимов упоминал аналогичные рассказы поморов: «В губу эту Сороцкую заходит такое несметное количество сельдей, что, по словам туземцев, вода густеет, как песок или каша: шапку кинь на воду – не потонет, палку воткни туда – не упадет, а только вертится...»². «В морские губы она набивается в таком количестве, что при переезде на лодке приходится веслами упираться в сельдяную массу»³.

В XVII и XVIII веках неоднократно отмечались случаи, когда берега Кольского залива покрывались горами выброшенной волнами рыбы, и население выходило на борьбу с этой бедой, дабы в крае не началась эпидемия. Даже в начале XX века в лоции Баренцева моря указывалось: «В летне-осенний период движение судов по Кольскому заливу может быть затруднено из-за большого скопления сельди».

¹ Жилинский А.А. Крайний Север. С. 157.

² Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 412. (Далее: Максимов С.В. Год на Севере).

³ Энгельгард А.П. Русский Север. Путевые заметки. СПб., 1897. С. 48.

Изобилие сельди на Кольском Севере в сезон путины.
«Historia de gentibus...», O. Magnus, 1555

§ 4. Стратегическое значение Арктики и топонимический инфантилизм

Одна из важнейших целей предлагаемого исследования – представление исторического материала для обоснования законности наших нынешних усилий по обеспечению глобальных стратегических интересов России в Арктике. Поскольку не секрет, что западная дипломатия никогда не прекращала своей настойчивой и методичной работы по вытеснению России не только из Арктики вообще, но и из исторически неоспоримо принадлежащего ей сектора, которым является Кольский Север.

В этой связи необходимо коснуться еще одного важного аспекта. Разворачивающаяся борьба за Арктику происходит на фоне нашего, мягко говоря, легкомысленного отношения к истории, которое хорошо прослеживается, если можно так выразиться, в «топонимическом инфантилизме». Нам будто бы нет дела до того, что наши исконные территории Крайнего Севера носят иностранные названия.

Так, например, мы, конечно, с уважением относимся к голландскому мореплавателю Виллему Баренцу, первому европейцу, сумевшему перезимовать в Арктике, – но разве этого факта достаточно для того, чтобы море, издревле называвшееся Московским, Русским, Ледовитым, Скиф-

Поморские кресты в бухте Ван-Мюйден (Шпицберген). Рисунок начала XX века

ским и Гиперборейским океаном¹, стало вдруг в 1853 году называться Баренцевым²?

Отважный Баренц в 1594 году только пришел изучать эти берега, а его спутник Ян Линсхотен, комиссар голландского правительства, уже записал в своем дневнике, что, проходя вдоль Рыбачьего полуострова, они «видели густо населенные берега; и русские становища эти были так велики, что в расстоянии 5 миль мы приняли их за большие города»³.

«Северный берег Рыбачьего полуострова был усеян целой массой становищ и поселений, от которых кое-где и сейчас сохранились фундаменты домов, амбаров и пр.»⁴.

Можно вспомнить и «открытый» уважаемым мореплавателем архипелага Шпицберген, который много раньше был освоен нашими русскими мореплавателями и назван Грумантом. «Грума», или «грумана», – так поморы называли оторвавшуюся от берега и падающую в море ледяную глыбу.

Недавно на Шпицбергене в одном древнем деревянном пятистенке, срубленном недалеко от реки Стаббэльвы, нашли часть текста, вырезанного на дереве: «Преставився мирининъ от города» («Умер житель города»). Установлено время постройки этого дома – 1552 год. Баренц же «открыл» этот остров через сорок четыре года. Ныне широко известно «письмо крупного географа Западной Европы Иеронима Мюнцера португальскому королю Жуану II, датированное 14 июля 1493 года. В нем

¹ Гиперборея как территория, приписанная Древней Руси, была усвоена в XVI веке в титулатуре как Российского царя, так и патриарха.

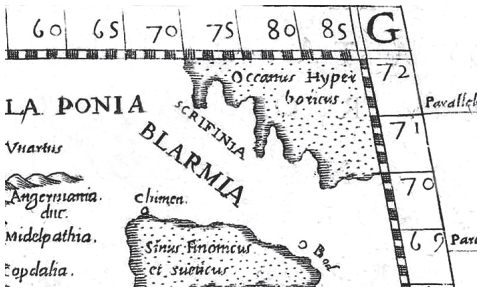
² Название «Мурманское море» появилось на европейских картах лишь в XVII веке как необходимый аргумент Запада в дипломатических спорах между Данией и Россией за территорию Лапландии и в информационной войне в целом.

³ Козмин К.В. Исторический обзор Мурманского берега // Изв. Арханг. о-ва изучения Русского севера. 1915. №1. С. 2. (Далее: Козмин. Исторический обзор Мурманского берега).

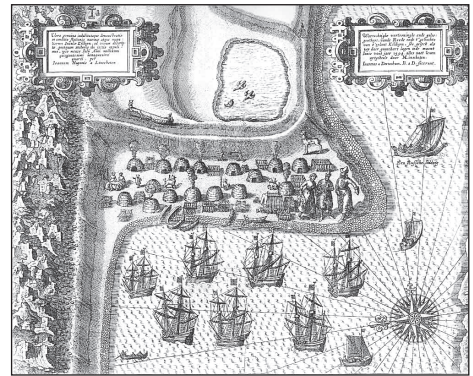
⁴ Шидловский А.Ф. Шпицберген в русской истории и литературе. Краткий исторический очерк. СПб., 1912. С. 2.

Московское море – «Mer de Moscovie» из сборника карт «Regueil Contenant des Cartes Nouvelles». Paris, 1742

Гиперборейский океан на карте Клавдия Птолемея II в. по Р. Х.

Общий вид становища на Восточном Кильдине. Гравюра Ван Линсхотена, 1594 г.

говорится не только об открытии русскими Груманта, но и о существовании на архипелаге русского поселения»¹. В предании рода вологодских крестьян Старостинных говорилось, что их предки, «происходившие из новгородцев еще до основания Соловецкого монастыря (то есть до 1435 года), имели на западном берегу Груманта свои избы в гавани, которая так и называлась “Старостинская” и которую позже иностранцы переименовали в “Кломбай” [сейчас залив Бельсунн. – Е. М.]»².

¹ «Под Полярной звездой русские не только открыли гигантский остров, но и установили над ним великокняжескую власть». Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5-ти тт. М., 1983–1986. Т. I. С. 62.

² Шидловский А.Ф. Шпицберген в русской истории и литературе. Краткий исторический очерк. СПб., 1912. С. 2.

Остатки экспедиции Баренца на шлюпе
встречают русскую ладью.
Гравюра Де-Фер Геррита. 1597 г.

Спутник Баренца «Корнелиус Най на борту своего корабля имел русского лоцмана, который возил его на Печору и далее, другими словами, иностранцы ничего не открыли, а только описали, что видели и слышали от русских мореходов»¹.

Или другой топонимический казус: почему по прошествии более чем семидесяти лет после освобождения территории Печенгского района Мурманской области от кратковременного владения финнов русские исторические географические названия так и остались финскими? Почему река Мана, где преподобный Трифон построил первый монастырь, теперь называется Намайоки? Знаменитое Трифоновское озеро, куда Печенгский старец удалялся на свои молитвенные подвиги превратилось в Трифоноярви, а речка Княжуха при которой располагался «нижний» монастырь стала Нюсюкийоки.

Именно в этом ряду стоит и вопрос с нынешним названием столицы Кольского края – города Мурманска. Легкомысленно, на волне революционного куража, было упразднено историческое название нашей северной столицы – «Романов-на-Мурмане», которое утверждало историческую державную мощь России в Арктике. Но ведь «мурмане», которые упоминаются в древних летописях, в 1240 году пришедшие на Неву с агрессией, нам не друзья: «приходили свеи в силе велице и мурмане и сумь и емь»². Да и в 1419 году именно они, «мурмане, пришедшие на бусах и шняках, разорили погост Варзуги и иные села и монастыри пограбили, а людей избили»³.

¹ Козмин К.В. Исторический обзор Мурманского берега. С. 3.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. В лето 6748 [1240] // Полное собрание русских летописей. Том 3. М.–Л., 1950. (Л. 126 об.).

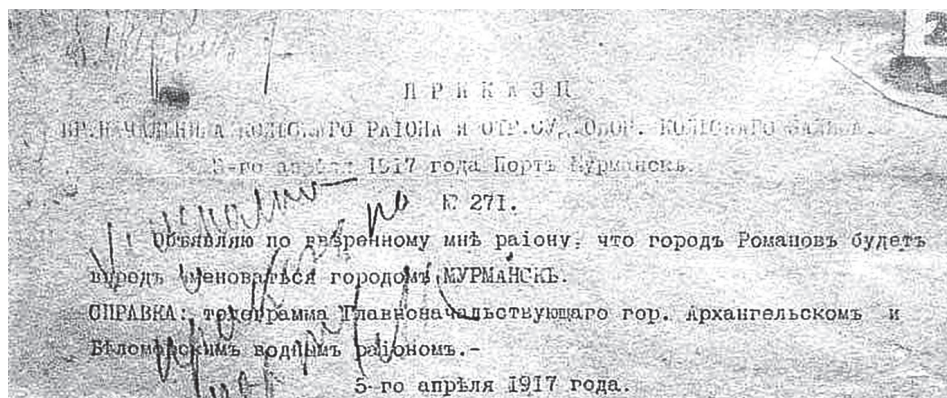
³ Первый новгородский летописный свод за 1419 год // ПСРЛ. Т. 3. С. 109.

Старинная русская река Мана и современный указатель

Никакому правителю до революции не могло и в голову прийти назвать русский город, имеющий стратегическое значение в Арктике созвучно чужеземному народу, исторически конкурентному нам в вопросе принадлежности этих земель, а ныне входящему в блок НАТО. Поэтому город был основан как «Романов-на-Мурмане», ибо этим названием утверждалась незыблемая власть державы Российской на этих берегах.

Вопрос имени, или названия, всегда имеет особое, мистическое, сакральное значение. Исконное название города «Романов-на-Мурмане» в полной мере свидетельствовало о величии нашего прошлого, о мощном духовном потенциале нашей страны, история которой началась не с октябрьского переворота, а с великих деяний наших знаменитых предков. Наблюдаемое в последнее время очевидное обострение ситуации вокруг северной полярной области Земли, именуемой Арктикой, – неизбежно и закономерно, поскольку здесь сталкиваются политические и экономические интересы многих развитых и развивающихся стран. Угроза возможных конфликтов интересов и дипломатические усилия по их разрешению неизбежно породят острую потребность в надежных исторических аргументах. Уверенность в своей правоте позволит России выстраивать гармоничные отношения в Арктическом регионе, которые, как подчеркивается в Основах государственной политики,

Приказ вр. нач. Кольского района от 3.04.1917 г.
о переименовании г. Романов-на-Мурмане в Мурманск

в значительной мере «должны опираться на взаимовыгодное двустороннее и многостороннее сотрудничество с приарктическими государствами на основе международных договоров и соглашений»¹.

В своей истории мы уже не раз проходили периоды как угасания интереса к Русской Арктике, так и возврата государственной мысли к осознанию стратегической роли Европейской части русского Крайнего Севера. Хотелось бы надеяться, что нынешний ренессанс этого интереса нацелен на долгосрочную перспективу.

Все вышеизложенное придает особую остроту заявленной теме исследования. Настоятельная потребность в полноценной исторической информации, касающейся истории Кольского края, и надежность аргументов в отстаивании законной исконности нашего присутствия на этих землях придает предлагаемой работе необходимую актуальность и ясно говорит о своевременности ее появления.

¹ Основы государственной политики России в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. Утв. Указом Президента РФ № 1969 от 18 сентября 2008 г.

РАЗДЕЛ III

Первые шаги в христианизации
Европейского Севера.
Киевская и Новгородская Русь

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ПРОСВЕЩЕНИЯ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ ЕВРОПЫ

§ 1. Нашествие скандинавов в Европу и их христианизация

Языческие народы Крайнего Севера Европы в полной мере использовали свое географическое положение и особенности жизни среди бесчисленных фьордов и островов. Уникальный опыт кораблестроения, накопленный скандинавами в течение столетий, наряду с формированием на этих суровых берегах генерации природных мореплавателей позволил этим народам осуществлять небывалые по тем временам дерзкие плавания и завоевания. Эти морские традиции позже в полной мере будут восприняты на просторах Руси. «Мореходная наука постигалась ими с раннего детства. Как свидетельствуют наши саги, дети скандинавов от самых простых до королевских вырастали в непрерывном общении с морской средой, и потому во время морских сражений они могли легко даже до дна морского ниспускаться и опять выходить, когда токмо хотели»¹.

Многочисленные племена раннесредневековых скандинавских мореходов уже с VIII века активно заявляли о себе, серьезно беспокоя как нарождающиеся государства Западной Европы, так и берега древних цивилизаций Востока.

Первым важным и продуманным шагом к распространению христианства на Европейском Севере стало возведение в 808 году императором франков Карлом I Великим крепости Хаммабург, впоследствии превратившейся в город Гамбург. «Император предназначал этот город не столько для коммерческих целей, но как своего рода исходную базу для миссионерской деятельности своих пастырей. Вскоре архиепископ Гамбургский стал пользоваться внушительной духовной властью, расширяя ее все далее на Север»².

---

¹ Помпоний Мела. Описательная география. Л. 3. С. 3. Цит. по: Далин О. История Шведского государства. С. 318.

² Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 44.

Но задача продвижения христианской миссии на Север Европы осталась нерешенной, отойдя на второй план. В начале IX века над Франкской империей нависла новая неведомая ранее страшная опасность – нашествие викингов.

Так называемые безземельные бонды, крестьяне-общинники, вследствие регулярно возникающей перенаселенности приморских районов Скандинавского полуострова и наряду с нехваткой плодородных земель, объединялись в дружины и уходили покорять огнем и мечом народы дальних стран. Одни из них оставались на захваченных землях навсегда, другие предпочитали стать профессиональными разбойниками, морскими пиратами. Так, средневековый католический святой аббат Одон Клунийский († 942) в своем трактате упоминает обычай датчан, по которому «значительная часть их населения, по выпадению жребия, каждые пять лет покидает родину, чтобы найти себе новые земли и больше уже не вернуться»¹.

Об этом же несколько позже, в начале XI века, пишет нормандский хронист и историк Дудон Сен-Кантенский в своем сочинении «О нравах и деяниях нормандских герцогов», где вновь говорит о чрезмерной численности народов Севера Европы и о земле, которая не может их пропитать. «Множество юношей бросает жребий, кто из них, по древнему обычаю, должен быть изгнан в чужие края, чтобы мечом завоевать себе царства, где они могли бы остаться жить навсегда в вечном мире»².

Первый документально зафиксированный поход викингов в Англию «состоялся в 793 году, однако фактически экспансия скандинавов началась много раньше»³. «В конце VIII века норманны стали переселяться на острова Северной Атлантики – Фарерские, Шетландские, Оркнейские и Гебридские. Заселяя их, норвежцы потеснили или изгнали своих предшественников – кельтов и пиктов, преимущественно отшельников»⁴. Таким образом были уничтожены древнейшие очаги западного кельтского монашества.

---

¹ Tractatus abbatis Cluniacensis de reversione B. Martini a Burgundia. Цит. по: Тиандер К.Ф. Датско-русские исследования. П., 1915. С. 47.

² Dudo de St. Quentin. De moribus et actis primorum Normannorum ducum Historia Normannorum 1015–1030 / Ed. Felice Lifshitz. Berlin, 1996.

³ Гуревич А.Я. Древние германцы. Викинги / Избранные труды. СПб., Издательство Фонда поддержки науки и образования «Университетская книга». Т. I. 1996. С. 39.

⁴ Там же. С. 41.

Вскоре настала очередь иных христианских территорий Западной Европы – Ирландии, Шотландии, северо-восточной Англии, северной Франции, Исландии и даже Гренландии.

При всех ужасающих последствиях этих вторжений в Европу язычников Севера следует признать, что норманны-варяги достаточно терпимо воспринимали и легко усваивали христианскую веру местных народов, понимая, что в этом духовном единстве заключается гарантия успеха их стремления закрепиться на желанных новых землях.

Так, если некий Гастинг (IX век), первый норманн, поселившийся во Франции, как правитель города Шартра «был еще совершенным дикарем» и язычником, то следующий за ним первый реальный правитель Нормандии герцог Роллон (викинг Хрольф Пешеход, +932)¹ уже принял крещение.

Но в полной мере истинным христианином стал следующий правитель, сын герцога Роберта I Нормандского (Роллона) – Вильгельм I Длинный Меч (+942). В начале X века по его воле активно стали не только возрождаться разоренные викингами древние монастыри, но и создаваться новые. Наступал долгожданный мир, «с помощью монахов начинает восстанавливаться духовный порядок. Монастыри осыпались дарами и укреплялись, и земля эта вновь пришла к христианству и к миру, а сам герцог готовился оставить земные заботы и закончить свои дни монахом»².

Таким образом пришельцы языческой Скандинавии духовно ассимилировались в завоеванных странах, быстро восприняв христианство. Этот процесс христианизации шел, безусловно, успешнее, чем миссионерское просвещение их же соплеменников, оставшихся на Крайнем Севере. Можно констатировать, что к XI веку уже в значительной степени завершилось восстановление законной власти и благочестивой жизни в тех ранее опустошенных краях Европы, где обосновались норманнские завоеватели.

Сын Вильгельма, герцог Ричард (+996), активно занимался возрождением нормандских соборов и, «увенчав церковным клиром ту систему управления, основу которой до тех пор составляли монастыри, завершил задачу восстановления духовного порядка и власти. Из бездн варварства норманны поднялись по ступеням христианской культуры к высо-

¹ Прозвище «Пешеход» викинг Хрольф приобрел вследствие своих исполинских размеров. Ни одна лошадь не могла выдержать его веса, и он всегда передвигался пешком.

² *Дюби Жорж*. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / Пер. с фр. Гинзбург Ю.А. М., 2000. С. 120.

Деталь вышивки знаменитого гобелена города Байё в Нормандии (длина полотна более 70 метров), на котором отражена история завоевания Англии Вильгельмом Завоевателем в 1066 году

там Божественной благодати»¹. Так формировались новая государственность и духовность на материковой части Северной Атлантики, на земле Франции. Эта территория очевидным образом тяготела к Римскому престолу, к той части христианской цивилизации, которая впоследствии будет называться римско-католической.

В то же время на берегах «туманного Альбиона» в течение первого тысячелетия по Р. Х. сформировалась несколько иная христианская страна – православное Английское королевство, тяготеющее к Константинополю. Сказочный город Византии, «центр земли», соединяющий Восток и Запад, всегда являлся объектом притяжения и восхищения для северных рыцарей, порождая стремление влиться в элитную «варяжскую гвардию» императора ромеев.

Английское государство, в котором «к середине XI века при святом благоверном короле Эдуарде Исповеднике при населении 1,5 млн. человек насчитывалось по меньшей мере 10 000 храмов»², было теснейшим образом связано родственными связями со скандинавскими и русскими царствующими фамилиями. Влияние Англии простиралось до Норвегии, где правил сын Английской Церкви конунг Олоф – покровитель Норвегии, до Руси, где в Великом Новгороде правила дочь Английской Церкви шведская принцесса святая Анна Новгородская. Но, увы, эта Англия перестала существовать в 1066 году после битвы при Гастингсе, когда герцог норманнский Вильгельм Завоеватель разгромил армию английского короля Гарольда и огнем и мечом подчинил себе Английское королевство.

В Англии началась новая история, «новая династия, новая аристократия, практически новая церковь, новое искусство, новая архитектура

¹ Дюби Жорж. Трехчастная модель... С. 121.

² Мосс В. Крушение Православия в Англии. Тверь, 1999. С. 6.

Барельеф с изображением бога Одина. Из книги: Bugge Alexander. Norges historie (800-1030) fremstillet for det norske folk I-2. Utgitt av Aschehoug i Kristiania. 1910

и новый язык»¹. Доминирование норманнского господства породило мощнейший отток эмиграции из Англии. Только лишь «в 1075 году от берегов Англии убыло в сторону Миклегарда [*древнескандинавское название Константинополя. – Е. М.*] 350 кораблей. Флотом командовал граф Сигурд Глостерский. По самым скромным подсчетам, на этих кораблях эмигрировало около 10 000 человек»².

Это что касается роли норманнов в истории Западной Европы и трудного процесса христианизации скандинавских язычников, пришедших на эти берега в результате грабительских походов и оставшихся там жить навсегда. При этом сами дальние рассадники этих очень жизнеспособных этносов все еще пребывали в жестоком и кровавом языческом мироустройстве, и берега Северных земель долгое время сопротивлялись принятию благовестия Христовой веры. В то же время надо ясно понимать, что именно эпоха викингов (IX–X вв.) и ее мощнейшие миграционные процессы привели к перелому в культурной жизни Севера Европы, «произведя глубокий переворот в религиозной жизни скандинавских народностей и широко раскрыв возможности христианского воздействия извне, шедшему, с одной стороны, из Северной Германии, с другой, и подчас главным образом, – из Англии и Ирландии»³.

¹ Девис Р.Х.С. Нормандцы и их мифы. Лондон, 1976. С. 103.

² Филлипс Э. Православное христианство и Старая Английская церковь. 1996. С. 29.

³ Браун Ф. Северная мифология // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб, 1900. Т. 29. С. 2.

Жертвоприношения древних скандинавов.
Из книги Олауса Магнуса «История Северных народов», 1555 г.

§ 2. Скандинавское язычество – «сыны погибели»

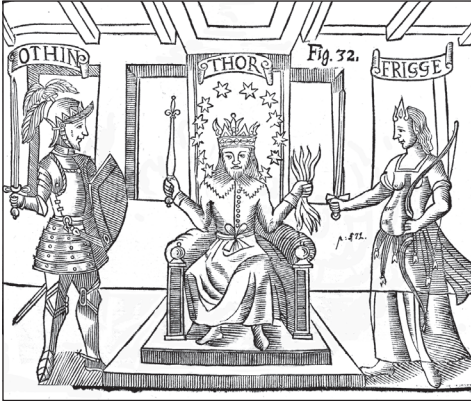
Именно таким евангельским эпитетом – «сыны погибели» (2 Фес. 2, 3) – наградили жители южных областей Европы страшных представителей скандинавского севера, безжалостных воинов-язычников. Викинги, пожалуй, были наиболее яркими представителями языческой веры северных народов. Прозванные «волками Одина», они вселяли мистический ужас, и «местные правители предпочитали обычно откупаться от них и не оказывать им сопротивления»¹.

«Молитвы, возносившиеся в то время практически во всех христианских церквях, включали в себя и такое прошение: “Господи Боже наш, сохрани нас от внезапной смерти и от норманнов”»².

Очевидец этих страшных вторжений норманнский хронист Дудон Сен-Кантенский в своей книге «О нравах и деяниях первых герцогов Нормандских» дает яркое описание магических действий викингов, в результате которых они, уходя в свои кровавые походы, заручались поддержкой могущественных богов Севера.

¹ Оксфордская иллюстрированная энциклопедия «Всемирная история с древнейших времен». Т. 3. М., 1999. С. 65.

² Фарли Моуэт. От ариев до викингов. М., 2004. С. 146.

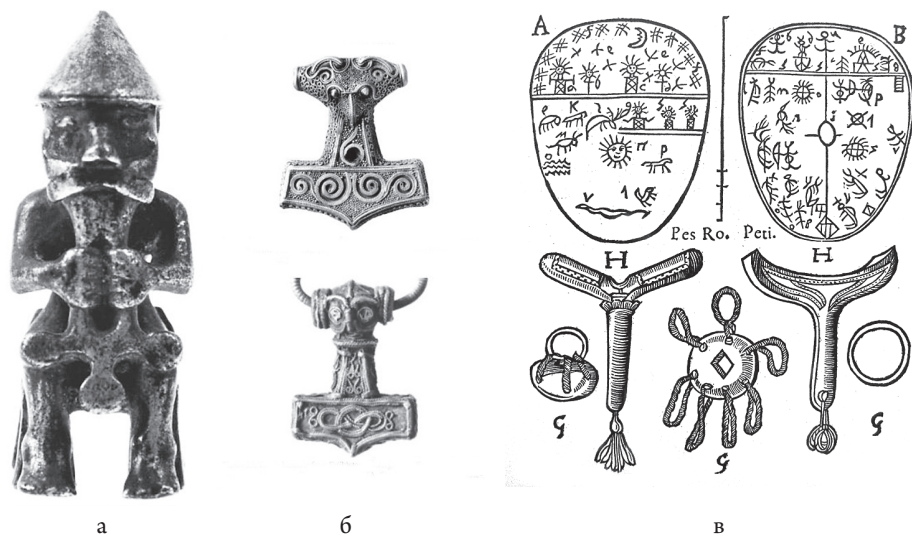
Боги Скандинавов – Один, Тор и Фрейя.
Рис. из книги: Olf Rudbecks. Atlands eller
Manheims. P. 2. Upsalæ, 1689

Одной из главных задач, которую норманны решали через свои жертвоприношения, являлось обретение помощи от богов (бесов) по управлению ветром и достижение благоприятной погоды в целом во время предстоящего похода. Надо сказать, что «практика “магии ветра” в среде мореплавателей Крайнего Севера имела совершенные формы и представляла собой уникальное явление по сравнению с иными народностями и культурами»¹. Согласно Дудону, «именно человеческую кровь считают они наиболее действенной жертвой для достижения просимого у своих богов. Жрец, бросая жребий, находит предназначенного для сегодняшнего жертвоприношения и одним ударом сносит ему череп, а мозг выбивает на землю. Перевернув несчастного, жрец добирается до сердечной железы [до аорты. – Е. М.]. Извлеки через нее всю кровь, норманны, прославляя бога Тора, омываются этой кровью. Испытывая прилив сил и радость, они с боевым кличем бегут к приготовленным для дальнего похода драккарам. Надо торопиться и поднимать паруса – ветер нужного направления уже дует и скоро наберет большую силу...»². Правда, случалось, что уже в пути духи гневались за те или иные проступки путешественников, и тогда человеческие жертвы требовались вновь: «Пришлось бросить жребий. С каждого корабля было пожертвовано по одному человеку. Тогда только вновь подул попутный ветер»³.

¹ Hanns Bachtold-Staubli, Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, 10 vols, 1927–1942. Цит. по: Perkins Richard. Thor the Wind-Raiser and the Eyrarland Image // Viking Society for Northern Research. London, 2001. P. 12. (Перевод автора).

² Dudone Sancti Quintini decano. De moribus et actis primorum Normannia ducum auctore ed. Jules Lair, 1865. Ch. 2. P. 129–130. (Перевод автора).

³ Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 344.

- а) Изображение Тора как «карманного» божка. Из статьи: Thor the wind-raiser // Viking society for northern research text series. London, 2001. V. XV
- б) Неизменный атрибут поклонения Тору – подвески-молоточки. Из статьи: Thor the wind-raiser // Viking society for northern research text series. London, 2001. V. XV
- в) Деревянные молоточки, непременный атрибут волхования лопаря. Ударять в бубен можно только специальным «молоточком Тора». Рисунок из книги: M. Consett. A tour through Sweden, Swedish-Lapland, Finland and Denmark. London, 1789

Надо отдельно сказать о наиболее значимом для жителей Севера божге по имени Тор. Поклонение ему было всеобщим и касалось всех северных народов.

С приходом христианства и завершением эпохи кровавых походов северных мореплавателей эти языческие традиции в полной мере сохранились и активно практиковались у аборигенов Крайнего Севера Европы – саамов (лопарей) и биармийцев (чуди, или народе вису). Управление погодой посредством магических приемов и даже активная торговля ветрами нужного направления в дальнейшем стала одной из реальных статей дохода лопарского племени. Справедливости ради надо заметить, что у лопарей тесный контакт с «духами-помощниками» надежно поддерживался без упомянутых зверств и человеческих жертвоприношений.

Иной была магическая духовность викингов. Тесная связь с силами тьмы, достигаемая кровавыми магическими ритуалами, приводила к тому, что многие из этих скандинавских воинов являли собой совершенно особые существа – «воинов-зверей». Призывая себе в покрови-

Жертвоприношение Тору, Тордену (Thorden), или Громовержцу. Он управляет всей погодой в целом, но особенно ветрами. Рис. Bernard Picart из книги «*Ceremonies et coutumes religieuses des peuples idolatres*». Amsterdam, 1728. Т. 2. Р. 1. Р. 373. С любезного разрешения Амброзианской библиотеки г. Милана

тели известного бога Одина, хозяина верхнего царства мертвых, эти войны проходили через некий магический обряд инициации, рождаемая в новом внутреннем зверином обличии. При этом они, еще пребывая на земле, умерщвляли свою душу и «приписывали» ее к воинству «царства мертвых» под началом Одина, взамен получая страшную силу зверя.

Так, например, знаменитые берсерки, что значит «воплотившиеся в медведя», «бросались в бой без кольчуги, в ярости, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты и были сильными, как медведи или быки. Они безжалостно убивали людей, и ни огонь, ни железо не причиняли им вреда»¹. Чаще всего эти неукротимые разбойники «были родом с Халогаланда, и сильнее и выше ростом, чем прочие люди, впадая в ярость, никого не щадили. Они уводили мужних жен и дочерей и, продержав неделю или две у себя, отсылали назад»². Приведенное описание нравов берсерков из «Саги о Греттире», датируемой IX веком, отражает общую

¹ Snorri Sturluson. Heimskringla. Reykjavik, S. 6. Цит. по: Семизкий А.И. Воданические короли // Скандинавские чтения. СПб., 2002. С. 49.

² «Сага о Греттире». Цит. по: Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 54.

атмосферу языческого мироустройства Севера Европы. Это были времена нашего князя Владимира, который, как свидетельствует современник, латинский хронист Титмар, епископ Межиборский, был «великим распутником» – «*fornicator maximus*» (лат.) – «максимально аморальным». О том же свидетельствует и «Повесть временных лет»: «Был же Владимир побежден похотью, наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове, в сельце», и плюс к тому несколько официальных языческих браков. Среди языческих князей и конунгов эта безудержная похоть считалась очевидным достоинством и даже доблестью. Так, друг Владимира норвежский ярл Хакон Могучий также регулярно заполучал себе множество женщин из дочерей местной элиты, с которыми проводил пару недель и отсылал домой, что вызвало ропот в народе.

Не секрет, что конунги и князья того времени добывали себе богатство и славу, вступая на путь, подобный берсеркам. Источник этой силы хорошо нам известен по евангельским текстам, повествующим о бесноватых, среди которых один «беснуется и часто бросается в огонь и часто в воду» (Мф. 17, 15), а другой «разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его» (Мк. 5, 1). В известной исландской саге об Орваре-Одде повествуется о схватке героя с берсерками и подчеркивается, что на Одда и его друга Гиальмара при виде этих человеко-зверей нападает не свойственный викингам страх. Героям удается победить врагов лишь потому, что к моменту начала схватки от берсерков отступило их бешенство (беснование).

Среди других подобных воинских кланов «посвященных» в преданиях упоминаются эйнхерии, хьдинги, гарии, ульфхедхины и прочие. Таким образом, мы видим, что практика сознательного введения себя посредством магических приемов в состояние одержимости или, проще говоря, в беснование, была весьма распространена и свидетельствует о крепких северных традициях незаконных союзов людей с нечистыми духами – бесами.

При этом цель жизни таких викингов-берсерков состояла во владении как можно большим количеством золота. Можно сказать, что именно золото имело над их душами полную власть. Наиболее удачливые и сильные викинги, после того как собирали его в достаточном количестве, жить больше не хотели и вместе со своим богатством добровольно заживо погребались в курганах. «Так, в Саге о Золотом Торире, одном из источни-

Выпить крови убитого медведя – неперемнное условие получения силы берсерка.
Рис. из книги О. Магнуса «История Северных народов», 1555 г.

ков Саги о Хальвдане Эйстейнссоне, говорится о берсерке Агнаре, сыне Регинмода Злого, вошедшем в курган и взявшем с собой туда все свое имущество и богатство. Это место он заколдовал, чтобы никто не мог приблизиться к нему под страхом смерти (Gull-Þoris saga. Bl. 9)»¹.

Духовное устройство древних скандинавов было немыслимо без устремленности к схватке, поединку, риску. Эти неутолимая жажда победы и наслаждение сражением в полной мере воспеты в их эпосе, в норвежских сагах «с их романтическим небом, населенным высокими, мрачными, ужасными видениями; с их Вальхаллой (Valhalla), или раем, созданным только для храбрых, где счастливые избранные будут вечно сражаться друг с другом и у ворот которого стоит небесный волк, питающийся жизнями трусов»². Такова была вечность, избираемая этими воинами Одина.

Надо сказать, что даже много позже, после утверждения христианства в Северной Европе, это заряженное мощной темной энергией братство рыцарей не находило себе упокоения, и их мятущиеся души продолжали свой вечный боевой поход. Христианский народ временами видел

¹ Исландские викингские саги о Северной Руси / Пер. и коммент. Г.В. Глазыриной. М., Ладомир, 1996. С. 112.

² Сенковский О.И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения. СПб., 1834. №1, Ч. III. С. 2.

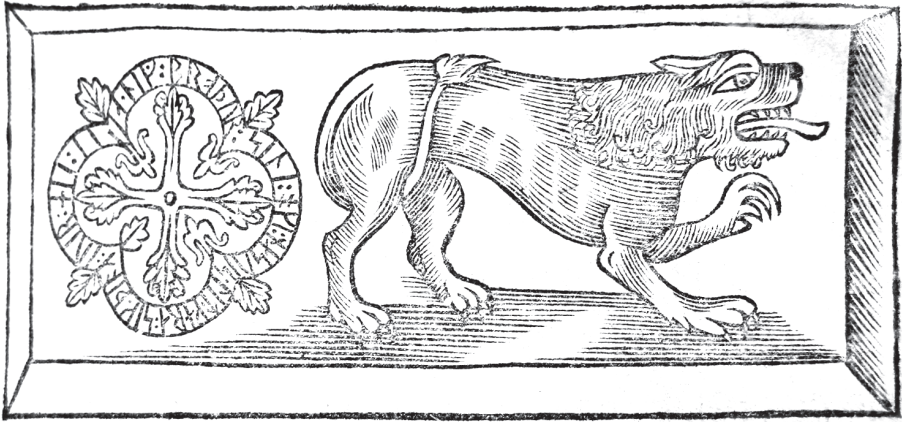

Заклятие меча. «Валь владел тем мечом, который назывался Хорнхьяти, он был изукрашен золотом и всегда разил в уязвимое место» (Halfdanar saga, 1917, s. 137).
Рис. В.П. Овсяникова. Журнал «Север», 1887

этих легендарных скандинавских рыцарей. Они приходили ниоткуда и уходили никуда. Так, в 1236 году рядом с монастырем Рош в Восточной Англии «появилось войско отменно вооруженных рыцарей, со знаменами и щитами, в кольчугах, шлемах и прочих доспехах. Рыцари ехали боевым строем, иногда устраивая поединки, словно на турнире. Некоторые из них жестоко страдали от ран, истекая кровью. Не было сомнений, что это бесовское наваждение. В то же время, что удивительно, их следы явно отпечатались на земле, а трава там, где они прошли, была смята и вытоптана. И многие, видевшие это, от страха бежали прятаться от них по ближайшим церквам»¹.

Поклонение богу Одину (Водану), одно из имен которого было «Ужасный», у народов Скандинавии имело очень древние традиции. Учитывая суровые условия северного быта, может сложиться впечатление, что почитание языческих богов здесь было несколько примитивным, культурно неразвитым. Это далеко не так. «Дошедшие до нас описания

¹ Матвей Парижский. Великая хроника. Matthew of Paris. Chronica Majora / Ed. H.R. Luard. London, 1873–1882. Vol. VII. (Пер. Н. Горелова).

Волк Вальхаллы. Из книги: Olf Rudbecks. Atlands eller Manheims. P. 2. Upsalæ, 1689

различных северных храмов доказывают, что эти храмы, подобно индийским, были чрезвычайно огромны, и фигуры главных божеств, сидящих в них, были колоссального роста, все в драгоценных одеждах, богато украшенных золотом и серебром»¹.

Так, например, знаменитый храм «Дом богов» в Упсале (Швеция) в течение тысячи лет, до XII века, являлся мощным центром язычества на Севере Европы: «Храм блистал азиатской пышностью, стены и кровля, по древним сказаниям, были обложены золотом, с зубчатых вершин храма спускалась золотая цепь, обнимавшая наружные стены в виде кольца, так что все горело золотом, и блеск его отражался по всей окрестности»².

Посетивший эти места в XI веке известный путешественник и католический священник Адам Бременский описал все мерзости языческих жертвоприношений, творившихся в этом храме с особым размахом. «В жертву приносили от всякого рода живых существ по девять особей мужского пола. Кровь их сливалась в чаши, после чего ею окропляли идолов, стены храма и народ. Трупы вывешивались в священной роще рядом с храмом»³.

Один христианин в ужасе описывал эту «священную рощу», где он насчитал семьдесят два трупа животных и людей, висящих вперемешку.

¹ Древнейший быт Скандинавии // Москвитянин. М., 1855. Т. 4. С. 13.

² Там же. С. 14.

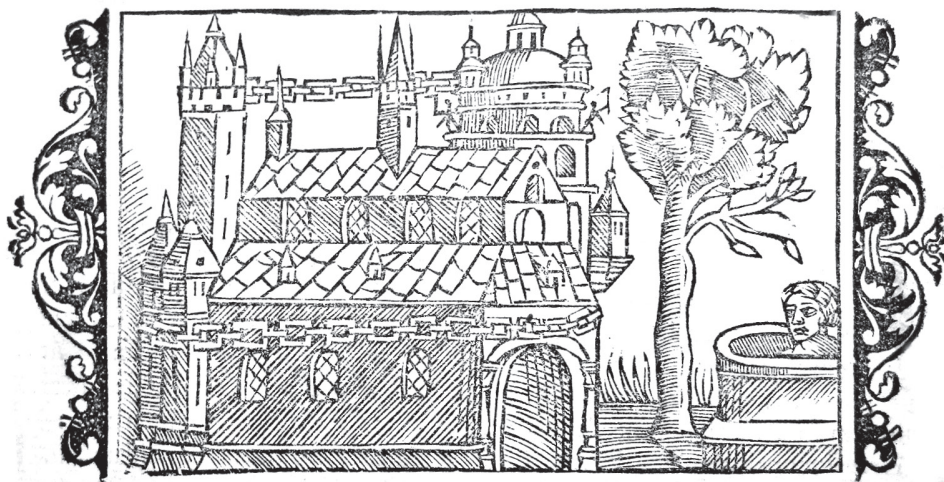
³ Петрухин В. Мифы древней Скандинавии. М., 2002. С. 275.

Жертвоприношения в Упсале.
Рис. из книги: Olf Rudbecks. Atlands eller
Manheims. P. 2. Upsalæ, 1689

«Блот» – жертвоприношение в Упсале.
Из книги: Snorre Sturlason. Heimskringla,
J.M. Stenersen & Co, 1899

Золотая цепь на Доме богов в Упсале.
Рис. из книги О. Магнуса «История Северных народов», 1555 г.

В роще также находился «священный источник», в котором топили людей для выяснения воли богов. Если человеку не удавалось выплыть, то это считалось хорошим предзнаменованием – боги приняли жертву и будут благосклонны.

В те времена непременным условием признания единовластия конунга (короля) было его личное руководство жертвоприношением в Упсале или так называемое совершение «блота» (др.-сканд. blot). Отказ от этой обязанности неизменно стоил конунгу власти, что действительно можно было наблюдать в период становления христианства в Швеции.

§ 3. Швеция – первый опыт христианизации на Крайнем Севере

Святитель Ансгар, апостол Севера. (IX век). Икона из церкви св. Иоанна Кронштадтского в г. Гамбурге Берлинской и Германской епархии РПЦ

Попытка противостать этому языческому мраку, осуществить первый опыт христианской миссии на территории Скандинавии, а значит, в какой-то мере Крайнего Севера Европы, принадлежит святителю Ансгару (IX век). Названный «Апостолом Севера» за усилия по просвещению Северной Германии, Дании и Швеции¹, святой Ансгар почитается как в Римо-Католической, так и в Православной Церкви, являясь местночтимым святым Берлинской и Германской епархии Московского Патриархата.

Надо сказать, что святой Ансгар с 829 по 861 годы предпринимал неоднократные миссионерские путешествия в Швецию, но здесь его успехи оказались менее значительными, чем в Германии и Дании. «В то же время Ансгарий не был первым миссионером в Швеции. Археологические находки свидетельствуют о том, что население Скандинавии было в контакте с христианским населением из других мест уже в Вендельский период (VI–VIII вв.) и частично в эпоху викингов (VIII–XI вв.)»².

Следует признать, что Шведская земля с большой неохотой склонялась к принятию христианства. И хотя святой Ансгар (Ансгарий) посеял здесь семена веры, однако после него страна опять впала в язычество. Согласно преданию, лишь в конце X века легендарный конунг Эрик VI Победоносный первым в стране принял святое Крещение. Правда, впоследствии Эрик, правивший в Швеции с 970 по 995 годы, снова вернулся к «родным» скандинавским богам.

¹ См.: *Rimbertum S.S. Anscharii, primi Hamburgensium archiepiscopi, Vita Gemina*. Holmiae, Keyser, 1677.

² *Sanmark A. Power and conversion // A comparative study of Christianization in Scandinavia*. Uppsala University. 2004. С. 21.

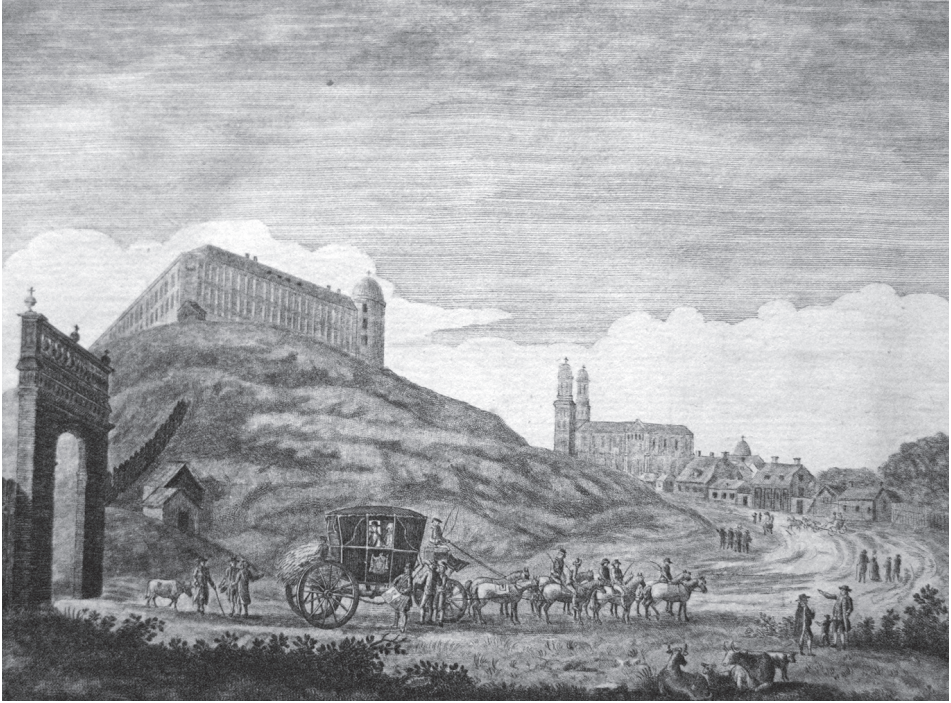
Икона свт. Зигфрида Шведского († ок. 1045). В его руках ведро с головами его родственников – мсть язычников. Память празднуется 15/28 февраля и в третью Неделю по Пятидесятнице в Соборе всех святых, просиявших на Британских островах и в Ирландии до 1054 г. (Решение Священного Синода РПЦ от 21.08. 2007 г.)

Вторая волна активной миссии святых проповедников последовала двумя столетиями позже. Эти просветители были в основном англосаксами, духовными чадами Английской Церкви. Ярким примером той миссии является деятельность святителя Зигфрида (Сигурда), просветителя Шведского, ставшего впоследствии небесным покровителем Швеции († ок. 1045).

Святой Зигфрид считается «апостолом Швеции», хотя его деятельность была много обширнее, а почитание святого распространено также в Дании и Норвегии. Зигфрид прибыл в Швецию предположительно из одного из древнейших городов Англии – Гластонбери. В некоторых источниках говорится, что сначала святой проповедовал в Норвегии и Дании, а потом прибыл в Швецию, где обратил в христианство короля Олафа Шведского († 1022) и его дочь Ингегерду, будущую русскую святую княгиню Анну Новгородскую, жену Ярослава Мудрого.

В Швеции святой Зигфрид проповедовал около 30 лет, им же на Готланде в Сакаре, что рядом с Гетеборгом, было основано первое шведское епископство. Моральный авторитет Зигфрида в стране шведской был непререкаем. Святой Зигфрид был погребен в южной Швеции, под высоким алтарем собора г. Вексьо (Växjö). Мощи его были уничтожены в XVI веке во время Реформации.

Иной подход к христианизации был продемонстрирован внуком короля Эрика VI королем Швеции Якобом (1007–1050). Дух католического миссионерства уже овладевал Западной Европой, и Якоб показал пример крайне жестоких мер при насаждении христианства среди шведов (свеев). При этом сам Якоб не смог вполне одолеть языческие традиции и был вынужден принять династическое имя Анунд. Тем не менее, Анунд-Якоб продолжил огнем и мечом приводить свеев к христианству. В этом он видел залог укрепления своей королевской власти. Надо сказать, такой жестокий «крестоносный» подход в дальнейшем станет традицион-

Вид на подъезде к Упсале в конце XVII века. Гравюра из книги: М. Consett. A Tour through Sweden, Swedich-Lapland, Finland and Denmark. London. 1789

ным для Швеции при приведении в христианство языческих народов Севера Европы.

К этому времени языческий культ в Швеции был достаточно зрелым, то есть имел наследственное жречество и полноценные величественные культовые сооружения, потому борьба с язычеством имела конкретные объекты приложения королевской власти. Но все же это было очень непростым делом: жрецы храмов имели непререкаемый авторитет, а сам храм в Упсале был центром сопротивления христианству. По свидетельству Адама Бременского, даже в 70-х годах XI века «все, начиная от короля и кончая самым простым и бедным крестьянином, посылают дары в Упсалу, а те, кто уже принял христианство, должны присылать выкуп за освобождение от упсальской церемонии».

Когда король Инге I Старший в самом конце XI века наконец уничтожил этот духовный центр скандинавского язычества – «Двор богов» в Упсале, то казалось, что наступят долгожданные перемены. Тем не менее, активное сопротивление продолжалось. Лишь в 30-х годах XII века

здесь, в Старой Упсале, на развалинах языческого капища была построена церковь и сюда же перенесена епископская резиденция.

Однако приверженцы язычества еще долго сопротивлялись, и окончательная победа христианства произошла лишь к середине XIII века. Швеция, таким образом, оказалась последней страной, принявшей христианство, не только в Скандинавии, но и среди всех католических стран Западной Европы¹.

§ 4. Руническое письмо как элемент древних магических практик

Одним из важнейших элементов преодоления языческого мировоззрения явилась борьба за переход от рунического письма к латинскому алфавиту. Не секрет, что в своей первооснове руны представляли собой зримое воплощение сути языческого мироустройства и лишь отчасти служили задачам чистой письменности. С наступлением христианства как официальной религии руническая письменность испытала период попыток приспособиться к новой государственной идеологии. Так, исландский историк Торфей указывает: «Святые боги и Могущий Ветхий деньми высекал исперва эти руны, так говорит Эдда»².

Шведский историк XVIII века Олоф Далин (Dalin) (1708–1763) пишет: «Еще можно видеть в церкви в Богуслене [*Bohuslän* – местность на юго-западе Швеции. – Е. М.] древнюю каменную крещальную купель, на которой руны весьма ясно читать можно»³.

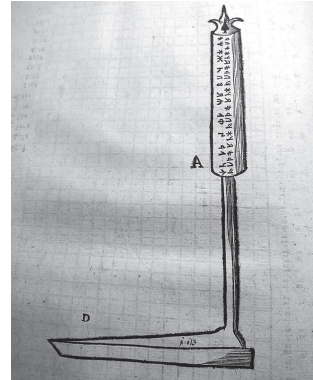
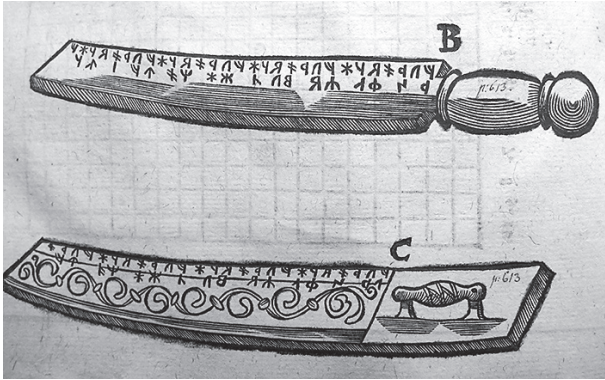
Самые древние, «Старшие руны» (праскандинавские) использовались в основном в магических целях. Собственно, и древнейшее значение слова «руна» – «тайна». Руны наносились как на оружие, так практически на все предметы повседневного быта и окружающие природные объекты (особенно менгиры), становясь неким повседневным фоном жизни скандинавов и духовным средством общения с окружающим языческим миром.

---

¹ В настоящее время в духовно слабеющей Европе идет ренессанс языческих религий, в частности возрождается скандинавский древнеисландский культ Ásatrú (*Ásatrú*, или *ásatrú*, – букв. «вера в асов», в высших богов). С 1972 г. религия официально признана в Исландии, в 1994 году в Норвегии, в 2003 году в Дании.

² *Torfaeus, Thormod. Torfaeana. Sive, Thormodi Torfaei notae posteriores in seriem regum daniae, epistolae latinae, & index in seriem regum daniae. Hafniae, Godiche, 1777. P. 130, etc.*

³ Далин О. История Шведского государства. С. 292. Прим. «Т».

Весь быт древнего скандинава был сопряжен с магией и чародейством. На рисунках предметы домашнего быта, покрытые руническими заклинаниями. Из книги: Olf Rudbecks. Atlands eller Manheims. P. 2. Upsalæ, 1689

Так, например, в «Старшей Эдде», поэтическом сборнике песен о скандинавских богах и героях, приводятся речи валькирии Сигдривы, которая учит конунга Сигурда эффективно использовать руны в различных обстоятельствах жизни. Так, руны «победы» с именем бога Тора следует вырезать на рукояти меча; уберечься от обмана помогут руны «пива», нанесенные на заздравном роге и на собственном ногте; в бурном море помогут руны «прибоя», если их выжечь на веслах и вырезать на носу корабля и руле; «повивальные» руны, нарисованные на ладони, окажут помощь при родах; «целебные» руны принесут дар врачевания и т. д. «Познай руны речи, если не хочешь, чтоб мстили тебе! – советует валькирия и продолжает: Познай руны мысли, если мудрейшим хочешь ты стать!»¹

Руны также имеют способность придавать человеку особую силу при потреблении внутрь, для чего нужно сделать соскоб резных рун и выпить эти частицы, смешав с медом.

Часто по своему содержанию рунические тексты не содержали ничего, кроме имен собственных и магических символов. Таким образом, значение подчас имело не содержание надписи само по себе, а то, какие заклинания при этом были произнесены и какие силы тьмы тем самым привлекались к носителям вырезанных имен.

В то же время встречались и руны, открыто содержащие тексты магических заклинаний. Такова, например, надпись на одном из вертикально

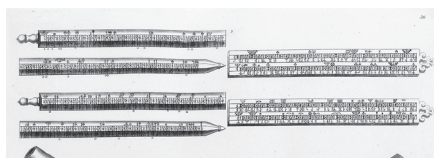
¹ Старшая Эдда // Библиотека Всемирной Литературы / Пер. В. Тихомирова. М., Художественная литература, 1975. Т. 9. С. 212.

Замена рунических знаков готическими буквами.
Из книги Олауса Магнуса «История Северных народов», 1555 г.

Знаменитый воин древности полубог-великан
Старкад прибегает к помощи заклинаний на
рунических жезлах (Traebalk).
Деталь карты «Carta Marina» нач. XVI века

Рунические жезлы – личные магические
приспособления скандинавского язычника
(«волшебные палочки») и рунные
«вечные» календари. Рис. Raineri V. из
книги dottore Giulio Ferrario «Il costume
antico e moderno, o storia del governo, della
milizia, della religione, delle arti, scienze ed
usanze di tutti i popoli antichi e moderni».
Milano, 1826. P. 36. С любезного разреше-
ния Амброзианской библиотеки г. Милана

стоящих камней из деревни Бьёркеторп (Швеция), гласящая: «Я спрятал здесь могучие руны. Да пребудет во власти беспокойства и беспутства и да погибнет коварной смертью тот, кто это разрушит». Надпись на Бьёркеторпском камне, нанесенная в VII веке, свидетельствует об идущей с глубокой древности преемственности магических традиций, поскольку камни эти служили неолитическим кромлехом с начала I тыс. от Р. Х., использовавшимся как языческое святилище. Согласно деревенскому преданию, некий крестьянин попытался убрать эти камни, чтобы уве-

Магические камни деревни Бьёркеторп (Швеция) с руническими надписями VII века

личить размеры своего поля, но все кончилось для него трагически, а камни так и остались на своем месте.

Надо отметить, что такое положение является скорее исключением, поскольку, как известно, чаще всего для возведения христианских храмов использовались места проведения и материалы древних языческих капищ. «Ныне находятся многочисленные рунные камни, подчас и разбитые, кои употреблялись для строительства древних христианских церквей»¹.

Наиболее активно вытеснение рун из письменности происходило в конце X – начале XI веков под влиянием христианских миссионеров. Наиболее последовательно эту работу проводил святой Зигфрид Шведский (†1045), – «наипаче св. Сигфрид, Англичанин, который опасался колдовства и языческих остатков, однако ж руны исподволь отменял, с латинскими буквами их смешивая»². Тем не менее, у простого народа эти руны еще несколько веков оставались в употреблении, будучи наносимыми как на «рунных камнях», так и на «рунных жезлах».

§ 5. Норвегия и Русь в единстве духовных поисков

Несмотря на то, что до этой крайне северной страны, Норвегии, христианские миссионеры Европы добрались позже Швеции, успехи в евангельском просвещении здесь были более значительными. При этом следует сказать, что задолго до начала активного внедрения христианства как официальной «княжеской веры», приведшего к решительным переменам в истории Норвежского государства, шел процесс «есте-

¹ Далин О. История Шведского государства. С. 285.

² Там же. С. 292.

Древний каменный крест в коммуне Хёугесунн. Из книги: *Norges Historie (1030–1103) af Ebbe Hertzberg og Alexander Bugge*. Kristiania, 1915

Руины бенедиктинского монастыря св. мч. Албана на острове Сельджи (Selja kloster), (недалеко от Тронхейма) в Норвегии. Самый первый монастырь на Крайнем Севере Европы. Основан около 1100 года. Монастырь был закрыт в 1545 году вследствие наступившей реформации. Рис. из книги: *Bugge A. Norges Historie. 1103–1319. Vol. II. Kristiania. 1916. S. 75*

ственной христианизации». Этот процесс проникновения евангельского духа на норвежскую землю имел различные источники: начиная от контактов с готскими племенами и римскими legionерами и заканчивая целенаправленными миссиями Кельтской, Англосаксонской и Франкской Церквей.¹

Современные исследователи христианизации Норвегии настаивают на том, что нельзя провести аналогию в путях просвещения этой страны с подобными процессами в иных скандинавских странах. У Норвегии был собственный уникальный опыт контактов с христианским миром «и не менее уникальные внутренние географические условия». Так, например, «в Норвегии были обнаружены древние кельтские и английские памятные камни и кресты, чего не наблюдается в соседних северных

¹ Историк Фритьоф Биркели (1906–1983), епископ Лютеранской Церкви Норвегии, выделил пять направлений этого миссионерского движения: 1. В IV веке германские, готские племена; 2. С IV века римские legionеры; 3. Ирландско-кельтское монашеское христианство; 4. Миссионерство Англосаксонской Церкви; 5. Миссионерские походы в VIII веке Франкской церкви. См.: *Birkeli Fritjof. Hva vet vi om kristningen av Norge? Oslo-Bergen-Tromsø. 1982.* (Перевод автора).

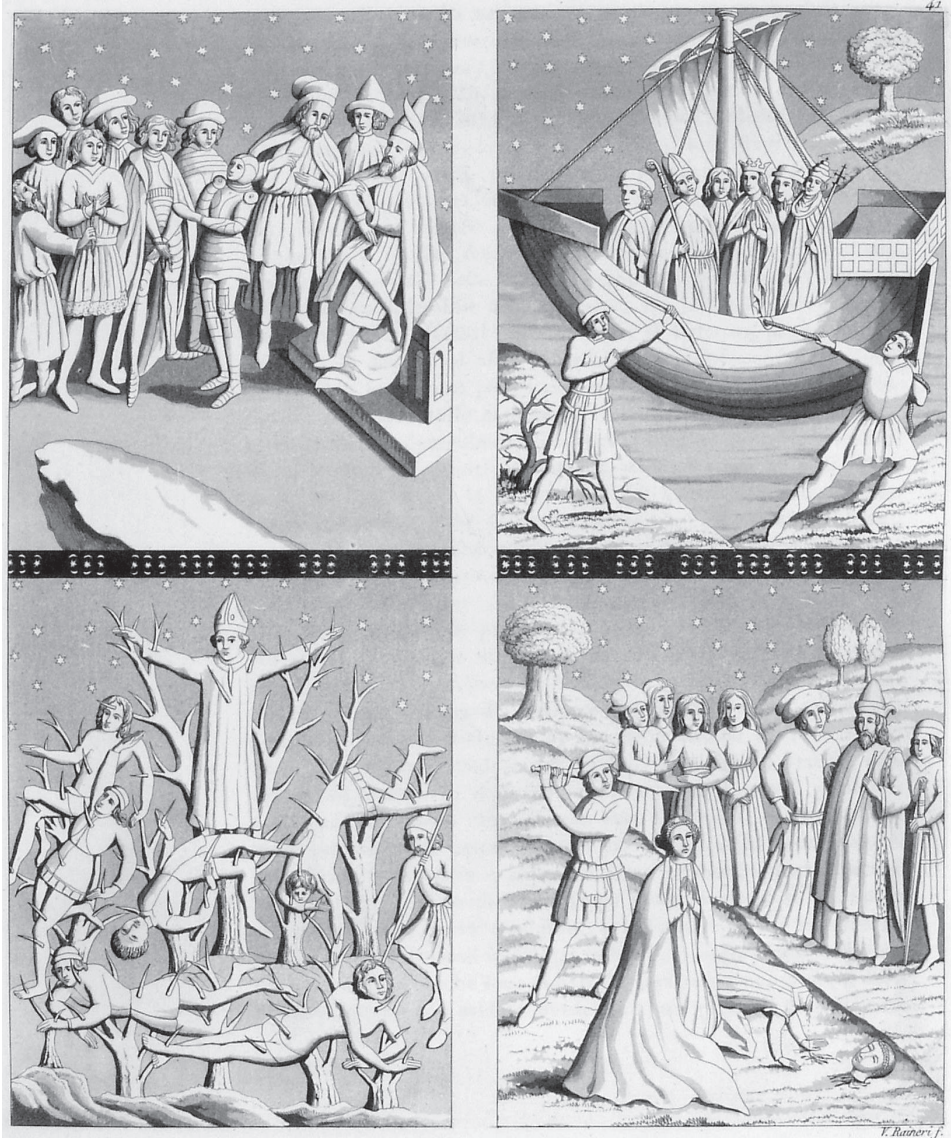

Рисунок запрестольных барельефов итальянского мастера Vittorio Raineri Carvings (1797–1869) из церкви в Старой Упсале (Швеция), со сценами из житий святых мучеников – просветителей Северной Европы. Рис. из книги: Thormodi Torfaei s.r.m. Daniae et Norvegiae & c. rerum Norvegicarum historiographi ... Historia rerum Norvegicarum in quatuor tomos divisa ... Hafniae, 1711. P. 264

странах»¹. Многочисленные археологические находки свидетельствуют об устойчивых международных контактах норвежцев по вопросам хри-

¹ Birkeli Fritjof. Tolv vintrer hadde kristendommen vært i Norge. Oslo. 1995. S. 123. (Перевод автора.)

стианской веры, начиная, как минимум, с VII века. Походы викингов, при всех ужасающих Европу последствиях, приводили к взаимопроникновению культур. Прежде всего это выражалось, конечно, в приобщении норманнов к культурным достояниям Византии и иных стран Европы и обогащении язычников христианскими духовными ценностями.

В конечном итоге к X веку цивилизация викингов, северное братство норвежских конунгов и русских князей окончательно склонилось в пользу веры европейских христиан.

В 936 году третий король Норвегии Хокон I Добрый, взойдя на трон, первым среди князей и конунгов принял Крещение. Однако по своей кончине в 961 году он был похоронен по языческому обряду.

Следующий опыт пришел из Руси: в 957 году в Константинополе приняла Крещение великая княгиня Киевская Ольга [*соответствие имени в древнескандинавском – Helga. – Е. М.*], которая, как известно, имела скандинавское происхождение («была от языка варяжска»)¹. Учтя опыт погребения Хокона, по смерти своей она «завещала не совершать по ней тризны, и поскольку всегда имела при себе священника, то тот и похоронил по-христиански блаженную Ольгу»².

Внук Ольги, князь Владимир, был скандинавских кровей, но из тех варягов, которые в полной мере уже впитали славянский дух и традиции. Здесь, в Киеве, у него в течение девяти лет пребывал его сородич Олаф Трюггвасон, будущий король Норвегии. Великий князь находился с Олафом в доверительных отношениях: «Вальдмар конунг сделал его начальником своего войска, которое он посылал на защиту страны»³. Олаф с детства прошел тяжелую жизненную школу – еще мальчиком он был продан в рабство и в течение шести лет ждал освобождения.

Думается, в тех совместных беседах два языческих конунга, практически одногодки, делились своими духовными переживаниями и наступающими разочарованиями в языческой вере. Безусловно, особую роль в этих размышлениях играл пример святой княгини Ольги, которая «взыскала спасения, и приjala бжше святое Крещение, и пожив добре пред Бо-

---

¹ «Нестор, повествуя о сожжении в бане древлянских послов и других «хитростях» Ольги, практически вторит исландским сагам, описывающим деяния одной древней норвежской королевы». Сенковский О.И. Собрание сочинений. СПб., 1858–1859. Т. V. С. 455.

² Повесть временных лет // ПЛДР. Подг. текста и коммент. О.В. Творогова, пер. Д.С. Лихачева. М., 1978. С. 433. (Далее – Повесть временных лет).

³ Сага об Олаве сыне Трюгви // *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. Пер. Стеблин-Каменского М.И. М., Наука, 1980. С. 110.

Крещение князя Владимира. Повесть временных лет, Радзивилловская летопись XV века

гом, всеми добрыми делы украсившись, и почила с миром о Христе Иисусе в вере благой»¹. Память о столь великой и мудрой родственнице призывала князей к важным переменам, к принятию главного в жизни решения.

И, надо сказать, они оба вскоре выполнили свой долг. Когда в 995 году Олаф Трюгтвасон после долгих походов вернулся на Родину королем Норвегии, он уже принял Крещение в Англии. После чего он энергично приступил к проповеди христианства в Норвегии, затем спустя пять лет крестил народ Исландии и Гренландии, но, к сожалению, вскоре был убит в морском сражении в 1000 году.

К этому времени в 988 году и его другу князю и «самодержцу вся Руския земля Володимеру, внуку же Иольжину (княгини Ольги) а правнуку Рюрикову»² Господь также даровал мудрости утвердить веру евангельскую на подвластной ему Киевской Руси.

Икона св. Олафа Норвежского.
Автор Д. Селиванов, 2010 г.

Но это пока были лишь первые шаги. В Норвегии мелкие властители земель, родовая знать, активно сопротивлялись объединению страны под властью единого христианского правителя. Тем не менее, в 1024 году норвежское вече («альтинг») под воздействием проповеди конунга Олафа II Харальдссона приняло решение всей страной перейти в христианство. Наверное, это единственный слу-

¹ Память и похвала князю русскому Володимеру. Цит. по: Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. II. М., 1995. Приложения. С. 525.

² Иаков-мних. Житие блаженного Володимира. Цит. по: Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. II. М., 1995. Приложения. С. 530.

Возможно, именно так выглядели «Варяжские божницы». На рис. деревянная церковь в Боргунне (Borgund Stavkyrkje), одна из самых древних (1150 г.) деревянных церквей Норвегии, сохранившихся до наших дней. Norges Historie af A. Bugge. Kristiania. 1916

чай в истории, когда происходило общественное, демократическое обсуждение вопроса принятия новой веры. Вскоре, в 1030 году, король Олаф погиб и был объявлен «святым равноапостольным».

С титулом «святой Креститель Руси» был прославлен и киевский князь Владимир, хотя, в отличие от св. Олафа, точного времени его канонизации установить не удалось. Возможно, это произошло вместе с его сыновьями, первыми святыми князьями Борисом и Глебом.

Прославление Олафа в лике святых состоялось в Норвегии 3 августа 1031 года¹. В России во имя святого Олафа вскоре были освящены храмы, как в Новгороде (где он жил несколько лет), так и в Старой Ладоге. В Новгороде церковь Святого Олафа («варяжская божница») просуществовала до XIV века.

§ 6. Скандинавия. Единство пути и трагедия Великой схизмы

Надо заметить, раскол христианской церкви 1054 года в течение достаточно длительного времени особо не отражался на отношениях на Европейском Севере между русскими христианами византийского обряда и скандинавами римо-католического.

В этой связи может быть показательной история преподобного Антония Римлянина (+1147), основателя Свято-Антониева монастыря

¹ Общецерковное прославление Олафа как покровителя Норвегии совершил в 1164 году Папа Римский Александр III.

Византийская икона Божией Матери XII века «Агиосоритисса», именуемая в народе «Lukasbild», из кафедрального собора баварского города Фрайзинга

в Великом Новгороде. Есть весомое предположение, что этот древний новгородский чудотворец был выходцем из бенедиктинского монастыря святого мученика Вонифатия и преподобного Алексия человека Божия, что в то время существовал на Авентинском холме в Риме¹. В этой обители, еще со времен иконоборческих гонений, вместе с монахами латинского обряда жили греки из Византии, подчиненные базилианскому (василианскому) уставу, авторство которого приписывается святителю Василию Великому². С активной миссионерской деятельностью этих монахов связывают столь быстрое распространение и широкое почитание на Руси преподобного Алексия человека Божия.

В этом же ряду свидетельств сохранявшегося на Руси духовного единства Восточной и Западной Церквей стоит почитание Богоматери Агиосоритиссы. Этот образ «Предстоящей» Божьей Матери оказался широко распространенным в Римской Церкви и при этом был чрезвычайно популярен в иконах Новгородской школы XI–XII веков. Сохранившимся отголоском этого почитания служит изображение Божьей Матери «Боголюбской», созданное на Русском Севере в XII веке по повелению князя Андрея Боголюбского.

Надо сказать, что на сегодня, помимо широко используемых изводов икон Божией Матери «Предстоящей» из Деисисного чина иконостасов, «подобные изображения Богоматери не получили распространения на Руси, но были весьма популярны в Риме»³.

Подтверждением всему сказанному служат также упоминаемые в то время в русских летописях многочисленные городские «варяжские»

¹ Ныне здесь сохранилась базилика, под престолом которой в мраморном саркофаге почивают мощи святых Вонифатия и Алексия.

² Об этом см.: *Hamilton B. The Monastery of S. Alessio and the Religious and Intellectual Renaissance in Tenth-Century Rome // Studies in Medieval and Renaissance History. Vol. II. Lincoln, Nebraska, 1969. P. 263–310.*

³ Например, знаменитая итальянская икона XI века *Madonna d'Ara Coeli* – Богоматерь Заступница (Агиосоритисса). Об этом см.: *Grassi L. La Madonna di Aracoeli e le tradizioni romane del suo tema iconografico // Rivista di archeologica cristiana. T. XVIII. Roma, 1941. P. 65–96.*

Освящение православной церкви св. Олафа
в Стикластаде в день 1000-летия его крещения.
16 октября 2014 г.

и иные «божницы». Известно, что «этим термином чаще всего определяли на Руси церкви западного, латинского обряда»¹. Эти церкви были широко распространены, являя собой обязательные духовные центры тех или иных торговых купеческих союзов. «В Новгороде и Ладоге немецкие гости имели свои патрональные церкви, бывшие средоточием их торговой союзности»². Такие же церкви имели и новгородские купцы, как, например, «церковь св. Пятницы, построенная в 1156 году, в пользу которой платились пошлины гостями, ведшими торговлю с Готландским берегом»³.

Такая ситуация сохранялась до XIII века, до монголо-татарского нашествия, когда религиозное противостояние резко обострилось по причине политических интриг Папского престола и начавшихся Крестовых походов на Русь. В результате к XIV веку, несмотря на то, что канонизация «христианского покровителя Норвегии» и последнего святого неразделенной Церкви произошла до Великого раскола, церкви святого Олафа, равно как и иные «варяжские божницы», исчезли из русских городов.

Следует добавить, что Церковь в Норвегии в организационном плане окончательно оформилась лишь в XII веке, когда король Сигурд I Крестоносец (1103–1130) добился создания четырех католических епархий в Тронхейме, Селье, Осло и Ставангере. Церковное управление епархиями осуществлялось через архиепископию в Гамбурге-Бремене. Самосто-

¹ Пуцко В. Антоний Римлянин в Новгороде. Журнал «София», №2, 2013. С. 11.

² О церкви и иконе «Пирогощи» // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1891. Кн. 5. С. 117.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1994. Т. 3. С. 47.

тельной Церкви Норвегии стала в 1152 году, когда Святым Престолом была учреждена своя диоцеза (епархия) – Тронхеймская архиепископия.

§ 7. Влияние древней Руси на духовность Скандинавии

Бесспорным является факт значительного влияния, которое оказали на Древнюю Русь народы Скандинавского полуострова. Однако столь же несомненным является благотворное взаимопроникновение и взаимообогащение культур и традиций наших северных народов.

Так, например, традиционные рубленые деревянные строения, характерные для Русского Севера, были позаимствованы из Руси и внедрены в культуру домостроительства таких скандинавских стран, как Норвегия и Швеция. На сегодня «в Норвегии стало аксиомой, что данная техника проникла туда из Руси в течение или в конце эпохи викингов. Самые ранние настоящие срубные дома в Норвегии и Швеции датируются 11 в. н.э., ... на Руси срубные дома известны уже с 8–9 вв. н. э.»¹. «На украшениях выкопанного в Христиании из голубой глины знаменитого “корабля викингов” – современника нашего Рюрика – можно видеть тех же петушков и елочки, которые до сих пор вышивают на своих полотенцах и крестьянки наших северных губерний»².

Именно из Руси пошло шествовать по Европе чисто славянское имя крестителя Руси князя Владимира. В дальнейшем авторитет его носителя стал усваиваться многими королями скандинавских стран, вместе с произношением на западный манер – Валдимар, Вольдемар.

Как известно, сын святого князя Владимира, знаменитый благоверный князь Ярослав Мудрый, был женат на Ингегерде (в крещении Ири-не), дочери первого короля Швеции Олафа Шётконунга. Именно Ирина впервые в нашей истории после смерти мужа постриглась в монахини с именем Анна, чем положила начало благочестивой традиции русских правителей по завершении государственного служения принимать монашеские обеты.

¹ Стальсберг А.А. Археологические свидетельства об отношениях между Норвегией и древней Русью в эпоху викингов: возможности и ограничения археологического изучения // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2001. С. 99.

² Мордвинов А.А. О присутствии Великого Князя Михаила Александровича на коронации Хокон VII в Тронхейме в июне 1906 года. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II: в 2 т. М., «Кучково поле», 2014. Т. 1. С. 65.

Св. княгиня Анна Новгородская – Ингерда
(в крещении Ирина, в иночестве Анна),
дочь короля Швеции

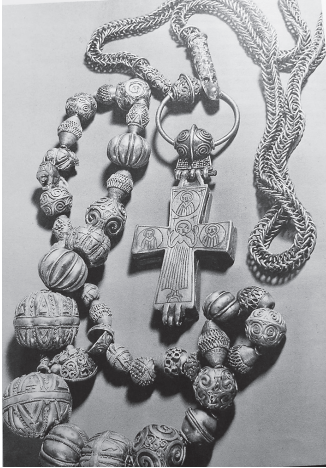

Подвеска русского происхождения в виде серебряной иконы Божьей Матери «Оранта» (XI век).
Обнаружена в могильнике бывшего финского поселения Кекомьяки (Выборгский район)

Свидетельством активного влияния русской духовности на скандинавские страны служат многочисленные археологические находки XI–XII веков. В этом смысле наиболее богато русская православная культура представлена «вдоль восточного побережья Швеции и в городе Сигтуна близ озера Малар, где обнаружено значительное число русских нательных крестов из драгоценных металлов и бронзы, а также переносных реликвариев. В шведских христианских захоронениях были найдены покрытые глазурью керамические яйца, изготовленные на Руси. На острове Готланд найдено рельефное изображение Божией Матери с начертанием на греческом языке. Были также обнаружены оловянные лжицы, вероятно, имевшие литургическое назначение».¹

Также большой интерес представляют сохранившиеся материальные свидетельства русского духовного влияния на шведском острове Готланд, относящиеся к началу II тысячелетия. В главном городе острова – Визбю – и сейчас можно увидеть руины двух крестово-купольных церквей с мест-

¹ Phillips Andrew, Fr. Английское и русское влияние на христианизацию Швеции / Пер. Дмитрия Лапы. Сайт «Православие.ru». <http://www.pravoslavie.ru/62439.html>.

Серебряные четки и крест на цепочке готландского происхождения из клада XI века, обнаруженного в коммуне Халикко (близ г. Сало)

ными названиями «Ryska kyrkan» и «St. Lars» («Русская церковь» и «церковь Св. Лаврентия»), датируемые XI веком. Также и две улицы в городе имеют русские названия: Novgorodgränd и Ryskgränd – Новгородская и Русская, соответственно.

«В готландской церкви прихода Гарда, как известно, частично сохранились росписи, датируемые второй половиной XII в. и связываемые своим происхождением с творчеством новгородских мастеров; фрагменты подобных фресок выявлены также в ином храме»¹.

Речь идет о небольших церквях местечек Гарда и Чельег, что в центре острова, где сохранились новгородские фрески XII–XIII веков.

«Фрески новгородской церкви св. Георгия [освящена в 1153 г. архиепископом Нифонтом. – Е. М.], датируемые концом XII в., послужили образцом для оформления двух купеческих церквей на Готланде (церкви расположены в Гарде и Каллунге)»². В церкви Гарды изображение двух святых идентифицируется с благоверными князьями страстотерпцами Борисом и Глебом.

Если говорить о христианском влиянии Руси на народы Финского побережья Балтийского моря в начале II тысячелетия, то оно практически не установлено³. Можно отметить лишь некие языковые заимствования. Так, например, Библия на финском – «Raamattu», что явно соотносится с древнерусской «грамотой». Древнерусские «крест» и «поп» (священник) явно прослеживаются в финских «risti» и «pappi».

¹ Гордиенко Э.А. Новгород и Готланд. Церкви Каллунги и Гарды в системе русской, византийской и западноевропейской монументальной живописи // Византийский временник. Т. 62 (87). М., 2003. С. 153.

² Пирью Юино. Об истории Старой Ладоги // Акка Археологика, 1989. Т. 59. С. 209.

³ Korpela Jukka. The World of Ladoga. Society, Trade, Transformation and State Building in the Eastern Fennoscandian Boreal Forest Zone (1000–1555). Berlin, «Lit Verlag», 2008. 400 S.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРАВОСЛАВИЕ НА ПОДСТУПАХ К КОЛЬСКОМУ СЕВЕРУ

§ 1. Христианизация Руси. «Княжеская вера»

Как известно, князь Владимир, восприняв византийскую модель церковного устройства, усвоил и примат светской власти над духовной. Еще с VI века, с известных кодекса и новелл византийского императора Юстиниана, глава светской власти фактически являлся и главой Церкви. Княжеская власть получила в христианстве надежную опору, как духовную, так и политическую. Государство обрело единый духовный стержень, столь необходимый для формирования общерусского самосознания – важнейшего элемента единства древнерусской народности. Необходимость сосредоточения власти в руках единого Государя становилась земным воплощением монархии небесной. Именно потому наиболее мудрые и государственно мыслящие правители Руси оказывались и самыми активными проповедниками христианства, утверждая его и силой убеждения, и силой власти.

Святой Владимир, решительно уничтожив идольские капища, «избився идолы: Перуна, Хорса, Дажь-бога, Мокошь и прочая кумиры, и созвав все множество людей и заповеда им креститься», по сути поставил киевлянам ультиматум: «Аще не обрящется кто на реце оутро, да будет противень мне»¹.

Такая российская специфика христианского просвещения страны привела к тому, что христианство на Руси долгое время воспринималось как «вера княжеская», не народная, и потому утверждалось медленно и с недоверием.

«Через полвека после Владимира Святого даже большие города, вроде Ростова и Мурoma, оставались в основном языческими»². Что же каса-

---

¹ Чтения в Императорском Обществе истории древностей российских при Московском Университете. М., 1846. № 2. Отд. 1. С. 8.

² Богданов А.П. Александр Невский. М., Вече, 2009. С. 136.

Идолы Скандинавии – карманные божки. Бог-громовик Тор

лось малых русских деревень, то язычество там было еще полновластным духовным хозяином. Особенность русской языческой веры состояла в ее «домашности», в полном соединении с семейным укладом, глубоким проникновении в быт и народное мировоззрение. Это было еще несозревшее язычество, не перешедшее вполне в свои общественно-государственные формы с храмами, жрецами и прочими атрибутами официального культа. Потому и борьба с ним, усилия по его искоренению были крайне затруднительны.

Понятно, что самодержавному христианскому властителю, пожелавшему привести страну к христианству, ликвидировать институт жрецов и разрушить здания храмов достаточно просто. Что же касается внутренней, духовной жизни народа – то тут все много сложнее: «Трудно было бороться с тайным служением божествам, скрываемым, домашним»¹. «Можно было наперед сказать, что все Свароги, Перуны, Даждьбоги будут довольно быстро забыты при новых верованиях, в то же время низшие собирательные силы природы, духи домов, лесов и вод, эти домовые, водяные, лешие, русалки и прочие – надолго останутся в народных поверьях, и новая Вера не скоро сумеет одолеть эти пережитки»².

Киевский митрополит Иларион (Русин) (+1055) в своем «Слове о законе и благодати» писал в середине XI века, что христиане на Руси – все еще «малое стадо Христово».

Потому когда в 1071 году в Новгороде объявился волхв, выдающий себя за бога и хуливший веру христианскую, ситуация сложилась тревожная. Новгородский епископ Феодор, облачившись в святительские одежды, смело вышел на площадь и, держа крест в руках, обратился к народу: «Кто принимает веру волхва, пусть идет за ним. Кто истинно верует – пусть ко кресту идет!» Практически все жители перешли к волхву. Рядом с епископом оказались лишь князь Глеб Ярославич со своей дружиной. И лишь решительные действия князя, тут же казнившего волхва, предотвратили дальнейшее распространение язычества.

¹ Соловьев С.Н. Очерк нравов, обычаев и религии славян // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Изд. Калачева Н.В. М., 1850. Кн. 1. С. 54.

² О борьбе христианства с язычеством в России // Православный собеседник. Казань, 1865. Т. 2. С. 224.

вратили бунт и расправу над святителем. В 1078 году в Новгороде вновь появились волхвы, призывавшие народ к почитанию старых богов, и, по словам летописи, князь Глеб также казнил главного из них, после чего возмущенные новгородцы изгнали князя. «Изгнанный Глеб был убит далеко на Севере, в стране Чуди Заволоцкой»¹.

С таким же трудом принималось христианство в Пскове, Ростове и других землях. Так, в Ростове в XI веке погиб святой епископ Леонтий Ростовский, в курской земле в XII веке был убит святой Кукша, насельник Киево-Печерского монастыря. В сельских, лесных районах язычество еще долго сохраняло свои позиции.

Даже спустя сто пятьдесят лет «институт» волхвов и чародеев на Руси был чрезвычайно востребован в народе, а потому и удивительно многочислен, хотя вера христианская очевидным образом уже набрала силу в народе. Так, в 1227 году, в том же Новгороде, явились четыре волхва с «ведунами и потворницами, и многие волхования, и потворы [*чародейства*. – Е. М.], и знамения творили». То есть слуги князя бесовского пришли с пригорода в княжеский и архиепископский город вполне уверенные в своих силах, что и подкрепляли разными бесовскими чудесами. Однако к тому времени в Новгороде отношение к колдунам уже принципиально изменилось, о чем свидетельствует летопись: «Новгородцы же поймали их и привели волхвов на двор мужей князя Ярослава, и связали волхвов всех, и бросили в огонь, и тут они все сгорели». Дословно: «Изжгоша волхвов четыре на Ярославле дворе»².

Тем не менее, старые верования в народе российском, по сути, так и не были изжиты никогда. Даже цари российские, истовые хранители и искренние блюстители православия, вовсе не забывали «духа Древней Руси», в полной мере соблюдая народные присловия: «Бога зови, а черта не гневи!» и «Богу угождай, а черту не перечь!»

О рудиментах языческого сознания в христианском быте Руси свидетельствует и великий русский литературный памятник конца XII века «Слово о полку Игореве». Автор «Слова» активно апеллирует к персонажам славянского языческого пантеона. Боян называется внуком бога Велеса, князья русские – «Дажь-Божа внуки», а ветры – порождение Стрибога. Также упоминается и прочая нечисть: «Кличет Див с верши-

---

¹ Соловьев С.Н. Отношение Новгорода к Великим князьям // ЧОИДР. М., 1846. № 1. С. 108.

² Летописный сборник, именуемый патриаршею, или Никоновскою, летописью // ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10.

ны древа». Но при этом «Сам Господь из половецких стран князю путь указывает к дому», и, возвращаясь, Игорь Святославич «держит путь к Пирогощей Богородице Святой...»¹. Произошло некое слияние, приспособление старого, дохристианского восприятия сакрального мира с новым христианским учением, чему есть многочисленные свидетельства и в более поздние времена.

Это духовное «сожительство» не могло не беспокоить церковные и государственные власти. Так, в середине XVI века Стоглавый собор в своих постановлениях с тревогой отмечал: «По погостам, по селам и по волостям ходят аживые пророки мужики, жонки и девки, наги, босы и волосы отравив, трясутся и убиваются, сказывают о неких явлениях, заповедают в среду и пятницу не трудиться, платья не мыти, а порой и богомерзкие дела творити. Кроме сих пустосвятов, волхвы и чародейники бесовским научением пособие людям творят, кудесы бьют, во Аристотелевы врата² и Рафли [*гадание бросанием трех костей с зачитыванием выпавшего пророчества на псевдо-библейскую тему. – Е. М.*] глядят и по звездам и планетам гадают, и сим дьявольским действием мир прельщают и от Бога отлучают»³.

Традиции языческой духовности, укоренившиеся в течение многих тысячелетий, продолжали сосуществовать рядом с христианской верой во многом потому, что на Руси почти не предпринимали жестких, радикальных мер, как было принято в Западном христианстве. В российском духовном менталитете всегда отдавалось предпочтение воздействию примером лучшего, оставляя свободу выбора, проявляя сочувствие и милосердие. Примеры крещения «огнем и мечом», столь обыденные для Запада, на Руси представляли собой скорее исключение.

Потому не удивительно, что, по воспоминаниям путешественника из Страсбурга Иоанна Давида Вундерера, в Пскове даже в 1590 году «перед городом стояли два идола, которые были поставлены жрецами в давние времена и донныне составляют предмет обожания для жителей Пскова. Каменный идол по имени Услад [*славянский бог наслаждений. – Е. М.*] име-

¹ Церковь Успения Богородицы Пирогощи – древнейший каменный храм, сооруженный в Киеве в 1132–1136 годах князьями Мстиславом и Ярополком.

² Или «Тайная тайных», древнерусский вариант книги, в средневековой Европе известной как «Secretum Secretorum» (арабский оригинал VIII–IX вв.) и представляющей собой житейские наставления (от политики до алхимии), будто бы преподанные Аристотелем его ученику Александру Македонскому.

³ О недостатках русского народа по изображению Стоглава // Православный собеседник. Казань, 1865. Ч. 2. С. 143–144.

ет в руке нечто, напоминающее крест, и Корса [*Корс, Хорш – бог пиршеств. – Е.М.*], который стоит на змее, в руке имеет меч, а в другой огненную стрелу»¹.

Эту информацию подтверждают и данные современной археологии². «На всем северо-западе Руси сохранялись языческие погребальные обряды. Их внешние атрибуты – курганы и жальники – начали исчезать лишь в XIV веке»³.

Так, например, на Кольском Севере в середине XVI века сохранялась устойчивая традиция приносить языческие жертвы христианским святым, о чем в своих дневниках сообщает английский путешественник Вильям Борро: «Мыс Святой Нос (Suati noze). У окончности его течение такое сильное, что, следуя мимо на своих лодках, русские часто бывают в опасности утонуть, вследствие чего, проплывая мимо, они подносят Св. Николаю (которого они называют дающим удачу на морях) хлеб и иную пищу»⁴. Антоний Дженкинсон в 1557 году пишет: «У этого мыса лежит большой камень (a great stone), которому проходящие лады (barkes) обыкновенно приносят в жертву масло, муку и другие припасы, полагая, что в случае отказа в этом приношении лады и другие суда должны погибнуть, что, надо сказать, часто и случалось»⁵.

Тем не менее, Божья благодать евангельской проповеди постепенно одолевала морок бесовских богов, прельщение языческой веры. Святитель Кирилл, епископ Туровский, в XII веке вдохновенно писал о происходящих духовных переменах своему современнику князю Андрею Боголюбскому: «Ныне зима греховная престала есть и лед неверия богоразумием растаял; зима языческого кумирслужения апостольским учением и христовою верою престала есть ... Днесь весна красуется, оживляя земное естество; бурные ветры тихо повевают, плоды гобзуют [*изобилуют. – Е. М.*], и земля семена питающая зеленую траву рождает»⁶.

¹ Wunderers J.D. Reisen nach Dännemarck, Russland und Schweden (1589–1590). Frankfurtischen Archiv. Frankfurt, a. M. 1812, Th. II, S. 203. Цит. по: *Аделунг*. Древнейшие путешествия иностранцев по России. С. 274.

² Кирпичников А.Н. Языческое святилище у Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1988. С. 18–19.

³ Седов В.В. Распространение христианства в Древней Руси (по археологическим материалам) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1988. С. 126.

⁴ Вальдман. Кольский полуостров на картах XVI в. С. 100.

⁵ Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884. С. 105.

⁶ Калайдович К.Ф. Памятники российской словесности XII века. М., изд. «Типография Семена Селивановского», 1821. С. 21.

§ 2. Киевская Русь и ее Северная доминанта. Формирование новой цивилизации

Древнерусское государство, или Киевская Русь (IX–XIII века), в северных европейских источниках (в шведских, норвежских и исландских, включая рунические надписи, скальды и саги) упоминалось как *Garðar*, *Garðariki*¹. В период наивысшего расцвета границы Киевской Руси на Севере простирались до верховьев Северной Двины и берегов Белого моря. При этом границы территорий, на которых жители Крайнего Севера, будучи приведенными в подданство Руси, платили дань, были много обширнее.

В начале XII века «Повесть временных лет» среди «народов, дающих дань Руси» упоминает и «живущих в северных странах». Этот список позволяет проследить порядок расселения народов «северных стран»: «заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра». Таким образом, прослеживается место нахождения этих народов. «Пермь» по состоянию на начало XII века находилась где-то между «заволочской чудью» (бассейн Северной Двины и побережья Белого моря) и народом «печера» (нынешняя территория Ямало-Ненецкого округа).

Что касается непосредственно территорий нынешнего Кольского Севера, то во времена зарождения Киевской Руси, по свидетельству путешественника Оттара (об этом в Разделе V, § 8), все побережье на Крайнем Севере Европы населяли терфинны (лопары), а несколько южнее, начиная от реки Варзуги и далее по Терскому и Кандалакшскому берегам Белого моря, селились так называемые биармийцы.

Скандинавское название жителей страны Биармии идентифицируется с вепсами, или с весью («народ вису»). «Русские соседи называли вепсов (весь) также чудью»². Именно таким словом в лопарских сказках именуется соседний жестокий народ, притеснитель лопарей, который в настоящее время часто воспринимается как «собирательное древнерусское название финно-угорских племен и народов». В то же время следует подчеркнуть, что в конце I – начале II тысячелетий по Р. Х. название «чудь» имело совершенно конкретную и многочисленную народность.

¹ *Garðariki* – букв. «Страна городов», более точно «городищ». Впервые встречается в весе Хальфреда Трудного скальда (996 год). Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2009. Т. I. С. 464. (Висы – это восьмистрочные стихи-заклинания «на удачу» или «во здравие»).

² Пименов В.В., Строгальщикова З.И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 7.

То, что среди народов, «живущих в северных странах» и платящих дань Руси, не упомянута «лопь» (лопари), указывает на то, что сбор дани с этих аборигенов был отдан соседнему народу, именовавшемуся вепсами (в славянской традиции) или биармийцами (в скандинавской).

Народ «весь» во времена образования Руси и далее в Киевский период ее государственности был одной из ведущих политических сил Севера Европы и обширным этносом. Согласно «Повести временных лет», в 862 году, когда произошло историческое «призвание варягов на Русь», на славянские земли, первичными инициаторами этого деяния были «чудь, словене, кривичи и весь».

Спустя двадцать лет, в 882 году, когда родич Рюрика князь Олег пошел основывать Киев как столицу Древнерусского государства, в этот поход он, опять же, взял с собою «много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей». То есть в узловых событиях зарождения российской государственности народ вепсы (весь) занимал в те времена одно из ведущих мест. «В исторических источниках вепсы известны и как чудь, и как весь»¹.

Как известно, в результате того похода «сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: “Да будет это мать городам русским”. И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозваншиися русью».

Создавалось новое государство руссов, и народы, влившись в эту общность, неминуемо активно воспринимали новые жизненные установки этого образования. При этом, конечно же, многое воспринималось от сурового северного духа Скандинавии в образе их мыслей, нравах и даже занятиях.

Вспомним, как немедленно по завоевании Киева Дир и Аскольд предприняли на своих лодях морской набег на Константинополь, по еще незнакомому им водному пути. Очевидно, что варяги, пришедшие с Рюриком, по ремеслу своему были мореплавателями и принадлежали к сословию *Scekonungar*, или морских князей (конунгов). В это время, как замечают историки, «славянские представления о море не имели законченного вида»². Данные, полученные при реконструкции лексики изначального, «общеславянского языка», говорят о том, что праславяне не имели непосредственного контакта с морем. В праславянском языке

---

¹ Муллонен И.И. Территория расселения и этнонимы вепсов // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 346.

² История религий в России. Учебник. РАГС. М., 2004. С. 15.

«У Торольва был большой корабль, который был пригоден для морских плаваний, корабль был построен как нельзя лучше, сильно раскрашен до ватерлинии, в придачу к этому имел паруса в синюю и красную полоску, [и] вся оснастка корабля была тщательно подобрана» (Egils-saga, 1809. S. 71)

отсутствует терминология, связанная с мореплаванием, кораблестроением, морским рыболовством и морской торговлей.

Поэтому именно грозное сословие воителей-мореплавателей, оказавшееся переброшенным с суровых берегов северных морей во внутренние районы земледельческих славянских и финских племен, весьма серьезно потрясло и преобразовало прежние устои жизни обитавших здесь народов. Именно от них пришли в славянскую фольклорную среду морские образы: «колдовское лукоморье», «остров Буян», «рыбакит» и т. п.

Жители северных городов, знаменитые новгородские ушкуйники,¹ повольники, холопы-сбои в полной мере восприняли этот дух лихих морских походов, что составлял суть жизненных устремлений летописных варягов-Русь. Увы, равным образом унаследовали они и варяжско-норманнские методы взаимоотношений с соседними народами. При этом надо прямо сказать, что абсолютно неуместен тот героико-романтический ореол, которым окружала эту преступную деятельность ушкуйников советская историческая наука. Летописи XIV века сохранили многочисленные свидетельства жестоких разорений не только «нечестивых бессермен», но и соседних российских городов и сел этими бандитскими отрядами: «Приидоша новгородцы разбойницы, и бысть их двести ушкуев [судов] и в Новгороде множество гостей сущих татарских избиша, также и новгородских, и жены и дети их избиша», «40 ушкуйников по-

¹ Ушкуй – используемое на Руси парусно-гребное судно XI–XV вв. Изготавливались ушкуй в двух вариантах: для сплава по реке и для моря. Длина судна – 12-14 метров, ширина 2,5 метра. Вместимость до 30 человек. В морском варианте использовался косой парус.

Новгородские ушкуйники, будучи христианами в полной мере, следовали кровавым методам язычников-викингов и занимались открытым грабежом и насилием

идоша вверх по Волге много зла сотвориша, и пограбиша Вятку, и дошедше Обухова, и много сел по Ветлуге идуще пограбиша»¹.

Тем не менее, и этот столь неблагоприятный повод морских походов закладывал крепкие традиции мужества, накапливал опыт многих поколений россиян, формируя их как прирожденных мореплавателей. И когда пришло время осваивать суровые дальние берега Европы, то здесь, среди скал Северного Ледовитого океана, сформировалось то удивительное братство мореплавателей-поморов, для которых ежедневная смертельная опасность стала восприниматься как норма жизни. Здесь, на северных берегах Святой Руси, появилась особая генерация православных христиан, которые хорошо усвоили новый метод стяжания чистой и искренней молитвы, когда в полной мере полагаешься на волю Божию, ясно при этом понимая, что «человеку на море – страшно, ибо он пред морем, как пред Самим Господом». Но именно так закладывалось будущее России как великой морской державы.

¹ Шпилевский С.М. Древние города в Казанской губернии. Казань, Казанская типография. 1877. С. 171.

Варяги-Русь привезли с собою на новые земли свои нравы, обычаи, понятия и принципы правления. Надо полагать, имело место и взаимопроникновение религиозных понятий с их новыми объектами верований. Есть предположение, что само слово «волхв» происходит от слов «волфв», или «олфв», названия части священной касты жрецов Норвегии, «производившей род свой от богов – алфвов, или олфвов (alfve)»¹.

При этом одновременно, вне всяких сомнений, изменялись и сами переселенцы, впитывая дух и традиции этих благодатных мест. Необходимо признать, что уровень социального, культурного и экономического развития народов, на земли которых были приглашены норманнские князья со своими дружинами, был много выше, нежели у пришельцев. «Славяне, имевшие два великие торговые города, Новгород и Киев, известные уже в Азии своим богатством, находились, без сомнения, на гораздо высшей степени гражданской образованности, чем хищные воины Скандинавии, которые не знали другой торговли, кроме продажи награбленной добычи, ни другой промышленности, кроме непрерывной войны как в сей жизни, так и в будущей»².

Это был очень важный процесс взаимного обогащения культур и восприятия лучшего, что имели все те народы, смешение которых дало уникальную цивилизацию Русского мира.

Суровые и мужественные скандинавские традиции хорошо известны в мировой истории. Вспомним, например, вызывающий уважение обычай «отдавать своих детей на воспитание в чужую семью. Богатые, в том числе и конунги, приискивали для своих детей более бедных воспитателей, чтобы дети росли в скромной обстановке и привыкали к суровым условиям жизни»³. Или пример очевидного благородства законов воинского поединка, когда перед схваткой викинги договаривались, как надлежит уравнивать силы обеих сторон. Так, например, в известном исландском эпосе «Сага об Орваре-Одде» герой Гяльмар при встрече с противником Оддом имеет пятнадцать кораблей, тогда как у Одда их всего пять. Гяльмар обещает вступить в схватку только на пяти кораблях.

Очень скоро народ Руси оживился воинственным духом героев Скандинавии, принял для себя установки суровой мужественности, форми-

¹ Сенковский О.И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения. СПб., 1834. №1, Ч. III. С. 2.

² Там же. С. 4.

³ Weinhold K. Altnordisches Leben. Berlin, 1856. P. 285. (Пер. К.Ф. Тиандера).

руя новые принципы властных отношений. Овладевая воинским искусством, Русь ощутила в себе готовность не только решительно противостоять внешним вторжениям, но и активно расширять державные пределы своей страны. Именно с этого времени Россия определила свои жизненные приоритеты, что в дальнейшем позволило историкам сформулировать основополагающий тезис – «История России есть преимущественно история страны, которая колонизируется»¹.

Конечно же, славянская и финно-угорская кровь Руси в какой-то мере нейтрализовала эту сверхвоинственную составляющую духовного устройства викингов, для которых даже посмертный рай есть место, где избранные счастливы будут вечно сражаться друг с другом и у ворот которого стоит небесный волк, питающийся жизнями трусов. Но, тем не менее, мужественная готовность к борьбе, выносливость и удивительная способность претерпевать лишения и невзгоды стали неотъемлемой частью русского характера, что впоследствии не раз вызывало удивление представителей западного мира: «Я думаю, что нет под солнцем людей столь привычных к суровой жизни, как русские: никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более, чем на ярд. Такая их жизнь в поле не столь удивительна, как их выносливость, ибо каждый должен добыть и нести провизию для себя и для своего коня на месяц или на два, что достойно удивления. Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду... Я спрашиваю вас, много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы только месяц. Я не знаю страны поблизости от нас, которая могла бы похвалиться такими людьми»².

Этот удивительно жизнеспособный потенциал русского народа дал весомый плод: «Российская Держава за 400 лет, неутомимым попечением Государей своих, увеличилась более нежели в 18 крат, не потеряв уступкою или сдачею ни одной важной части своей, которою впоследствии не возвратила бы»³.

---

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1987. Т. 1. С. 50.

² Ченслер Р. Книга о Великом и могущественном Царе России и Князе Московском // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937. С. 60.

³ О постепенном увеличении Российского Государства // Северный архив. Типография Н. Греча. СПб., 1822. Ч. 2. С. 123.

§ 3. Киевская Русь и христианизация народов

К середине XII века древнерусское государство – Киевская Русь – испытало действие сильнейших центробежных процессов и фактически распалось на ряд отдельных русских княжеств, управляемых князьями, потомками Рюрика. Окончательно утратив то не слишком большое централизующее политическое значение, Киев, тем не менее, вплоть до монгольского нашествия 1237 года продолжал формально считаться «главным столом Руси».

Креститель Руси князь Владимир, разделяя страну на уделы и наделяя ими своих детей, по замечанию некоторых летописей, осуществлял деяние, которое стало «мерою христианского благоразумия». Было очевидно, что так «удобнее наблюдать за ходом евангельской проповеди в своих небольших уделах, сильнее действовать на язычников собственным примером и кроме ревности по вере стараться о просвещении ею своих подданных»¹.

Также и северные города Руси были вручены под управление сыновьям святого Владимира. Новгород достался Вышеславу – правда, ненадолго. В 995 году, как о том свидетельствуют скандинавские саги, вдова конунга Швеции Эйрика VI Победоносного язычница Сигрид Гордая подтвердила свое прозвище и отвергла сватовство Вышеслава, «конунга из Гардарики по имени Виссавальд», – она сожгла его самого вместе со свитой в бане. В результате Новгород отошел к молодому князю Ярославу (Ярицлейфу), прозванному впоследствии Мудрым.

Град Ростов сперва был пожалован князю Ярославу, затем отошел к святому князю Борису, где он и княжил до своей мученической кончины, случившейся около 1115 года. Непременным условием дарования права княжения, которое князь Владимир выдвигал своим сыновьям, была забота об искоренении язычества и утверждении христианства в своих уделах и городах: «Посла с ними и священники, заповедавая сыном своим, да каждо по области своей повелевает учить и крестить людей, и церкви ставити; еже и бысть»².

Северное, Новгородское направление всегда было в центре внимания молодой российской власти, начиная от князя Владимира и далее всех его приемников: «церкви воздвигоша, и пресвитеры поставиша по всем

¹ Макарий (Булгаков). История русской церкви. 1883. Т.1. С. 20.

² Полное собрание русских летописей // Густынская летопись. СПб., 2003. Т. 40. С. 228.

Олаф Трюггвасон предлагает брак
Сигрид Гордой. Рис. Snorre
Sturlason из книги: Heimskringla,
J.M. Stenersen & Co, 1899

градам и селам Новгородского предела»¹. Его сын Ярослав в 1130 году, посетив Новгород, «сам завел там большое училище, в котором обучались триста детей старост и священников»².

Предпринимались усилия и по просвещению значительно более удаленных на север от Новгорода языческих народов: «и заволоческую чужь крестиша, понеже Новгородского предела она бяху. Но многие от них, ослепленные идольскую прелестью, от святого крещения избегоша»³.

С момента своего формирования государство Русь на Севере в основном было занято решением военно-политических задач по выстраиванию отношений с окружающими ее многочисленными финно-угорскими племенами. Однако вскоре, с XII века, иные силы вышли на первый план на стратегическом северном направлении. Разделение христианства, взаимные анафемы Рима и Византии раскололи некогда единую средневековую общность северных князей и конунгов.

Скандинавия, оказавшаяся в сфере церковного влияния Рима, в полной мере включилась в разрешение богословских споров силой оружия и путем военных походов против «схизматиков». «Помимо обычных побуждений военной предприимчивости и жажды добычи, характерных для того времени, появился еще и стимул высшего порядка – желание просветить земли Финляндии христианской верой»⁴. Эта проблема противостояния шведской агрессии особо обострилась уже после падения Киева в условиях ордынского ига, когда походы скандинавов оформились в Крестовые походы.

Тем не менее, Киевская Русь задала очень важный духовный импульс последующему развитию российской государственности. «В течение недолгого своего существования Киев успел выработать идею национальной княжеской власти, положив основания своеобразной и устойчивой

¹ Титов А.А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 2.

² Ордин К. Покорение Финляндии. СПб., 1889. Т. 1. С. 14. (Далее: Ордин К. Покорение Финляндии).

³ Титов А.А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 3.

⁴ Ордин К. Покорение Финляндии. С. 11.

культуре, приобщить все русские племена к христианству и создать национальную Церковь»¹. С приходом татар эти успехи приостановились, началось перемещение на Север как населения, так и руководящих центров Руси. «Отход населения с Волги на север начал собою первые этапы Суздальской и Московской колонизации Заволочья и Поморья»².

Произошедшее в дальнейшем восприятие цивилизационного кода Киевской Руси на необъятных просторах Европейского Севера, ставшее возможным через экспансию Великого Новгорода, завершилось в XV веке созданием единого могущественного государства под державной властью московских князей. Таким образом формировалась великая Российская Империя – Русский мир.

§ 4. Новгород Великий и Крайний Север. Зарождение Новгородской Руси

Очевидные преимущества территориального местоположения Новгорода весьма способствовали северной направленности устремлений Новгородского княжества, что, собственно, в дальнейшем явилось одной из причин его политического и экономического взлета.

Великий Новгород (Хольмгард) – один из древнейших и знаменитых средневековых городов на севере Руси. Он впервые упоминается в Никоновской летописи в 859 году³ и известен как место призвания летописно-го Рюрика (862 г.) и зарождения российской государственности.

Археология позволяет отнести начало Новгородского могущества ко временам еще более давним. Об этом свидетельствуют найденные в XIX веке многочисленные клады новгородцев, «капиталы древних жителей – целые сосуды, наполненные монетами арабских халифов и бухарских саманидов чеканки VII и VIII столетий. Обилие их доказывает, что собраны они в течение тех же столетий, поскольку азиатские государи всегда старались уничтожать монеты своих предшественников»⁴.

В первое время своего существования Новгород по сравнению с южными русскими княжествами не представлял собой привлекательного

¹ Платонов С.Ф. Прошлое Русского Севера. Берлин, 1924. С. 30.

² Там же. С. 32.

³ Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода // История СССР. М.–Л., 1971. № 2. С. 32; ПСРА, Т. IX. СПб., 1862. С. 8.

⁴ Сенковский О.И. Собрание сочинений. СПб., 1858–1859. Т. V. С. 448. Прим.

и достойного места княжения. Так, например, в IX веке князь Владимир, будучи сыном князя Святослава и рабыни Малуши (ключницы княгини Ольги), имел весьма слабые шансы на княжескую власть. Тем не менее, малолетний бастард¹ все же получил свое княжение, правда, в далеком Новгороде, куда никто из «законных» сыновей Святослава ехать не хотел. Малая привлекательность новгородского княжения была обусловлена как его отдаленностью от цветущих земель юга, так и обостренной «независимостью» новгородского купечества, которая жестко ограничивала власть и привилегии призываемого князя.

Именно со времен правления князя Владимира, с IX века, появляются известные нам тексты рунических грамот – первые договоры о владениях «короля Норвегии и государя Руссов» (Kunuggr af Norrik et Ruska Kuningr). В этих документах земли Великой Лапландии, Финнмарка (в норвежском понимании) или Колапермь (в русском), назывались «пустынные Мархия» (outha Merkum). Слово же «Марх» значит *предел, граница* (Гарткнох, стр. 81)»². Впоследствии это понятие оформилось в слово «маркен», «марк» и использовалось в названиях земель: Финнмарк, Лаппмарк. Но еще в конце XVIII века можно было заставить отголоски и прочитать в названии исследования: «Новые и достоверные известия о лапландцах в Финмархии»³.

С началом процесса крещения Руси князь Владимир не забыл свою первую вотчину. Великий Новгород «уже с конца X века имел своих епископов»⁴. В 1030 году именно в Новгороде был облечен святительским саном первый природный русский архиерей Лука (Жидята). Монашеская жизнь особо активно процветала в орбите Новгородского княжества. На рубеже X–XI веков уже появляется знаменитый Десятинный монастырь, а к середине XII века в Новгородской епархии действует уже два десятка монастырей. Житие преподобного Авраамия Ростовского приводит его свидетельство: «Обошед и соглядав места довольно, при-

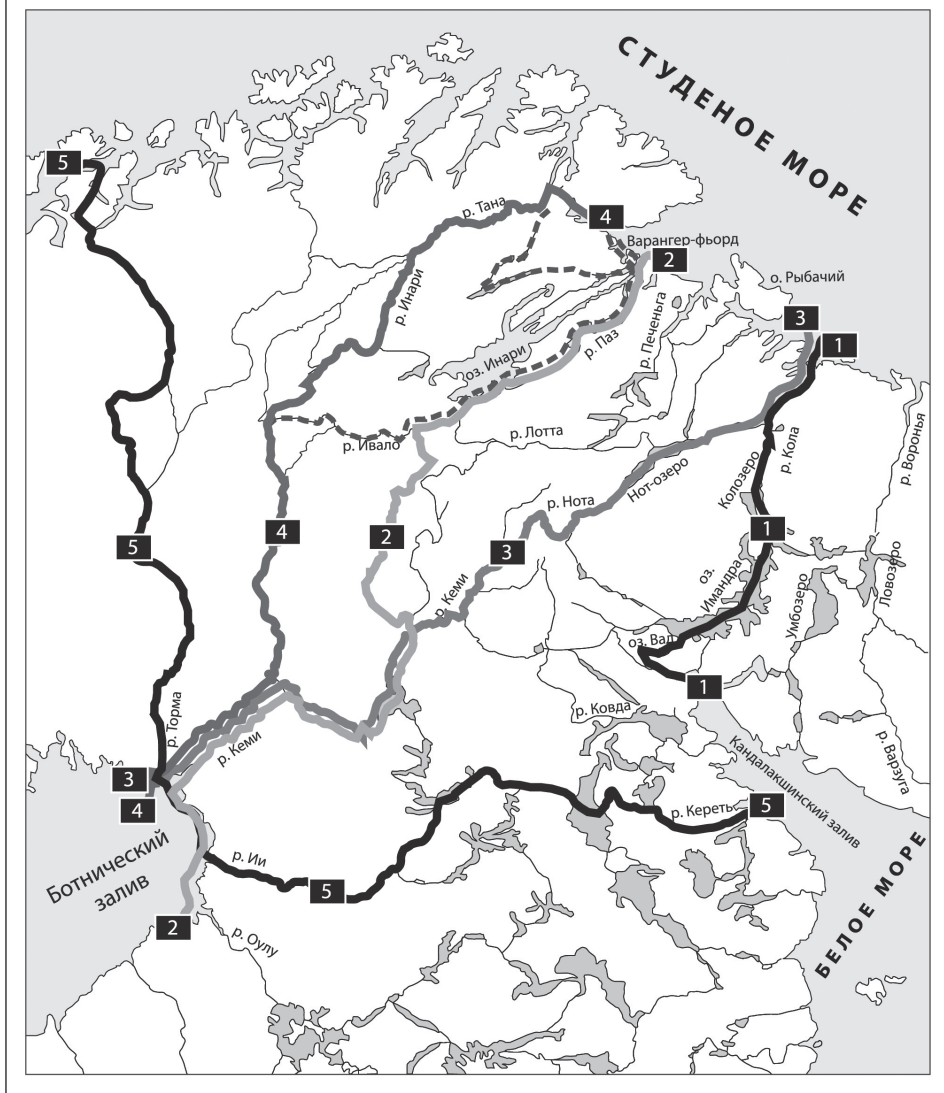
¹ Бастарды – в Западной Европе в Средние века – внебрачные дети владетельной особы (короля, герцога и т. д.). На Руси в Средние века внебрачные дети назывались байстрюками. В дореволюционной России также употреблялось понятие «незаконнорожденный».

² Бутков П. Три древних договора // Журнал Министерства Внутренних Дел. СПб., 1837. Ч. 23–24. № 1–6. С. 528–529. (Далее: Бутков П. Три древних договора).

³ Новые и достоверные известия о лапландцах в Финмархии, об их языке, обрядах, нравах и о прежде бывшем языческом их законе. Перевод с датского профессором лапландского языка Кнуд-Лемса. М., 1792.

⁴ Ордин К. Покорение Финляндии. С. 15.

ГЛАВНЫЕ ВОДНЫЕ ПУТИ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

иде в пресловущий Нов-град и тамо согладав все спасенные и чудотворные места многонародные суща и по Бозе живуща»¹.

С появлением Новгородского княжества связано начало реального доминирования Руси на Крайнем Севере Европы. Освоение территорий Кольского полуострова и прилегающего Финмарка напрямую связано

¹ Макарий (Булгаков). История русской церкви. 1889. Т. 1. Прил. 2. С. 270.

Боевые действия на льду. У коней – специальные подковы с шипами.
Из книги Олауса Магнуса «История Северных народов», 1555 г.

с Новгородской Русью и особенно с расцветом так называемой Новгородской республики (1136–1478), которую вернее будет называть вольным городом.

Новгородская республика «в те времена была столь богата и изобильна, так сильна населением и военным снарядам, что туземцы и иностранцы боялись ее имени, отчего ходила поговорка: “Кто может воевать с богами, да с Великим Новгородом?”»¹.

Именно тогда в полной мере раскрылась уникальность и стали очевидными явные преимущества географического положения Новгородской земли (Новгородского государства и его колоний). Об этой уникальности писал еще древнегреческий историк Геродот: «В Скифии нет ничего удивительного, кроме рек, ее орошающих: они велики и многочисленны»². Это была широкая сеть водных артерий, позволявших Новгороду далеко простираť свое влияние. Особым образом реки северной Руси открывали новгородцам возможность продвигать свои интересы далеко на Крайний Север: на северо-восток по реке Сухоне, на север по рекам Волхову, Онеге и Северной Двине с их многочисленными притоками, из которых крупнейшими являлись Вага и Юг.

¹ Петрей де Ерлезунда Петр. История о Великом княжестве Московском. М., 1867. С. 48.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1. С. 6.

Такое отношение к рекам – общий признак военной политики того времени в Северной Европе. Как свидетельствуют источники, и в частности «Хроника Эрика», «для военных походов сухопутные дороги считались, и в действительности были, наименее удобными. Воины передвигались зимой по льду, летом по открытой воде, и летние операции имели предпочтение»¹.

«В условиях лесистой, болотистой, бездорожной, непроходимой и непроезжей для конницы местности реки как транспортные артерии имели колоссальное стратегическое и хозяйственное значение. Кто владел рекой, тот владел и страной, лежащей в ее бассейне. Теснее всего

¹ Сванидзе А.А. «Хроника Эрика» (Erikskronikan) и исторические реалии средневековой Швеции // Хроника Эрика. М., РГГУ. С. 163.

Новгород был связан с западом и севером, куда шли от него полноводные и относительно короткие водные пути»¹.

Если же в этой связи упомянуть Кольский полуостров, то он исторически весь покрыт разветвленной сетью транспортных артерий – бесчисленным количеством водных путей в самых разнообразных направлениях. В настоящее время в Мурманской области насчитывается 21 000 рек и более 100 000 озер, которые в те давние времена были более глубоко-водными и, следовательно, более полноценными в плане возможности перемещений по обширным территориям Кольского Севера.

§ 5. «Варяги-Русь» – профессиональные воины Севера

Еще одной важной особенностью, обуславливавшей северную устремленность Новгородской Руси, была исторически сложившаяся тесная связь Новгорода со Скандинавией и Балтией, откуда, собственно, на Русь и пришли первые князья².

Не считая необходимым в полной мере углубляться в проблему противостояния «норманистов» или «славянофилов», тем не менее, выскажем некоторые соображения о том, кто же такой Рюрик и «варяги-Русь», призванные на княжение в наши северные земли в середине IX века.

«Князь из Варяг Россов, внук Новгородского князя Гостомысла, сын большей его дочери Умилы, первый Великий князь Северной России»³ – так пишет о Рюрике известный российский историк и писатель XVIII–XIX вв., к явному неудовольствию приверженцев норманнских корней Рюрика.

У «норманистов» существовала своя подходящая кандидатура – Рорик Ютландский из датского рода Скъолдунгов, маркграф Франкской империи. Правда, как справедливо замечают исследователи, про этого Рорика «из европейских исторических документов известно достаточно много, поэтому у него нет никакой возможности незаметно переселить-

---

¹ Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет. М., Международные отношения, 1992. С. 51.

² Археология свидетельствует о скандинавском присутствии в Старой Ладоге (Альдейгьюборге) с 760 года, на первом этапе истории города. В редакции «Повести временных лет» Ипатьевского списка говорится, что именно ладожане в 862 году пригласили на княжение варяга Рюрика.

³ Мальгин Т.С. Зерцало российских государей по Р. Х. с 862 г. по 1791 г., изображающее их родословие, союзы, потомство, царствование, кончину, место погребения и вкратце деяния с достопамятными происшествиями. СПб., 1791. С. 1.

ся в Новгород и стать там княжить, одновременно с этим продолжая активно участвовать в исторических событиях на стыке Дании, Саксонии и западнославянских земель лютичей и ободритов»¹. Да и те, кто по-прежнему отождествляет Рюрика и Рорика, признают: «по-видимому, на Руси он бывал эпизодически и только последние годы провел здесь почти полностью»².

Что же говорит сама летопись? Пришли «варяги-Русь» из среды варяжских народов, то есть тех, кои промышляют наемничеством. Другими словами, «варяги» – это не национальность, а профессия, образ жизни. Среди этих воинственных народов были и Русь: «Те варяги назывались русью». «Друзии зовутся Свие [*шведы*], друзии же Урмане [*мурмане, норвежцы*], Англяне [*возможно, англы – германцы с полуострова Ютландия*], друзии Гте [*готы – готландцы, или даны*]». То есть «Повесть» прямо говорит о том, что Рюрик, будучи варягом, не являлся при этом ни урманном, ни шведом, ни англом, ни готландцем.

Как свидетельствует текст, призывать на княжение варягов славянские северные племена «пошли за море» – которое традиционно полагается Варяжским (Балтийским) морем. Хотя это море, где жили «варяги-Русь», могло быть и Белым морем или Гандвиком, мог это быть и Залив Варангов (Варангер-фьорд) на нынешнем севере Норвегии.

Так или иначе, важно подчеркнуть, что «поискать себе князя, который бы владел нами» народы ходили в те края, куда недавно этих князей и прогнали. Летописец пишет: «изгнали варягов за море, и не дали им дани». Но без крепкой властной руки, без «наряда»³, все перессорились: «и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом».

Другими словами, позвали назад, вернули на Русь княжить своих же князей – варягов Руси. Как мы уже подчеркивали, это были профессиональные северные воины, князья и конунги со своими дружинами. Будучи изгнанными из комфортных и сытных городов, лишенные заработка, они возвращались на морские побережья Севера Европы, продолжая

¹ Патрикеев А.В. Три истока Руси. Русь Беломорская через призму эпоса и топонимики. 2013. <http://ukhtoma.ru/history13.htm>.

² Азбелев С.Н. О Рюрике и Гостомысле // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10. С. 11.

³ «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет». «Наряд» (ст.-слав.) – распоряжение, установление порядка.

свой разбойный промысел и ужасавшие Европу набеги. И нет ничего нового в этом эпизоде, вызвавшем так много ученых разнотолков. Точно так же, в более поздние времена, поступали различные наши города и веси. Так же в дальнейшем Новгород и Псков, искушаясь купеческой жадностью, регулярно изгоняли князей, «не давая им дани». Но вскоре вновь спохватывались, и при малейшей опасности вновь звучало: «Приходите княжить и владеть нами». Поскольку трудно опровергнуть мудрое высказывание: «Кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую».

В этой связи становится закономерным вопрос, почему этому, в общем-то рядовому, событию – призыванию очередного князя для правления – не вполне правомерно было придано столь исключительное значение и усвоен статус начала российской государственности. Можно предположить, что летописцам XII века, составившим «Повесть временных лет», надо было с чего-то начинать повествование о том, «откуда есть пошла русская земля», и они, естественно, записали те самые давние события и те имена, что сохранила память народная.

При этом было бы неверным вовсе не признать за Рюриком и его потомством выдающихся достоинств ума и характера. Необходимо отметить его исключительное умение «уловить созревшую идею, которая быстро овладела умами людей, идею, подсказанную местной элитой о необходимости принятия общеземельного государственного устройства»¹. С этого момента пошло формирование новой национальной общности народов – Руси. Именно потому в XI веке в византийских источниках среди наемников императорского войска наряду с варягами вообще под собственным именем появляются русы.

В том же знаменитом летописном 862 году «варяги, приходя из-за моря», вновь приступили к своему княжению. Надо сказать, что элементы этого «прихода-ухода» будет повторяться едва ли не до возникновения Московского царства. Вспомним постоянные бегства «за море», в Скандинавию, братьев Александра Невского в случае возникавших конфликтов. Там, «за морем», издревле сложилось суровое братство викингов (варягов) как профессиональных воинов. И, будучи подчас разноплеменными дружинами, в жестокие свои морские походы они ходили сообща, понимая, что иначе не одолеют богатые заморские страны.

---

¹ Кирпичников А.Н. Исторические данные о создании Русского государства // Русь в IX–XII веках. М. – Вологда. 2014. Ч. 1. С. 85.

И «варяги-Русь» в тех краях, похоже, занимали доминирующее положение. Так, например, финское «Ruotsi» обозначает шведов, и на эстонском шведы называются «Rootsi». Справедливо замечено, что «Форма Русь... так относится к Ruotsi, как древнерусское Сумь... к финскому Suomi»¹. «Ruotsi» – трансформированное в финно-угорских диалектах «Русь» (i на конце заменяет отсутствующий в латинице «ь»)².

Надо заметить, что и в европейских хрониках, таких как, например, «Хроника Британии», опирающаяся на источники VII–XI вв., северная страна Русь упоминается наряду с иными странами древности: «И король Руси (king of Russie), самый суровый из рыцарей...» или: «Я ее добыл, похитив из Руси (ut of Russie)»³.

Продолжая вчитываться в текст «Повести...», еще раз обратим внимание, что «призвали» княжить не «свеев» или «урманов», а наших «родных» разбойников, «варягов-Русь», что вышли из племени Русь, поскольку этих воинов, называемых «Варязи Русь», призывают к себе племена: «**Русь** и Чудь, и Словени, и Кривичи вси». То есть народ Русь (породивший «варягов Руси»), вместе с чудью и со словенами уже жил здесь, на нынешнем Русском Севере.

Далее подчеркнем, что, согласно тексту, «Варязи Русь», призванные послами, пришли не только «со родами своими», но «и **посяха по собе всю Русь**». Что в переводе означает: взяли с собой и весь свой народ «Русь», который их, собственно, и призывал на княжение наряду с иными племенами. Территории, куда вернулись легендарные три русских брата Рюрик, Синеус и Трувор со «всею Русью», – это хорошо известные места нашего Русского Севера: Новгород, Старая Ладога, Белозерье и Изборск, занятые как славянами, так и финно-угорскими племенами.

«Варязи Русь» – это не сам народ, а некая особо воинственная часть племени Русь, занимавшаяся хорошо известным всей средневековой Европе разбойным промыслом либо наемничеством в войске крупных государств, таких как, например, Византия. Это профессиональные воины и пираты русской диаспоры на северных берегах, «военное сбродное товарищество морских разбойников. Эти русы были *словены северозапад-*

¹ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. <http://fanread.ru/book/8826610/?page=11>.

² Петухов Ю.Д. Тайны древних русов. Страницы подлинной истории. М., 2001. С. 45.

³ Layamons. Brut, or Chronicle of Britain. Vol. 2. London, 1847. P. 556. Цит. по: Матузова В.И. Английские средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 248.

ные, и, пришедши к новгородцам, не показываются более отдельной нацией в истории нашего Отечества, но, дав имя России, исчезли между славянскими племенами Новгорода, Полоцка, Смоленска и Ростова»¹.

Отличительная особенность такого сообщества воинов-профессионалов – непререкаемый авторитет вождя (атамана, конунга, князя), основанный на законе силы и культе языческих богов. Это боевая организация, имеющая подразделения, во главе которых стоят приближенные к вождю, особо умелые и отличившиеся в сражениях воины. Понятно, что именно такое боевое содружество можно пригласить оборонять древние торговые и ремесленные города, охранять земли простых хлебопашцев. Можно доверить им и осуществление функций законной власти – «иже бы володел нами и судил по праву». Тем более, если таковые дружины еще и родом отсюда, и здесь, на Севере Руси, их корни.

Для нашего исследования особо важно напомнить, что именно эти руссы «были первыми русскими христианами, принявшими крещение чудесным заступничеством Божией Матери Влахернской во времена патриаршества Фотия»². О них в 866 году с радостью писал патриарх Константинопольский в своей Окружной грамоте восточным епископам: «Россы, славные жестокостию, победители народов соседственных и в гордости своей дерзнувшие воевать с Империею Римскою, уже оставили суеверие, исповедуют Христа и суть друзья наши»³.

Нестор Летописец подчеркивает: «славянский народ и русский един». Называвшиеся прежде славянами стали называться русскими по призванию «варягов-Руси». По слову «Повести», «от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами раньше назывались, но речь была славянской».

Если проследить последующие события и историю становления государственности на территории Руси, то тесные связи «варягов-Руси» и норманнов будут абсолютно очевидны. Именно это произошедшее в прошлом неизбежное смешение кровей и явилось источником происхождения княжеской династии Рюриковичей на Руси. Но при этом надо подчеркнуть, что эта династия, «варягов-Руси», прочно удержалась на

---

¹ Максимович М.А. Откуда идет Русская земля. По сказанию Нестеровой повести и по другим старинным писаниям русским. Киев, Университетская типография. 1837. С. 62. (Далее: Максимович М.А. Откуда идет Русская земля).

² Там же. С. 16.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1997. Т. 1. С. 12.

Руси потому, что быстро и легко вновь слилась со славянской правящей верхушкой и в полной мере стала национальным достоянием.

Следует упомянуть еще одно направление наших размышлений, подтверждающих северную направленность «Руси изначальной». Речь идет об одном из удивительных видов устного народного творчества – русском былинном эпосе. Сразу подчеркнем, что только на Русском Севере сохранилось подлинное название этих песенных поэм – «старина»¹. Так вот, как показали исследования собирателей фольклора, эти старины обнаружены почти исключительно на территории Русского Севера. При этом находки текстов былин, сделанные в Сибири, как оказалось, сохранились у потомков переселенцев с Северного Поморья. Несмотря на то, что былины активно бытовали преимущественно на Русском Севере, тексты их не знают «местных» богатырей и сохраняют память о героях глубокой древности, а также Киевской и Новгородской Руси. Важным является то, что во многих сюжетах былины явно перекликаются со скандинавскими сагами, что позволяет нам говорить о них как о племенном эпосе варягов-Руси.

В наших попытках определить место, где могли обитать «Варязи Русь» до их призыва на княжение, определяющее значение будет иметь неоспоримый факт высокой степени их породненности с норманнами, с иными скандинавскими викингками, особенно с норвегами. Соответственно, и место их обитания должно было находиться в достаточной близости к ним, но в то же время и отдельно от непосредственно шведских и норвежских земель.

Таких подходящих мест рядом с достаточно узкой полосой норвежского побережья Скандинавского полуострова совсем немного. И, может, стоит присмотреться к северной области Норвежского Галлоголанда с сохранившимися характерными древними топонимами в районе полуострова Варяги (Varanger) и Варяжского залива (Varanger fjord)? Безусловно, это лишь гипотеза, но тому, что «Варанги» и «Варяги» – слова-синонимы, есть немало доказательств: «Норманисты много и убедительно доказывали, что византийские Варанги были Норманны и означали то же, что у нас Варяги. В чем мы совершенно согласны»².

¹ Название «былины» введено в XIX веке фольклористом И.П. Сахаровым, ссылавшимся на строку из «Слова о полку Игореве» – «По былинам сего времени ...».

² Иловайский Д.И. О мнимом призвании Варягов // Русский Вестник. 1871. Ноябрь. С. 21.

Упомянув этот характерный топоним (Варангер-фьорд), добавим, что в те давние времена существовала некая страна Варангия. Об этом говорится в византийском средневековом литературном памятнике «Советы и ответы византийского боярина XI века», где автор, излагая известную скандинавскую сагу о Гаральде III Сигурдссоне, впервые указывает, что отцом Гарольда был «король страны Варангии»¹. Так что наше предположение о заливе Варангер не столь невероятно, и варягов на княжение могли призывать из этих мест, из страны Варангии. Собственно, об этом сообщает Аль-Бируни в известном сочинении: «На севере страны славян от него отходит большой залив, этот залив известен под названием Варяжского моря [*моря Варангов*]; варяги – это народ, живущий на его берегу»². Исследователи этого сообщения отмечают: «как в тексте, так и в приложенной у нему карте местожительство варангов обозначено на Крайнем Севере, на берегу соименного моря, и скорее на берегу древнем Норвежском и нынешнем Мурманском, чем на Шведском»³. Описывая климатические пояса, Аль-Бируни касается и Крайнего Севера Европы: «За этим климатом обитают немногие народы – ису [*вису*], варанги, йу-ра [*югра*] и подобные им»⁴.

В пользу этой гипотезы говорит то обстоятельство, что несколько позже, во времена Александра Невского, именно этот север Норвегии окажется заселенным народом Биармии. Покинувшие Кольский полуостров биармийцы по договоренности великого князя Александра Ярославича с королем Хоконем IV уверенно расположатся на этих, касалось бы, диких берегах. И по сей день эти берега востребованы и представляют собой самые северные и самые крупные административно-территориальные единицы королевства Норвегии – Финнмарк и Тромс.

§ 6. Союз северных князей

Родственные связи русских князей и норвежских конунгов были давними и прочными. Мы уже писали, что Север Европы воспри-

¹ Васильевский В.Г. Советы и рассказы византийского боярина XI века. СПб., Тип. В.С. Балашева, 1881. С. 140.

² Аль-Бируни. Книга вразумления начаткам науки о звездах // Ал-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад / Вст. ст., пер. и примеч. А. Ахмедова и Б.А. Розенфельда. М., 1975. Т. VI. С. 100.

³ Васильевский В.Г. Советы и рассказы византийского боярина XI века. СПб., Тип. В.С. Балашева, 1881. С. 142.

⁴ Аль-Бируни. Книга вразумления начаткам науки о звездах. С. 116.

Елизавета Ярославна на фреске
Софийского собора в Киеве XI в.

нимался в истории человечества как «место производства племен и мать народов»¹ – «Скандинавия для многих народов считается общим отечеством»². Так, например, в ряде исландских саг «действие происходит почти исключительно на русской почве и где выступают между прочими лицами и древнерусские князья»³.

«Скандинавия считается общим отечеством. Князья получают оттуда своих жен, ищут там союзников и воинов и в затруднительных случаях туда же уходят или хотят уходить. Они долго еще сохраняют в своих семьях скандинавский язык, и некоторые из них, до самых татарских времен, носят имена норвежских героев»⁴.

Родственные связи Руси и Скандинавии росли и крепились, при этом не меньший авторитет и привлекательность имели династические браки с русскими княжескими родами и в остальной Европе. Как мы уже упоминали, князь Ярослав Мудрый был женат на Ингегерде, дочери норвежского короля Олафа Трюггвасона. Сын его Всеволод был женат на греческой царевне, от брака с которой родился князь Владимир Мономах. Сестра Ярослава, Мария, была выдана за польского короля Казимира. Дочери Ярослава: Елизавета стала женой норвежского короля Харальда IV Сурового; Анна вышла замуж за короля Франции Генриха I; Анастасия стала женой короля Венгрии Андрея I.

Именно потому, как мы уже говорили выше, все новгородские князья в случае изгнания или иных властных проблем удалялись в скандинавские страны. Так, например, новгородский князь Владимир (будущий Креститель Руси), узнав в 977 году о разгоревшейся междоусобице братьев, бы-

¹ De origine actibusque Getarum. Гл. 4. С. 60. Цит. по: Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 39.

² Сенковский О.И. Собрание сочинений. СПб., 1858. Т. V. С. 454.

³ Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 101.

⁴ Сенковский О.И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения. СПб., 1834. №1, ч. III. С. 7.

Королева Франции Анна, дочь Ярослава Мудрого. Скульптура в монастыре св. Викентия (Франция)

стро укрылся в Норвегии у ярла Хакона Могу-чего (+995).

Из Норвегии и Швеции в Новгород непрерывным потоком приезжали скандинавы, при новгородских княжеских дворах воспитывались сыновья скандинавских конунгов. Да и сами конунги, по тем или иным причинам вынужденные покинуть Скандинавию, дружески принимались русскими князьями и были окружены почетом и уважением¹. Традиционно для всех норвежских князей (конунгов) целью возвращения из Руси назад в свою страну были захват или возвращение себе утраченной власти в Норвегии. Равным образом и российские князья в случае проблемных ситуаций с властью в своих княжествах бежали в Скандинавию.

Это был довольно интересный период формирования российской государственности. Известный шведский историк Далин, например, пишет: «Российский князь Андрей Ярославович в 1253 году купно с супругой, изгнанный татарами и своим братом Александром Невским, **по древнему Голм-гордскому [Новгородскому. – Е. М.] обычаю** убежал в Швецию и находился в стане Биргера»². Напомним, что Ярл Биргер – это тот самый непримиримый противник Александра Невского, предводитель шведского войска во многих вторжениях на российские территории в ходе так называемого «третьего Крестового похода».

Даже в случае масштабных военных конфликтов интенсивные визиты многочисленных скандинавских гостей в Новгород вовсе не прерывались. Заморские князья приезжали со своими слугами, часто с купцами-

¹ «Скальдические стихи и королевские саги донесли до нас уникальную информацию о пребывании на Руси четырех норвежских конунгов: Олафа Трюгтвасона в 977–986 гг., Олафа Харальдссона в 1029 г., Магнуса Олафссона с 1029 по 1035 г. и Харальда Сигурдарсона в начале 1030-х и в начале 1040-х гг.». Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012. С. 221.

² Далин О. История Шведского государства. С. 281.

Абосский замок Ярла Биргера в устье р. Ауры.
Фото 1880-х годов из книги «La Finlande
pittoresque», Helsingfors. 1886

торговцами, привозя товары для продажи. Из Новгорода они увозили с собой в Скандинавию легкие для транспортировки, но дорогие и весьма ценимые в Европе новгородские меха. С этого времени понятия «гость» и «купец» стали синонимами¹.

Если в период с IX и до середины XI веков в Новгороде доминировали «нурманские гости», то в последующие годы и столетия появились, «оприч аглинских гостей, борабонские [бельгийские] и галанские [нидерландские] и амборские [гамбургские] торговые немцы», а также «Кизыльбашские [Персидские] и Бухарские земли тезики [восточные купцы]»². Таким образом формировался уникальный новгородский «ганзейский» менталитет, имевший специфические отличия от иных русских княжеств. Жесткий диктат торгового интереса порой превалировал над национальными и общегосударственными приоритетами. Выбранный раз и навсегда внешнеэкономический вектор устремлений Новгородского государства формировал и прозападную (проганзейскую) политическую ориентацию Новгорода. Недалеко от него в этом плане отстоял и Псков, порой с легкостью шедший на заключение договоров с Западом.

§ 7. Новгородский космополитизм и «Русская земля»

Надо сказать, что Новгород, собственно, и не скрывал своего особого государственного статуса, позиционируя свою «иностранность», что было очевидно и современникам. Так, тогдашние рус-

¹ «Гость – купец, иностранец, гость». Дьяченко. Словарь. С. 130.

² Смирнов П.П. Челобитная Московских и всех городов торговых людей // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1912. Кн. 1. С. 100.

Иконописное изображение древнего Новгорода
на Знаменской иконе конца XVII века

ские князья воспринимали Новгород, а не Русь, как некое самостоятельное государство: «1178 г. Прислаша новгородцы мужей своих ко Мьстиславу Ростиславичу, зовучи его к Новгороду Великому. Он же нехотяше ити **из Русской земли**... Хотя страдати за отчину, хотя исполнити отечество свое. Муже свои рекуче ему: брате, аще зовут тя с честью, иди. Он же рекучи: А тамо ци **не наша отчина**»¹.

Аналогичная формулировка в 1149 году звучала и из уст киевского князя Изяслава, когда он прибыл в Новгород «и повелел звонити вече, и снисдошася вси Новгородци на вече и Псковичи, и рече к ним Изяслав: “Се, братие, аз пришел есмь сюда ради ваших обид, оставя Русскую землю...”»².

То же самое восприятие «киевских руссов» существовало и на иной территории Руси. Так, «в представлении суздальцев киевский князь, возвращавшийся из похода в Ростово-Суздальскую землю к себе в Киев, едет

¹ Русские юридические древности. СПб, 1896. Т. II. С. 345.

² Из Воскресенской летописи, с. 45. Цит. по: Кочуркина С.И., Спиридонов А. М., Джаксон Т.Н. Письменные известия о карелах (X–XVI вв.) Петрозаводск, 1996.

“в Русь”. Тогда как для суздальского летописца “Русь” – Юг, Приднепровье, Киев, сам же он – житель земли Суздальской»¹.

Чтобы объяснить этот феномен, необходимо учесть следующее замечание, поясняющее почему, например, о Новгороде говорят: «не русская земля»: «Не должно смешивать положение Варягов, или Руссов, в Новгороде, с отношениями их к русским людям, в других частях тогдашней “Русской земли”. В Новгороде они были только лишь Варяги (Vseringar), или Защитники [*мы бы сказали* – «наемники». – **Е. М.**], тогда как в Киеве они были Руссы, – настоящие победители и хозяева в своем доме». Другими словами, в то время понятие «Русская земля» означало территорию, в наибольшей степени охваченную влиянием «варягов-Руси» и непосредственно управляемую ими, чего не существовало в иных городах Руси. Так, например, Новгород остался вполне самостоятельным, и его следует охарактеризовать как «вольный город». Кстати, заметим, что нет оснований считать его «республикой». В пользу этого свидетельствует то, что «власть гражданская и военная там были разделены: первая пребывала в посаднике и вече; вторая в лице князя, который со своей дружиною исправлял род протектората в отношении к городу и области, пользовавшимся своими муниципальными правами»².

В той или иной степени, такое особое положение в Новгороде сохранялось до конца XV века, до того момента, когда этот экономический и идеологический космополитизм вольного города окончательно не вступил в противоречие с государственными интересами московских князей, собиравших воедино Российскую державу. Все сказанное выше несколько не умаляет мужества и стойкости новгородцев в противостоянии шведской экспансии на Севере и Балтике. Нескончаемые сражения со шведами за земли Ингерманландии (Ингрии, Ижоры) преследовали жизненно важные для Новгорода цели – сохранить за новгородцами главные выходы к морю, не позволить шведам взять под свой контроль всю новгородскую торговлю и экономическую жизнь.

Помимо всего сказанного выше, еще одной специфической хозяйственной чертой экономики Новгорода было выраженное экстенсивное использование природных богатств страны, осуществлявшееся как в энергичном собирательстве, охоте, рыболовстве, так и в открытом гра-

¹ Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 163.

² Сенковский О.И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения. СПб., 1834. № 1, Ч. III. С. 1.

беже подвластных даннических народов севера: карелов, чуди, пермяков, манси, ненцев, лопарей, югры, коми.

§ 8. Новгородская экспансия на Крайнем Севере

Письменные источники свидетельствуют, что в начале XI века ушкуйники уже совершали походы даже в отдаленную Югру. Таким образом, если в то время совершались столь дальние походы в земли, где можно было встретить организованное сопротивление, то уж грабить несчастных терфиннов (лопарей) на Кольском полуострове для «лихих людей» никакого труда не составляло.

В более поздние времена отряды ушкуйников, разбойничая на Крайнем Севере, вторгались и в освоенные Норвегией ее северные пределы. Так, в 1320 новгородский флот под началом некоего Луки «напал на побережье Финнмарка. Однако новгородцы потерпели поражение, в результате которого Лука потерял практически все свое войско»¹. Большую роль сыграла хорошая подготовленность норвежцев, поскольку в начале XIII века «жители Галоголанда стали впервые держать в гаванях постоянно снаряженные суда “для охраны с востока”»². Однако в 1323 году этот неудачный опыт был учтен и флот Новгорода увеличен. В результате был razорен весь норвежский Финнмарк вплоть до провинции Халогаланд³.

В 1349 вновь был предпринят поход в Норвегию, непосредственно в сам Халогаланд, хотя здесь уже появились признаки наступления эпидемии чумы, от которой впоследствии умерла почти половина всего населения этой страны. Но поход 1349 года отменен не был, поскольку являл собой ответный шаг Новгорода на состоявшийся в 1348–1349 гг. Крестовый поход шведского короля Магнуса в Новгородские земли Корелии и Финляндии. Результаты этого морского похода новгородцев оказались весьма впечатляющими: был взят сильно укрепленный замок на острове Бьяркей «и сожжены владения наместника Эрлинга Видкунссо-

---

¹ Нильсен Й.П. Северо-норвежские предания о смутном времени на Крайнем Севере в XIII–XV вв. // Север и война. Седьмые Феодоритовские чтения. СПб., 2015. С. 52.

² Кааран А.К истории русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Арх. Общества изучения Русского севера. Архангельск, 1910. № 11. С. 27. (Далее: Кааран А.К истории русского Севера).

³ Холугаланд (норв. Hålogaland, возможное написание Халогаланд) – самая северная провинция средневековой Норвегии.

Военные походы новгородцев в сторону Норвегии в первой половине XIV века

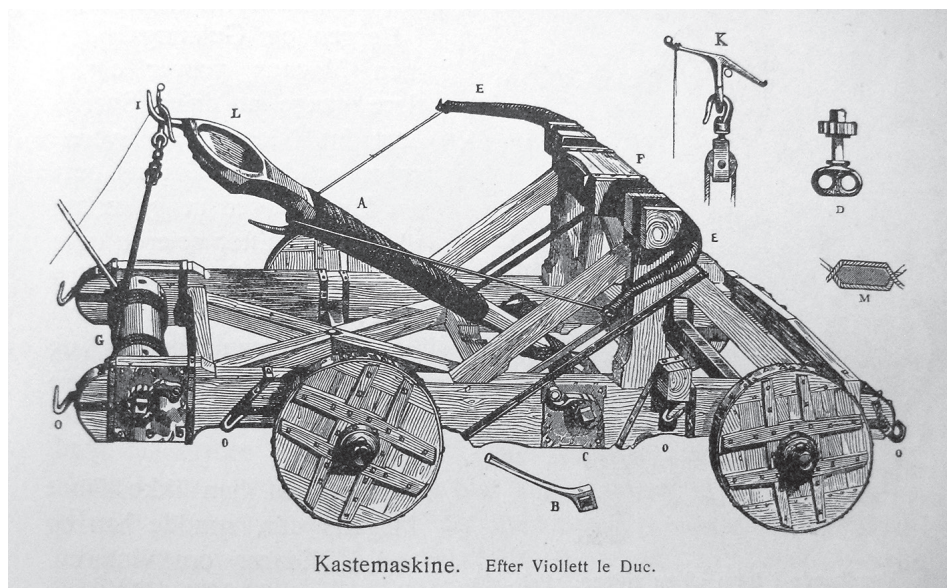
на (1293–1355)», могущественного главы регентского совета Швеции и Норвегии. Как признают норвежские историки, «можно сказать, что “круг замкнулся”. Ведь именно с этого острова в IX–X веках начинались первые разбойные походы норвежцев на Биармию и в Беломорье»¹.

С этого времени на Севере Норвегии все взаимные агрессивные действия прекратились до 1411 года, до начала шведских провокаций в финском приграничье. Сами же «крестовые походы» шведов как таковые прекратились почти на сто пятьдесят лет, до русско-шведской войны 1495–1497 годов за Западную Карелию.

Колонизационное движение Новгорода на Север инициировалось новгородским боярством и «житыми людьми» (по сути, финансистами). «Новгород для своего торгового ничего или почти ничего не добывал и не производил на собственной почве. Он был только торговым посредником, извлекая себе пользу из самого посредничества»². При этом надо признать, что Новгород сумел добиться очень высоких результатов в ор-

¹ Нильсен Й.П. Северо-норвежские предания о смутном времени на Крайнем Севере в XIII–XV вв. // Север и война. Седьмые Феодоровские чтения. СПб., 2015. С. 52.

² Платонов С.Ф. Прошлое Русского Севера. Берлин, 1924. С. 19.

Камнеметательная машина – катапульта. XIII век.
Рис. из книги: Norges Historie af A. Bugge. Kristiania. 1916

ганизации чрезвычайно непростого дела – добыче северных товаров и их доставке из столь удаленных и труднодоступных мест Крайнего Севера. Здесь требовались огромные средства и твердая организация.

Новгородская экспансия в направлении северных земель проводилась с конкретной целью: подчинить северные народы, чтобы они платили дань пушниной и некоторыми иными товарами края. Задачи присоединения этих территорий к Руси вовсе не стояло. Новгород не желал нести каких-либо расходов на создание здесь опорных пунктов, острогов, представительств государственной власти, а тем более церквей, предполагающих обширную миссию по христианскому просвещению края. Эту особенность в 1220 году подметил ливонский хроникер: «Русские короли, покая оружием какой-либо народ, обыкновенно заботятся не об обращении его в христианскую веру, а о покорности в смысле уплаты податей и денег»¹.

Оно и понятно: в случае крещения инородцев, помимо неизбежных перемен нравственного характера в отношении к братьям по вере, в отличие от «поганьских», языческих народов, встает необходимость при-

¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введение, пер. и коммент. С.А. Аннинского. 2-е издание. М.–А., 1938. С. 134.

нимать их под государственную защиту от царивших там беззакония и власти силы. Так что до появления московских государей проблемой крещения народа саами (лопарей или финнов) никто, ни от славянского Востока, ни от скандинавского Запада, заниматься не хотел. Князья и конунги «справедливо» полагали, что христианизация аборигенов Севера и приведение их в подданство станет препятствием для дальнейшей жесточайшей их эксплуатации, и будет как-то неловко «драть три шкуры» (в прямом и переносном смысле) с собратьев по вере.

Можно, однако же, вспомнить факт из летописного известия за 1193 год, когда новгородская рать в количестве 300 человек во главе с воеводой Ядреем отправилась в Югру, и среди рати был поп Иван Легеной. Это летописное упоминание пытаются истолковать как свидетельство наличия у новгородской рати миссионерских задач. «Это замечательное известие показывает, что новгородцы вместе с воеводою посылали священника, может быть, для того, чтобы избрать место для построения церкви в завоеванных землях»¹. Звучит это не слишком убедительно, если проанализировать сам жестокий дух летописных сообщений о походах новгородских шаек «ушкуйников», добровольцев, «холопов-сбоев», детей боярских и прочих удалых людей.

Реальные и плодотворные перемены в деле просвещения наступят лишь с окончанием Новгородского владычества в Северном крае. Становление Великого княжества Московского и конкретные повеления царя Василия III откроют новый этап истории края, начнется целенаправленная работа по просвещению лопарей, равно как и иных малых народностей Крайнего Севера. И надо отметить эту, никогда не прекращавшуюся в дальнейшем, неизменную заботу Государей российских об этом малом северном народе.

В целом, как отмечают историки, «с падением Новгорода началось в Двинском крае, бывшем Заволочье, более прочное устройство как в гражданском, так и в церковном отношениях. Орудием этой новой колонизации стала не грубая сила, а проповедь евангельская, которая мало-помалу сумела сплотить разрозненные враждою племена и указать способы с помощью труда побеждать суровую северную природу»².

¹ Беляев И.Д. О географических сведениях в древней России // Записки Императорского русского географического общества. СПб, Кн. VI. 1852 С. 10–11.

² Огородников С.Ф. Очерк истории г. Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб, 1890. С. 16.

РАЗДЕЛ IV

Русь и Скандинавия.
Духовность края и обзор
его просвещения в IX–XIII вв.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МАЛЫЕ НАРОДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА И ИХ ХРИСТИАНИЗАЦИЯ

§ 1. Чудь или весь – жители легендарной Биармии

Как мы упоминали, история северных русских земель неразрывно связана с народностью чудь, однако каких-либо сведений о целенаправленной политике по просвещению этого народа в летописях не отмечено.

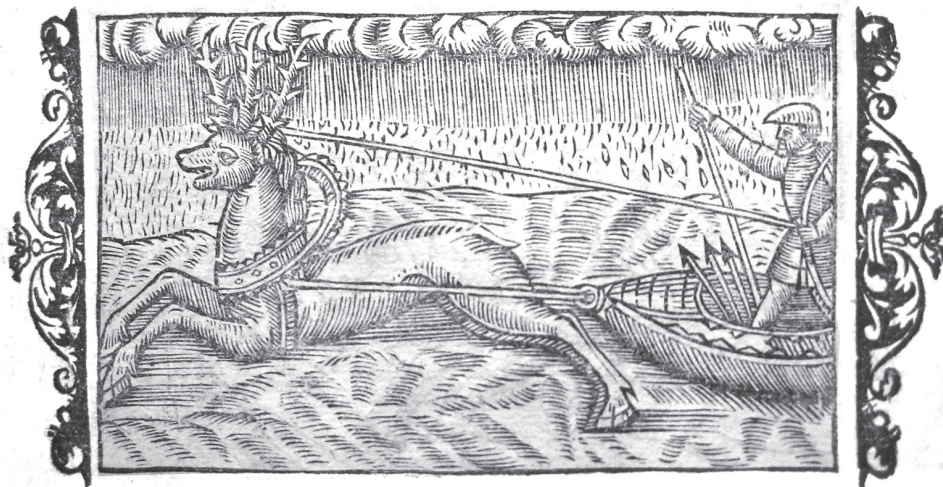
Впервые название племени активно упоминается в «Повести временных лет» особенно как «чудь заволочская». Народ чудь исторически позиционировался с одной стороны как прибалтийско-финское население нынешней Эстонии, которое «приседит» к «морю Варяжскому», с другой стороны – и как особый народ на северо-востоке Европы.

Во втором случае речь идет о некоем финно-угорском народе, именуемом вепсами (*versä*), по-русски «весью», живущем в «Заволочье», то есть за «волоками» [*участки суши между двумя водными бассейнами, через который перетаскивали суда. – Е. М.*], связывавшими Онежское озеро с озером Белым и рекой Шексной¹. Заволочьем называлась территория бассейнов северных рек, ведущих в Белое море. Отдельные группы вепсов, проживавших изначально здесь и на Двинском побережье Белого моря, впоследствии распространились на берега Кольского полуострова, где получили название биармы. «Бьярмийцы были известны на Руси под названием заволочской чуди и являлись ответвлением древних вепсов (веси)»². Надо признать, что существовали определенные трудности с историческим и географическим позиционированием этого народа, по-

---

¹ Волок, от слова «волочить» (тащить), – удобное место для перетаскивания судов из одной водной артерии в другую для продолжения пути.

² Пименов В.В. Вепсы. М.–Л., 1965. С. 167.

Биармиец в пути. Рисунок из книги «История Северных народов». Olaus Magnus, Gothus. *Historia de gentibus septentrionalibus* / Olaus Magnus. Romae, 1555

сколько «этот один народ различно назывался их соседями с запада и востока»¹.

В начале XII века летописи упоминают народ чудь в связи с отказом платить дань Новгороду. Тогда князь Мстислав, сын Мономаха, принужден был ходить на нее походом и усмирять непокорный народ. Но эта ситуация имела место и в дальнейшем. Чудь никогда так и не стала надежным союзником Руси, неизменно выступая на стороне ее врагов, таких как емь, вошь, литва, немцы и шведы. Равным образом народ чудь не сподобился христианского просвещения и, теснимый Новгородом, особенно во время Полярного похода благоверного князя Александра Ярославича, окончательно сошел с исторической арены.

Устойчивые воспоминания об этом народе сохранились в многочисленных местных преданиях и сказаниях аборигенов северного края, и «концентрируются они на территории Северной Норвегии и российского Кольского полуострова»². Эти воспоминания носят сугубо отрицательный оттенок. «Предания о чуди Северной Норвегии могут быть сведены к выражению “они источали зло”»³. Лопари запомнили их как

¹ Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск, 1947. С. 6.

² Дранникова Н.В., Ларсен Р. Репрезентация чуди в норвежском и русском фольклоре // Живая старина. 2006. № 2. С. 21.

³ Larsen A.S., Larsen R. Hodelose menn og ihjelfrosne haikere: levende sagntradisjon fra Nord-Norge. Tromsø, Eureka forlag. 2002. P. 30.

жестоких угнетателей и приводят многочисленные случаи кровавых разорений лопарских поселений, а также историй отмщения, когда отряды чуди гибли от колдовского искусства лопарей.

О том, что еще в глубокой древности народ весь, упоминаемый Саксоном Грамматиком как «висины» (*visinnus*), был связан с Крайним Севером, ясно свидетельствовал в 921 году знаменитый арабский путешественник и писатель Ахмед ибн Фадлан: «На расстоянии трех месяцев пути есть народ, называемый “вису”. Ночь у них летом длится менее часа... Когда бывает зима, то ночь по длине делается такой же, как летний день, а день таким же коротким, как ночь...»¹. Обратим внимание, что, согласно этому свидетельству, народ вису живет там, где «ночь длится менее часа», то есть речь идет не о самом дальнем Севере, не о побережье Северного Ледовитого океана, где солнце летом не заходит вовсе, а именно о широтах Терского берега за рекой Варзугой, где норвежец Оттар практически в то же время обнаружил и описал поселения биармийцев.

Сохранились описание народа вису и в более позднее время, в 1130-е годы: «Я видел группу их в Булгаре [*Волжская Булгария в это время располагалась на Средней Волге. – Е. М.*] – они пришли во время зимы: кожа красноватого цвета, с голубыми глазами, волосы их белы, как лен, и в такой холод они носят льняные одежды. На некоторых из них бывают шубы из превосходных шкурок бобров, мех этих бобров повернут наружу. Они пьют ячменный напиток, кислый, как уксус [*квас – готовят на основе брожения из муки и ячменного солода. – Е. М.*], он подходит им из-за горячности их темперамента, объясняющейся тем, что они едят бобровое и беличье мясо и мед»².

Предания свидетельствуют, что история великого народа чудь закончилась войной с русскими, в результате чего и был он истреблен. В разных местах показывают высокие чудские могилы, где якобы лежали трупами тела павших в этой борьбе. Русские писцовые книги, жития святых и другие источники древности наиболее часто упоминали древних вепсов, или весь, под именем чудь. В XIX веке историки полагали, что народ-

¹ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 135. (Далее: Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана).

² Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Под ред. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971. С. 32. Объяснение весьма странное. Но известно, что мясо бобра употреблялось лопарями, которые считали его самым изысканным угощением. Эта еда считалась «языческой». Согласно «Вопрошению Кирика» (1152 г.), новгородцев осуждали за то, что все еще едят «вевенчину» (беличье мясо).

ность «весь» вообще исчезла без следа: «Весь, Меря, Мурома наконец обратились в Славян»¹.

Однако в начале XIX века поиском остатков легендарной чуди занялся академик А.М. Шегрен (Sjögren). Результатом его работы стало «открытие» уцелевших остатков некогда великого народа весь в четырех компактных районах его проживания на территории России: «около Белоозера, Тихвина, Лодейного Поля и Вытегры»².

В настоящее время, как отмечают специалисты, уцелели в основном топонимические воспоминания об этом некогда многочисленном народе в ряде географических названий. Незначительные очаги представителей этой народности сохранились сейчас в основном в Прионежском районе Карелии. Общая его численность в РСФСР порядка пяти тысяч человек.

За рубежом наиболее значительное присутствие веси можно найти в современных поселениях на севере Норвегии, в районе Тромсе, куда они были оттеснены карелами в середине XIII века.

Та часть финно-угорских народов из «чуди заволоцкой», что оказалась в непосредственном контакте с новгородскими поселениями в районе устья Двины и Беломорского побережья, довольно скоро ассимилировалась. «Чудской народ покорен и святым Крещением просвещен в одиннадцатом столетии, новгородцами, которые в самом конце десятого столетия христианскую веру восприняли»³. Исследователи XIX века уверенно говорят о значительном влиянии, которое оказали на население Архангельской губернии «наследственные черты финского (чудского) происхождения»⁴.

Эти места были освоены русскими в XI–XIII веках, и потому среди так называемой «чуди белоглазой» христианство распространилось

---

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 1. Том. 1. С. 98.

² Шегрен А.М. Путешествие доктора Шегрена для исследования обитающих в России народов финского племени // Исторический, статистический и географический журнал. М., 1829. Ч. 4. Кн. 2. С. 194.

³ Грамота Великоновгородского Архиепископа Иоанна, данная Архангельскому игумену Луке, которая хранилась в библиотеке Архангельского монастыря. Цит. по: Молчанов К. Описание Архангельской губернии, ея городов и достопримечательностей со многими древними историческими известиями и знаменами. СПб., 1813. С. 51. Примеч. (Далее: Молчанов. Описание Архангельской губернии).

⁴ «В отдельных личностях и даже семействах следы чудской крови выражаются очень заметно – это скудная растительность на лице; в духовно-нравственном отношении это по большей части люди не миролюбивые, спорливые, упрямые и первые крикуны на сходах». Древнерусский приход и его пережитки в церковно-общественной жизни Архангельской епархии // Архангельские епархиальные ведомости. 1916. № 13. С. 284.

весьма успешно. К этой народности принадлежал знаменитый северный святой XV–XVI веков преподобный Александр Свирский. Центрами христианского просвещения служили здесь многочисленные монастыри, а просветителями – иноки.

«Из них особенно замечателен преподобный Кирилл Челмогорский (1286–1368), крестивший почти всю чужд близ Каргополя»¹. Так же и его ровесник преподобный Лазарь Мурманский (1286–1391 гг.), подвизавшийся на острове Онежского озера под названием Мурма, просвещал этот народ: здесь «около Онеги жили Лопь и Чудь, страшные сыроядцы»². В дальнейшем дело преподобного продолжили его ученики-монахи: «Еще в XIV веке обитель Аввы Лазаря привлекала к себе лопарей и мурманскую чужд, кочевавших по мурманскому берегу»³.

§ 2. Земля бьярмов – Кольский Север

Обобщенным «западным» топонимом, обозначающим название земель, с давних времен занятых весью (чуждью) или «народом вису», является «Vjarmaland», то есть «Земля бьярмов». Так же звучит и принятое в древнескандинавской литературе наименование Русского Кольского Севера: «Биармия – имя северными историками часто упоминаемое для обозначения северной части России»⁴. Это название охватывало как материковую часть северного Беломорья, так и берега Кольского полуострова, хотя надо признать, что «каждый источник (или группа источников), в силу традиции, говорит о своей Бьярмии, в более узком значении»⁵.

Судя по рассказам скандинавских саг, плавания норманнов в Бьярмаланд достигли наибольшей интенсивности в X–XI веках и воспринимались как посещения «самой дальней из земель, заселенных северными

¹ Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской церкви. Период северно-русской митрополии (1237–1588 гг.). М., 1999. Ч. 2. С. 18.

² Филарет (Гумилевский), архиепископ. Русские святые. Чернигов, 1864. С. 60.

³ Толстой М.В. Рассказы из истории русской церкви. В пяти книгах. Издание шестое. М., 1899. С. 230.

⁴ Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон. М., 1788. Ч. 2. С. 80.

⁵ Джаксон Т.Н. Бьярмия – легенды и действительность // Сквозь века и границы» – «Norge-Russland. Naboer gjennom tusen år». Изд. «Россия-Норвегия». ГМБЦ РОСИЗО. 2004. С. 78. (Далее: Джаксон. Бьярмия).

Войско биармийцев в походе. «*Historia de gentibus...*», O. Magnus, 1555

народами»¹. Кроме того, что важно отметить, саги ясно свидетельствовали, что все «бьярмы» платят дань Руси.² Так, «исландское географическое сочинение последней четверти XII в. с условным названием “Описание Земли Г” (а также восходящее к нему в данной части сочинение XIV века “Грипла”) говорит о даннической зависимости Бьярмаланда от Гардарики (Руси)»³.

«Бьярмия была совсем не то, что полагал о ней Карамзин, и еще в XI веке считалась многолюдным и сильным государством и производила значительную торговлю»⁴. В те времена биармийцы принимали активное участие в междоусобных войнах князей, являясь значительной политической силой. Так, исландские саги свидетельствуют об их решающем значении в противостоянии князя Ярослава Мудрого с его братом князем Святополком Владимировичем: «Святополк неожиданно появился под стенами Киева с многочисленной ратией Бьярмийцев»⁵.

В описании похода в Биармию воинов короля Харальда Синезубого, Хаука и Викхарда (около 960 года), ясно говорится о главной цели их

¹ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 87, 89.

² Там же. С. 159.

³ Джаксон. Бьярмия. С. 79.

⁴ Сенковский О.И. О значении скандинавских саг для русской истории // Библиотека для чтения. СПб., 1834. С.15.

⁵ Жизнь и деяния Эймунда и Рагнара, норвежских князей и полоцких в России владельцев, в исландском подлиннике с латинским переводом и кратким введением. Издана по древнему списку королевской библиотеки Королевским Обществом Северных Антиквариев. Копенгаген, 1833. Сенковский О.И. Эймундова сага // Собрание сочинений. СПб., 1858–1859. Т. V. С. 496.

Песцовая охота. «Historia de gentibus...», O. Magnus, 1555

предприятия: «на север, в Биармию для сбора меховых товаров»¹. Такая формулировка («на Север, в Биармию») характерна для многих саг того времени. И будет странным, если, собираясь идти на север, норвежцы попадали на юг, к Двине, в чем упорствуют некоторые исследователи. Кольский полуостров более соответствует понятию «на север».

Но торговый путь в Биармию был налажен и в обратном направлении – с юга на север: «много купцов [из Булгарии], которые отправляются в страну, называемую Вису, и привозят оттуда соборей и черных лисиц»². О налаженности этих контактов в начале XII века свидетельствуют и иные арабские источники: «есть область, до которой от Булгара месяц пути, и называют ее Вису... День там летом 22 часа. И от них идут чрезвычайно хорошие шкурки бобров»³.

О том, что было, в свою очередь, наиболее востребованным товаром на Севере, мы узнаем из продолжения этого рассказа: «мечи, которые привозят из стран ислама в Булгар, приносят большую прибыль. Булгарцы везут их в Вису, где водятся хорошие бобры. Жители Вису возят мечи в Йуру [Югра – территория между рекой Печорой и Уральскими горами. –

¹ Кузнецов С.К. К вопросу о Биармии. С. 32.

² Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана. С. 138.

³ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Под ред. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971. С. 31–32. (Далее: Путешествие Абу Хамида).

Древний Суздаль. Худ. А. Пятков

Е. М.], где продают их за соболиные шкуры и за невольников и невольниц»¹. Этот особый интерес биармийцев к приобретению оружия отмечают и норвежские саги².

§ 3. Варяги и «Суздаль». Начало единого государства

Касаясь периода активных взаимоотношений скандинавов с биармийцами, невольно возникает временная привязка к периоду доминирования в это время на Руси Владимиро-Ростовско-Суздальского княжества. Герои скандинавских саг, посещая Биармию (с теми или иными целями), неизменно говорят и о необходимости бывать в Суздале, называя его различно на свой лад. В «Саге о Хаконе Хаконарсоне» герой «отправился на восток в Судрдаларики со своими слугами и товаром»³, где в это время был «конунг Андрес из Сурдалир»⁴. Норвежский конунг по имени Эддвал вообще имел «владение, которое находилось в Сурсдаль»⁵. В сочинении «Hauksbók», созданном в XII–XIII веках,

¹ Путешествие Абу Хамида. С. 31.

² См.: Тиандер К.Ф. Поездки норманнов в Белое море. СПб., 1902. С. 11. (Далее: Тиандер К.Ф. Поездки норманнов в Белое море).

³ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Древнескандинавские источники. М., 2009. Т. 5. С. 167.

⁴ Там же. С. 170.

⁵ Там же. С. 264.

упоминаются главные города Гардарики [*Русии. – Е. М.*]: Морамар, Ростова, Сурдалар, Хольмгард... [*Муrom, Ростов, Суздаль и Новгород. – Е. М.*]¹.

Думается, все эти свидетельства говорят о необходимости важных выводов в отношении роли Севера как такового в формировании русского этноса и российской государственности. Несколько ранее, описывая обостренную новгородскую самостоятельность и самобытность, мы касались утверждения, что начало единого Русского государства следует искать не в период так называемой Киевской Руси, не в период правления «варягов-Русь» в Киеве, а несколько позднее и севернее. Великорусская народность образовалась в XII веке в пределах Ростово-Суздальского княжества (с середины XII века – Владимиро-Суздальского великого княжества).

Ростов Великий, где изначально находился центр княжеской власти, в полной мере соответствовал духу северорусских городов-государств, где тон задавал Великий Новгород. Ростовская «вольница», принимая правление удельных князей, всегда имела «сильное вече и ничем не сдерживаемое буйство земских бояр»². Это хорошо понимал князь Андрей Боголюбский и, став «самовластцем всей Суздальской земли», решительно перенес в 1157 году престол своего княжества, предпочтя «древнему Ростову незначительный Владимир, не рассчитывая, видимо, прочно обосноваться в Ростове с его древними земскими традициями»³.

Этот шаг князя Андрея Юрьевича, по сути, привел к возникновению государства нового типа, ставшего ядром современной Российской державы. Именно тогда «на смену анархической вольнице удельных князей стало возникать единоедержавие, позднее преобразившееся в православное самодержавие – эту идейную основу великорусской государственности»⁴.

Надо сказать, эта тенденция к укреплению центральной государственной власти в середине XII века оказалась всеобщей как в странах Европы, так и на Северо-Востоке Руси. Инициаторами этих процессов стали связанные тесными родственными узами нормандские правители Европы –

¹ Helgason Ed. J. Hauksbók. Copenhagen, 1960.

² Эдинг, фон, Борис. Ростов Великий. Углич. Памятники художественной старины. М., 1899. С. 16.

³ Там же. С. 16.

⁴ Антонов М.Ф. Договориться с народом. Избранное. М., 2012. С. 112.

первый король всей Франции Людовик VII, английский король-узурпатор Генрих IV Болингброк. В этом ряду и князь Андрей Боголюбский, пребывавший в особо близких отношениях с Фридрихом II Барбароссой, императором Священной Римской империи, и с византийским басилевсом Мануилом I Комнином, возродившим былую мощь империи ромеев¹.

Здесь следует подчеркнуть особую роль Суздальской земли в процессе формирования нового смешанного этноса народов на Севере Руси. «Суздаль» как княжество в целом было необычайно популярно у варягов Скандинавии. Оно «упоминается шесть раз в скандинавской литературе интересующего нас периода. Обусловлено это, прежде всего, обширными торговыми и династическими связями Северо-Восточной Руси со скандинавскими странами»². Многочисленные «находки различных скандинавских вещей во Владимирских курганах, в Ростове и Суздале подтверждают эти сведения скандинавских источников»³. История Суздальского княжества дает совершенно уникальный материал, свидетельствующий о факте присутствия и растворения скандинавов в славянской среде и их активном участии в процессе формирования русского народа.

§ 4. «Bjarmaland» – тайны топонима и гипотезы происхождения

Вернемся к истории Биармии. Реальное значение топонима «Bjarmaland», видимо, претерпевало изменения по мере ознакомления скандинавов с Севером. В конечном итоге топоним «Бьярмаланд» для скандинавских мореходов стал служить обозначением берегов Кольского полуострова (Trjanema)⁴ и прочего Беломорского побережья (Gandvik).

¹ Новое свидетельство тесных связей этих правителей – обнаруженный в Боголюбове весной 2015 года учеными Института археологии РАН романский портал храма XII века. Как полагают историки, это творение итальянских зодчих, которых прислал князю Андрею Боголюбскому император Фридрих Барбаросса.

² Фехнер М.В. Тимиревский могильник – Ярославское Поволжье X–XII вв. М., 1963. С. 23.

³ Новикова Г.А. Скандинавские амулеты из Владимирских курганов // Тезисы первых Уваровских чтений. Муром, 1990. С. 13.

⁴ Место и время этих визитов скандинавов подтверждают и археологические находки: «В 1887 г. местные жители в осыпи обрыва, “в обвалившемся кургане” возле устья реки Варзуги нашли завернутое в бересту семь массивных “скандинавских” серебряных гривен IX–XII вв. различных типов». Горюнова В.М., Овсянников О.В. Клад конца X – начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского полуострова) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 211–215.

Биармия и Пермь на карте Г. Меркатора 1538 года находятся в разных сторонах Русского Севера

Существуют попытки найти единые корни в древнескандинавском топониме «*Veormas*», «*Бьярм*» и русском «*Перемь*». Предполагают, что они означали примерно одно и то же, восходя к прибалтийско-финскому понятию «*pera-maa*» («задняя земля», «земля за волоком»)¹, и что в дальнейшем они заняли свои индивидуальные места: «*Biarmia*» – на Кольском полуострове и западнее, а «*Permia*» – от Белого моря далее на восток, что хорошо видно на карте Герхарда Меркатора (напечатана в Амстердаме в 1595 году). Однако эти места изначально были так и зафиксированы на знаменитой карте Олафа Магнуса «*Carta Marina*» 1539 года², и вообще страна «*Biarmia*» средневековыми картографами всегда уверенно размещалась на Кольском полуострове³.

Следует заметить, что анализ скандинавских названий на Севере Европы ясно показывает полное пренебрежение норманнов к финно-угорским и славянским самоназваниям. Так, например, Русь – это Гардар, или Гардарика, Новгород – Хольмгард, Ладога – Альдейгьюборг, Кола – Мальмус, Белое море – Гандвик. То же самое было и с этнонимами: суоми – финны; лопари (саами) – терфинны, собственно финнов на-

¹ Такова суть гипотезы, высказанной российским и советским лингвистом, профессором Д.В. Бубрихом (1890–1949). Вспомним при этом, что направление сторон света было иным, и северные земли были «внизу», как бы сзади.

² Надо сказать, что на этой карте отражена ситуация 1518 года, когда Магнус был отправлен на север Скандинавского полуострова для исполнения духовной миссии. В Северной Норвегии он дошел до берегов Ледовитого океана.

³ «По преимуществу Бьярмаланд помещается на Кольском полуострове и в западном Беломорье. Очевидно, что изначально топоним служил для обозначения всей западной половины Беломорья между реками Онега и Стрельна или Варзуга». Джаксон Т.Н. Бьярмия – легенды и действительность // Сквозь века и границы – «Norge-Russland. Naboer gjennom tusen år». Изд. «Россия-Норвегия». ГМБЦ РОСИЗО. 2004. С. 78.

Медведи Биармии на рисунках из книги «История Северных народов». Olaus Magnus, Gothus. *Historia de gentibus septentrionalibus* / Olaus Magnus. Romae, 1555

зывали квенами и т. п. Потому вряд ли стоит пытаться вывести из русской «Перми» норвежскую «Vjarmaland». Норвежцы всегда давали свои имена и названия исходя только из личных ассоциаций. Таковы, например, имена первых конунгов – Эрик Кровавая Секира и Харальд Серый Плащ. Белое море – Гандвик – «Залив Чудовищ»; Русь – Гардарика – «Страна Городищ». Если задуматься, чем в промысловом плане лесная Биармия Кольского полуострова существенно отличалась от скалистого Скандинавского побережья Норвегии, что могло бы вдохновить

древних норманнов дать этой земле название, – так это немыслимое количество медведей¹.

Уникальная природа и ландшафт Беломорского побережья Кольского полуострова (земли Тре) создают идеальные условия для их популяции. Как известно, главная проблема жизни медведя – изыскание возможности прокормиться вместе с медвежатами в тяжелый весенний период завершения цикла зимней спячки, когда природа леса еще не ожила. На Терском берегу такой проблемы нет: все медведи отправляются на пологий песчаный берег моря, который так удобно примыкает к густому лесу. Море кормит медведя большим количеством накопившейся за зиму падали, что выбрасывают на берег освободившиеся от прибрежного льда беломорские волны, и так до тех пор, пока не оживут богатые кормовыми дарами Терские леса. Потому корни норвежского названия «Bjarmaland», возможно, надо искать не в Перми, а «Медвежьем царстве», в названии «Bjørnland» – Медвежья земля, но это лишь одно из предположений².

В то же время следует принять во внимание и следующее замечание: «Слово *Berm* (от древнегерм. *Berm* – «береговая полоса») означает некую прибрежную территорию»³.

О том, что Биармия располагалась на «Земле Тре», свидетельствуют предания терских лопарей – терфиннов. «Если мурманские лопари совершенно не помнят Чуди, то терские очень хорошо помнят о ней, называя ее Чутте. По их историческим сказаниям, Чутте сильно мучила и убивала лопарей, где только было возможно. При этом лопари в своих рассказах никогда не смешивают чуди с корелами... Из преданий видно, что русский народ, как и лопари, совершенно отличают корел от чуди»⁴.

«Жители Биармии покорены новгородцами в XI веке, при Владимире и Ярославе»⁵. В описаниях походов скандинавов последнее упоминание Биармии фиксируется около 1222 года, после чего эта, еще недавно

¹ Автор готов свидетельствовать, что даже в наше время активного наступления человека на природу Терского берега количество медведей в лесах чрезвычайно велико.

² Что касается мнения самих норвежцев, то профессор Университета г. Тромсё Й.П. Нильсен скептически отнесся к этому предположению.

³ *Бернштам Т.А.* Поморы: формирование групп и система хозяйства. Л., 1978. С. 17.

⁴ *Ефименко П.С.* Заволоцкая чужь. Архангельск, 1869. С. 91, 98. (Далее: *Ефименко П.С.* Заволоцкая чужь).

⁵ Согласно Двинской летописи и Карамзину. Козмин Кир. Варангерское море и его история (Из жизни Архангельского севера), Архангельск, 1914. С. 3. (Далее: *Козмин К.* Варангерское море).

вожделенная и заманчивая страна, как бы перестает существовать и все отношения со столь богатым краем прерываются. Причины этих перемен непосредственным образом связаны с нашествием Золотой орды и со славными деяниями благоверного князя Александра Невского, чего мы коснемся позже.

§ 5. Сумь. Первый Крестовый поход

Новые религиозные веяния, идущие от католического Рима и касающиеся активизации процесса мировой христианизации путем организации Крестовых походов, в полной мере восприняли и скандинавские страны. Однако если норвежские конунги усвоили идею христианского миссионерства путем соединения ее с образом действий и методами предшествующей эпохи викингов, то есть в виде масштабных разбойных морских походов в дальние иноземные страны, то шведские короли сосредоточились на «крещении» ближайших народов соседних территорий.

Если крестовый поход, предпринятый норвежским королем Сигурдом I в 1107–1110 годах, охватив всю Европу, прежде всего принес славу и несметные богатства, так что «все говорили, что не бывало более славного похода из Норвегии, чем этот»¹, то Швеция сосредоточилась на прямом захвате близлежащих финских и новгородских земель. Норвегия жила в прежнем духе героических саг, а в Швеции заговорили имперские амбиции.

Первым народом, стоявшим на пути шведского владычества в Финляндии, был народ сумь, сумяне (Suomi). С них в 1157 году и начался первый Крестовый поход шведов в Финляндию под руководством короля Швеции Эрика IV Святого.

Как и большинство язычников Севера, сумь была достаточно веротерпима, однако жестокие католические покушения на свои древние святыни восприняла очень остро. Энергичный миссионер епископ Генрих (Хенрик), в 1158 году прибывший из Англии и шествовавший по стопам королевских завоеваний края, после отбытия короля и шведской армии остался в Финляндии, возводя церкви, а также крестя и уча народ. Однако вскоре Генрих Упсальский был убит, эта же участь постигла и еще двух епископов. Стоявший за этой идеологией крестоносных жестокостей

---

¹ Снорри Стурлусон. Круг Земной. Пер. М.И. Стеблин-Каменского. М., Наука, 1980. С. 487.

Епископ Хенрик (Генрих) и св. вмиц. Маргарита Антиохийская. Епископ попирает своего убийцу язычника Лалли, Маргарита побеждает сатану в виде змия. Фрагмент росписи церкви общины Тайвассало (Финляндия)

Подвиги Сигурда. Резьба по дереву из норвежской ставкирки XII века в г. Урнесе

Папа Римский Иннокентий III мрачно шутил, что епископы в страну финнов посылаются «не столько для почетной кафедры, сколько для мученического венца»¹.

Англичанин по происхождению, епископ Хенрик (Генрих) – один из самых почитаемых в Финляндии святых. Он прославился миссионерской работой по обращению язычников в христианство и своей мученической смертью. Безусловно, возвышенный тон его жития вполне уместен для священикомученика средневековой католической Церкви. Однако справедливости ради надо заметить, что трагическая кончина архиерея явилась, увы, следствием тех узаконенных жестокостей: «наказаний и строгости, бывших **всегда едиными средствами**, какие Рим употреблял для обращения человечества на Севере в христианскую веру»².

¹ Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. (Арабская географическая литература). М.–Л., 1957. Т. IV. С. 32.

² Далин О. История Шведского государства. С. 265.

Об этом ясно свидетельствует и так называемая «Финляндская хроника» (Suomen Kronikka)¹ неизвестного автора того времени. Суть обстоятельств кончины епископа такова. Однажды, зимой 1156 года, путешествующий епископ Генрих без предупреждения решил завернуть в дом одного зажиточного финна-язычника по имени Лалли. Хозяина дома не было, и епископ потребовал у оказавшейся в доме работницы Герды принести ему еды и питья. «Дерзкая служанка» отказалась, сославшись на то, что хозяина дома нет, а ключи от запасов он унес с собой. Епископ приказал взломать двери в подвал и продовольственную кладовую. Поев и попив, он отправился дальше по своим делам (житие говорит, что он при этом оставил достаточную для оплаты сумму денег). Думается, епископ и его слуги действовали в полном соответствии с принятыми в то время католиками принципами миссионерства: «Всякому, кто подчинялся им, они оставляли жизнь и его добро и позволяли жить, а тех язычников, которые этого не хотели, предавали смерти»².

Вскоре домой возвратился Лалли и обнаружил выломанные двери кладовых. Герда сказала, что в дом ворвались какие-то разбойники, взломали двери и все пограбили. Лалли вполне поверил ее словам, что, наверное, было нетрудно, вскочил на коня и помчался в погоню. Вскоре он настиг архиерейские сани на озере Кёулиё и убил епископа. По манерам того времени, дабы завладеть дорогими перстнями, Лалли отрубил епископу пальцы».

Епископ-мученик Генрих считается покровителем Финляндии. С конца XIII века в церковных документах он уже упоминается как святой. К XV веку почитание святого Генриха повсеместно распространилось в странах Северной Европы. Сейчас его почитают и некоторые протестантские Церкви.

§ 6. Емь. Второй Крестовый поход

Следующим народом, мешавшим продвижению Швеции на восток от Варяжского моря, стало племя Емь (Name), или тавасты (тав-эсты, как звали их шведы). «Просвещение» этого финского народа

¹ Johannes Messenius, Suomen, Liivimaan ja Kuurimaan vaiheita seka tuntematon tekijan Suomen kronikka. (Пер. Я. Лапатка). Helsinki. 1988. P. 18.

² Цит. по: Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1987. С. 36. (Далее: Шаскольский. Борьба Руси против крестоносной агрессии).

осуществлялось в русле «Второго крестового похода против языческого Тавастланда»¹.

Поход был объявлен в 1237 году Римским Папой Григорием IX и осуществлен шведским королем Эриком XI (Эрик Эрикссон Хромой Заика). Время похода было выбрано очень грамотно: в этом году началось страшное Золотоордынское нашествие на Русь. В этой связи были срочно сверстаны и планы вторжения на Русь. В 1238 году датский король Вальдемар II и магистр Тевтонского ордена Герман Балк договорились о военных действиях против Руси при участии шведов. Однако мудрая политика и решительные действия святого князя Александра Невского в июле 1240 года на Неве и в 1242 году в Ледовом побоище на Чудском озере пресекли дальнейшие шаги по плану Второго Крестового похода.

Тем не менее, шведы использовали тяжелую ситуацию, сложившуюся на Руси. Выйдя на границы Новгородской земли в Карелии, в области Тавастланда они построили мощную крепость Тавастехус (Tavastehus – швед.), или Хямеэнлинна (Hämeenlinna – фин.). Это событие 1249 года, как полагают, заложило серьезную основу для создания Шведской империи с присоединенной к ней Финляндией. Эта крепость до момента основания Выборга являлась мощнейшей шведской крепостью в Финляндии. «Карелы не могли этому воспрепятствовать, так как их собственные опорные пункты находились довольно далеко, а Новгород, в свою очередь, находился в тисках татар и Тевтонского ордена»².

Такая тактика действий шведов, когда «на приграничной спорной территории» энергично возводилась мощная крепость «с целью наращивания экспансии, повторилась и в случае с замком Корсхольма, год основания приблизительно 1370, и в случае с крепостью Олавинлинна, построенной в 1470-х гг.»³.

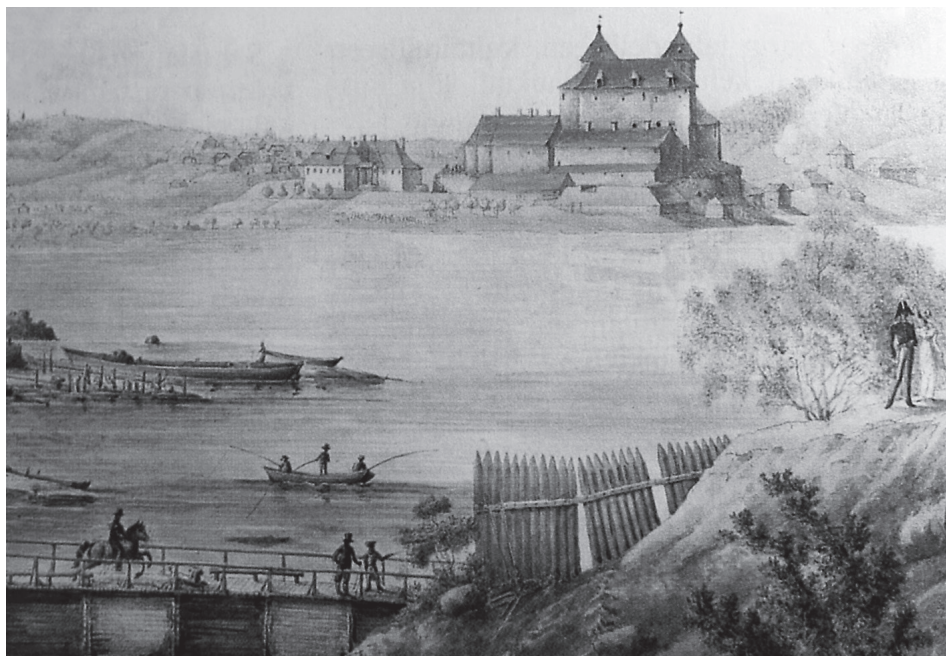
В результате, как замечает «Хроника Эрика», «ту страну, которая была вся нами крещена, русский князь, как я думаю, потерял»⁴. Замечание, увы, справедливо. Лишь по Фридрихсгамскому мирному договору 1809 года Финляндия вернулась в состав Российской империи на правах автономного княжества.

¹ Тавастия – историческая область Финляндии. Народ тавастов на Руси часто называли емью.

² *Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä I. Venäjän Karjala renessanssiajalla (1478–1617).* Helsinki, 1970. S. 13. (Пер. с финского по просьбе автора Я. Новиковой). (Далее: *Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä*).

³ *Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä.* S. 14.

⁴ Цит. по: Шаскольский. Борьба Руси против крестоносной агрессии. С. 23.

Замок Хяме (Hämeenlinna). Акварель 1820-х гг. Худ. А.П. Теслева

Завершая наш краткий обзор принципов шведского «просвещения» малых народов Севера, стоит еще раз подчеркнуть принципиальную разницу подхода к крещению языческих народов, которая всегда сохранялась между миссиями Византии и Рима. Если новгородский Владыка Макарий, наставляя своих миссионеров перед походом в Лапландию, особо подчеркивает принцип добровольности: «крестили бы их, которые похотят. А нехотящих не нудити»¹, то скандинавские историки, наоборот, бравируют неизменной жестокостью католических «миссионеров». «Биргер ярл [*наместник конунга (др.-сканд. jarl)*]. – **Е. М.**» повелел крестить всех язычников, но при том вместо снисхождения и ласковости употреблял наказания и строгость, бывшие **всегда едиными средствами**, какие и Рим употреблял для обращения человечества на Севере в христианскую веру. И дабы навсегда обуздать сей народ, Биргер построил замок Тавастегуский»². Столь же откровенно повествуется об этом и в «Хронике Эрика»: «Всякому, кто подчинялся им, становился христианином и принимал крещение, они оставляли жизнь и его добро

¹ РГБ. Собр. Большакова ТФ. № 333. Л. 122 об.

² Далин О. История Шведского государства. С. 265.

Финский народ емь (тавасты) хорошо помнил методы, которыми Швеция приводила их в католичество. В г. Хямеэн-linna, историческом центре Тавастии, сохранилась старинная картина неизвестного автора, где Ярл Биргер изображен с плетью для бичевания (flagrum). На заднем плане картины послушные прихожане поют молитвы вместе с католическим пастором.

Рис. из книги «Финляндия сквозь века», С. Цеттерберг, Аллан Тиитта, 1992

и позволяли жить, а тех язычников, которые этого не хотели, предавали смерти»¹.

Такой кровавый подход к столь высокочеловеческой задаче христианского просвещения был возведен в ранг особой доблести католика. На стене Тавагустского замка Биргер повелел высечь фигуру воина-миссионера «с бичом в руке и с орудиями пытки вокруг»².

Ответную реакцию народа емь (тавастов) на эту «проповедь» сохранили послания Папы Римского Григория IX епископу Упсальскому 1237 года: «Эти язычники крещеных детей приносят в жертву идолам, взрослых также приносят в жертву, гоняя их до смерти вокруг священных деревьев, христианское духовенство ослепляют и всячески увечат»³.

Эта ситуация диаметрально противоположна самой сути миссионерства Православной Церкви на нашем Севере. Вспомним знаменитые слова историка, посвященные преподобному Феодориту, просветителю Кольскому: «Не убоюся он пустынь снежных; проник во глубину мрачных, холодных лесов и возвестил Христа Спасителя, просветив Божественною верою без насилия, без злодейств, употребленных другими ревните-

¹ Цит. по: Шаскольский. Борьба Руси против крестоносной агрессии. С. 36.

² Ордин К. Покорение Финляндии. С. 24.

³ «... illorum qui Tauesti dicuntur». Sveriges traktater, I. Stockholm, 1877. S. 180.

лями христианства в Европе и Америке, но единственно примером лучшего»¹.

§ 7. Квены – финны северных территорий

Из рассказа Оттара мы узнаем о том, что на Севере Европы в глубокой древности существовал народ квены. «Вдоль этой пустынной земли, с другой стороны [*Скандинавских гор*. – *Е. М.*] с юга и до севера находится Швеция; и вдоль той земли дальше к северу (лежит) земля Квенов»². То есть Оттар достаточно конкретно указывает географическое положение страны квенов – Kvenland, или Cwenland. Она расположена к востоку от северной Норвегии, к югу от норвежского Финнмаркена и к северо-западу от земли карел. «Иногда квены нападают на норманнов на этой необитаемой земле, а иногда норманны на них; и за теми горами очень много озер; и квены перетаскивают свои суда по земле до этих озер, а затем нападают на норманнов; суда их очень маленькие и очень легкие»³.

Известно, что в XIV веке собственно народа финны не существовало. На юге, на восточной границе Швеции, жили народы емь и сумь, а на севере квены и лопь (саамы). В то же время, вопреки свидетельствам древних источников, можно прочесть странное утверждение, что «первые финские поселенцы осели на севере Норвегии в XVI столетии. В Финнмарке и Тромсе они смешались с норвежцами и саамами, дав начало норвежским квенам».

Квены были довольно большим и сильным народом. В «Саге об Эгиле Скаллагримссоне», отражающей события конца IX–X века, повествуется о войне квенов с корелой. Здесь подробно описывается географическая ситуация на Севере Европы в X веке, там, где находилась страна Квенланд. Тогда квены под командованием «Фаравида, конунга Квенланда» выступили в поход на Кирьялаланд в союзе с дружиной известного норвежского воеводы Торольва и нанесли корелам сокрушительное поражение. Надо отметить, что и в дальнейшем норвежцы поддерживали союзнические отношения с квенами, отдав им решение вопросов по сбо-

---

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1997. Т. 9. С. 139.

² Квены (Cwena, Kvener) – ныне одно из немногочисленных финских племен (не более 20 тыс. человек), проживающих на севере Норвегии.

³ Орозий Короля Альфреда. С. 25.

ру дани с саамов. Точно так, как новгородцы решали эту проблему, опираясь на корелу.

Хотя бывали и иные ситуации. Так, в 1271 году корела и квенны похожим образом совершили успешный совместный поход в Северную Норвегию. Судя по информации из скандинавских преданий, во времена глубокой древности финское племя квеннов жило на территории нынешней северной Финляндии – южнее саамов и до самых северных окраин Ботнического залива. Именно с тех пор по названию квенских поселений побережье Ботнического залива получило имя Кайнуу (Каянь). Под названием Каянь (каянские немцы) подразумевалась страна, расположенная по трем сторонам Ботнического залива (Вестерботния, Остерботния и Норботния).

В дальнейшем в русских источниках XV и XVI веков «термином «ка-янцы», «каянские немцы» русские стали обозначать шведов и подвластных шведам финнов, переселившихся на эту территорию из шведской Финляндии»¹. Именно потому в Ореховецком договоре 1323 года Ботнический залив упоминается как Каяно-море.

¹ Шаскольский И.П. Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV–XV веков // Археографический ежегодник. М., 1963. С. 77.

На английской карте Адриана Вина 1600 года
Каянская земля (Caenska Semla) занимает
север Норвегии, примыкая к Баренцеву морю

В этой связи становится объяснимым упоминание историком Герберштейном¹ некоей «страны Нортподен» в известном рассказе о путешествии Григория Истома вокруг Скандинавии в 1496 году. Очевидно, записанное на слух название «Нортподен» – это область «Норботен» (Северная Ботния), называемая русскими «Каянской землей»². При этом Герберштейн указывает, что она «прилегает к Баренцеву морю». По сути, от земель Норботнии, прилегающих к Ботническому заливу с севера, до залива Варангер-фьорд в Баренцевом море всего 250 километров. «Прилегание» Каянской земли к Баренцеву морю подтверждают и подписи на английской карте Адриана Вина 1600 года.

Надо сказать, эта территория Финнмарка всегда была объектом острейшего соперничества Швеции (Норвегии) и Руси и, конечно, в первую очередь из-за сбора дани. Со временем вражда переросла в неугасающую кровную месть с непрекращающимися взаимными разорениями и непомерными жестокостями. Какие тяжелые последствия всегда имело это противостояние, особенно хорошо видно на примере событий XVI века, когда неоднократно жестоко страдали российские поморские

¹ Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) – барон, австрийский дипломат, писатель и историк.

² Герберштейн С. Записки о московитских делах / Пер. Малеина А.И. СПб., 1908. С. 186. (Далее: Герберштейн. Записки о московитских делах).

В рассказе путешественника Оттара подчеркивается, что для Скандинавии этот регион всегда был жизненно важен, поскольку «имущество норманнов (Norgman) в основном состоит из той дани, что платят им финны». Из приведенного Оттаром описания вида и количества этой

дани становится понятно, что она была немалой: «подать состоит из оленьих шкур, и из птичьих перьев, и из моржовой кости, и из канатов, сделанных из моржовой кожи, и из тюленей. Каждый платит согласно его происхождению. Самый знатный должен платить пятнадцатью шкурками куниц, и пятью ездовыми оленями, и одной медвежьей шкурой, и десятью мерами пера, и шубой из шкуры выдры, и двумя канатами, каждый по шестьдесят локтей длиной, один сделанный из моржовой кожи, другой – из тюленьей»¹.

Все это вполне перекликается с данными, приводимыми в «Саге об Эгиле» и показывающими, что уже к концу IX века набеги норвежцев на области, населенные терфиннами от Гологоланда до Кольского полуострова, были достаточно устойчивым явлением. Так, сага упоминает некоего Торольфа, ходившего на Финнмаркен в 873 и 874 годах. «Он имел с собой разный товар, торговал с финнами и брал с них дань. Он относился к ним мирно, дружелюбно, но временами также с угрозой»². Угрозы и право сильного в этих краях еще долго оставались нормой: «Финны не хотели и, вследствие бедности, не могли платить дани; но норвежцы, когда их грабили, говорили, что взимают дань»³.

§ 8. «Мурманская земля» – загадки происхождения термина

К началу XX века сложилось устойчивое определение: «Мурман – побережье Лапландии от Святого Носа до норвежской границы»⁴. Но столь же устойчивым стало утверждение, что название этих исконно русских земель связано с жителями Норвегии и происходит от древнескандинавского слова «*Norðmaðr*», «норманн» – северный человек. Считается, что в «Повести временных лет» на древнерусском языке именно древние норвежцы-норманны упоминаются под именем «урмане» и что это слово – производное от слова «норманны», которое, в свою очередь, произошло от скандинавского «*northman*». Так в Европе обозначались все скандинавские народы (датчане, шведы, норвежцы), промышлявшие пиратством и грабежами в дальних странах. В са-

¹ Орозий Короля Альфреда. С. 26.

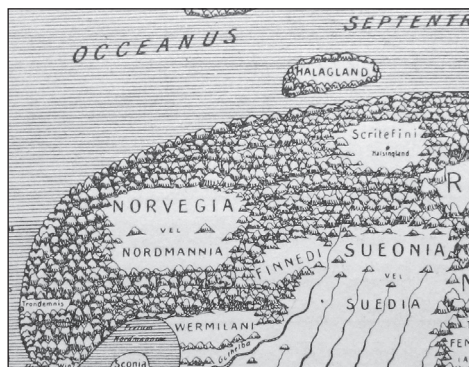
² Кааран А. К истории русского Севера. С. 26.

³ Forfæci Hist. rer. Norv. P. 11. S. 33. Цит. по: Кааран А. К истории русского Севера. С. 27.

⁴ Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб., 1911–1914.

Скандинавское побережье Норвегии на карте XVI века не выходит за пределы Полярного круга

Норвегия на карте Адама Бременского 1070 года находится значительно южнее островов архипелага Халогаланд (Тромсе)

мой Скандинавии норманнов называли викингами¹, в Британии они были известны как «дань», а на Руси получили наименование «варягов».

Утверждая это, следует вспомнить, что весьма продолжительное время сами жители Норвегии к Северу Скандинавии, да и к Крайнему Северу в целом, отношения не имели. Согласно известному датскому летописцу XII века Саксону Грамматику, «страна «Norvania» означает только южную часть современной Норвегии, ту, что на юг от Трондгейма, а на севере – страна Halogia»². «Halogia» – это наибольшая по размерам северная часть Скандинавии – Халогаланд, которая до переселения сюда биармийцев была практически безлюдной территорией. Место Норвегии на географических картах обозначено вполне определенно на юге Скандинавии.

Таким образом, возникают серьезные сомнения в правомочности существующих объяснений этимологии слов «мурмане» и «Мурманская». Скорее всего, употребление понятия «Мурманская земля» в истории вовсе не связывалось с конкретным народом. Изначально, в древности, оно употреблялось для обозначения побережья и означало просто «морская земля», «морской берег». Это отражено в летописях, и это отмечали этнографы XIX–XX веков, ссылаясь на свидетельства са-

¹ Викинги (Vikigr) – от скандинавского Vik – залив, то есть люди заливов, фьордов.

² Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 20.

амов, которые объясняют слово «мурман» как «морская земля» и «морской человек»»³. То есть, по сути, «мурманы» – это «народы моря», что в дальнейшем трансформировалось в русский этноним «поморы».

Само слово в новом произношении – «мурмане» – впервые появляется в летописи 1240 года: «Лето 6748 (1240 г.) придоша Свеи в силе велице, и Мурмане, и Сумь, и Емь в кораблях множество много зело»⁴. И опять же, события эти разворачиваются не на Крайнем Севере, а на Балтике, в устье реки Невы. Тем не менее, упомянутых мурман неизменно стали признавать за норвежцев. Если проанализировать ситуацию в Норвегии, то норвежцам в это время было вовсе не до походов. (Об этом подробно см. в главе V, § 2. «Ответные шаги князя Александра на Крайнем Севере»). На наш взгляд, в данном случае под мурманами следует понимать так называемых «приморских финнов», уже упомянутых нами под именем биармийцев (чуди).

Мы сейчас не имеем возможности реанимировать язык древних биармийцев населявших эти берега, но по известному свидетельству путешественника Оттара, он был весьма схож с лопарским. Потому истоки названия «мурманы», здесь на побережье Баренцева моря мы можем отыскать в языке аборигенов края. «Море – по-саамски звучит, как «миерр, миарр, мер, мерр». Вообще это слово «мерр» заимствовано из индоевропейского «*mare*». И это слово вошло во многие языки: по-итальянски, например, «*il mare*», по-фински – «*meri*». Поэтому, когда саамы называют «мурмана», человека моря или моряка – «мерролма», то истоки становятся очевидными и еще невольно вспоминается русское «мореман». Исторически же эти люди-мурмане здесь на севере назывались по-русски «поморы». Таким образом, к нашему «мурманскому» берегу норвежцы отношения не имеют. В указанной V главе мы расскажем о жестоком ответном походе, вскоре предпринятом Александром Невским в биармийские пределы. Что касается приведенного нами термина «приморские финны», то он научно обоснован и восходит к первым руническим грамотам, известным минимум с IX века и определяющим границы земель Кольского Севера, там, где «Государь Руссов собирает дань»⁵.

³ Из записей видного этнографа Н.Н. Харузина. *Бернштам Т.А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 71–72.

⁴ «В лето 6748 [1240]». Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М.–Л., 1950. Т. 3. Л. 126.

⁵ *Biörner, Eric Julius.* Cogitationes critico philologicae de orthographia linguae svio gothicae tam runica

Обратим внимание, что «Мурманская земля», упоминаемая в 1339 году в Новгородской Первой летописи, также расположена на юге скандинавского морского побережья: «...послаша новгородци Кузьму Твердиславля и Олександра Борисовича с други, за Море к Свинскому князю посольством; и поехала его в Мурманьской земли, в городе Людовли и dokonчаша мир по старым грамотам»¹. То есть новгородцы, отправляя послов к шведам для переговоров о мире, нашли шведского короля («Свинского князя») в Мурманской земле, «в городе Людовли». Этот город, как полагают, нынешний порт Лёдёсе (швед. Lödöse)², один из важнейших административных центров на юге Швеции в XII–XIV веках. То есть понятие «Мурманская земля» в то время вполне соответствовало самой южной береговой части Скандинавии, заселенной шведами и норвежцами.

Но в дальнейшем картина несколько меняется. Слово «мурмане» перестает столь очевидно идентифицироваться со шведскими или норвежскими территориями.

Так, например, в 1411 году «ходиша из Заволочья войною на Мурмане новгородским повелением, воевода Яков Степанович, посадник Двинский. И повоеваши их»³. Из «Заволочья», то есть с территорий «за волоками». Это северные земли корелов, берега Белого моря, и оттуда ходили воевать либо каянских немцев на востоке и севере Ботнического залива, либо в земли Финнмарка и Халогаланда, где с середины XIII века расселились биармийцы. Вскоре в 1415 году еще один серьезный поход новгородцы совершили уже в шведские земли – в северную часть Ботнического залива. В 1444 году «ходиша Корела на Мурмане, избиша их и повоеваша». Ответным походом в 1445 году приходили некие «Свея Мурмане», то есть шведы мурманские: «Того же лета приидоша Свея Мурмане безвестно за Волок на Двину ратью... Услышавше то двиняне, придоша вборзе, иных иссекоша, а иных прислаша в Новгород... инеи

quam vulgari... Stockholmiae typis Laurentii Salvii, 1742. P. 60. (Перевод: Бутков П.Г. Три древних договора. С. 528–529).

¹ «В лето 6847 [1339]». НПЛ младшего извода. С. 350; Софийская первая. С. 221.

² Отождествление Людовли с г. Або (Турку) несостоятельно. В этой летописи несколькими годами ранее упоминается г. Людерев, который действительно уверенно отождествляется с Або.

³ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Л., 1950. С. 399. Надо сказать, что вскоре в 1415 году еще один серьезный поход новгородцы совершили в шведские земли в северной части Ботнического залива.

же, мало вметавшися в корабли, отбегоша»¹. То есть приходили на кораблях, спешно заскочив в которые, отчалили.

Надо сказать, что когда в наших дипломатических посланиях XVI века берега Кольского полуострова мы называли «мурманскими», то сами «мурмане», в данном случае шведы, искренне удивлялись: «мы никогда не слыхали названия Мурманская земля»². И это чистая правда: никакого полноценного представления о этих землях «мурмане» не имели. Об этом ясно свидетельствует известный документ середины XVI века, в котором записаны ответы русского карела Нуосиа на вопросы чиновника Якоба Тейтта, заданные по поручению шведского короля Густава Васы. Суть задаваемых вопросов свидетельствует «о весьма слабых и смутных представлениях о северной географии Руси»³. Что и понятно, поскольку «даже наиболее видные западноевропейские географы имели лишь весьма неясные и туманные сведения о внутренних пространствах европейского Севера, лежавших восточнее Скандинавии»⁴. При этом русский корел Нуосиа легко отвечает на сложнейшие географические вопросы. Так, например, на вопрос о местоположении Белого моря относительно Ботнического залива он отвечает удивительно точно: «на уровне селения Торнео» [*Tornio (фин.)*]. Это не может не вызывать восхищения и ясно свидетельствует о высочайшем уровне географических знаний наших предков.

Конкретизировать землю, упоминаемую в наших летописях XV века и населенную «мурманами» (биармийцами), помогает информация об ответном походе «мурманов» на Варзугу и Николо-Корельский монастырь в 1419 года. Это их ответное нападение явилось очевидным следствием упомянутого похода Якова Степановича в Северную Норвегию, к берегам Халогаланда. В собрании норвежских дипломатических документов содержится прямое на то указание. В письме, написанном на древненорвежском (точнее, на смеси датского и норвежского языков XV века – *mellomalternorsk*) и посланном 5 сентября 1420 года норвеж-

¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 425.

² Чумиков А.А. О перемирии. С. 4.

³ Шаскольский И. П. Финляндский источник по географии Северной России и Финляндии середины XVI века // История географических знаний и открытий на Севере Европы (Сборник статей). Л., 1973.

⁴ Шаскольский И. Водные пути старых карел из Ладожского озера в Ботнический залив. http://studopedia.ru/11_214289.

скому королю Эрику Померанскому¹ теми самыми «мурманами», которые «осели и живут в Галогаланде и в Финнмарке», говорится: «русские и язычники [в данном случае некрещеная корела. – Е. М.] перебили здесь Ваших людей, похитили женщин и причинили много вреда ... Но, надеясь на Бога, мы Ваш бедный простой народ от Вашего имени отомстили за то зло, которое они нам причинили».²

Как мы знаем, север Норвегии к этому моменту уже более ста пятидесяти лет как заселен биармийцами, «народом вису». До этого переселения, как свидетельствовал путешественник Отар еще в IX веке, биармийцы плотно заселяли Терский берег, и конкретно устье Варзуги.

Произошедшее в 1419 году «повоевание погоста Карельского на Варзиге»³ мурманами Халогаланда, надо полагать, было реализацией давней их обиды и мести корелам за изгнание с насиженных мест. В свою очередь, и воинственный корельский народ не забыл этого жестокого разорения. Правда, ответный шаг «варзугская корела» сделала лишь спустя 25 лет, в 1444 году: «Того же лета ходиша Корела на Мурмане, избиша их и повоеваша, и пленивше, и приидоша здорове»⁴.

В этой связи можно утверждать, что все многочисленные походы «на мурмане» и эти взаимные разорения происходили в русле все той же давней вражды биармийцев (мурман) и корел, идущей из далекого XIII века, после решительных событий 1251 года.

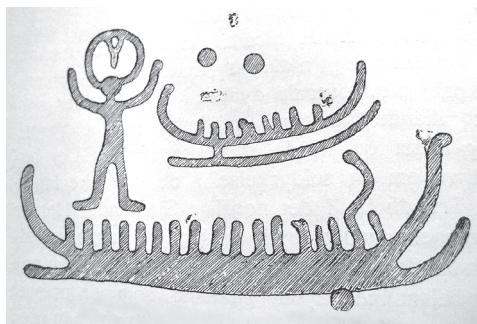
Так что, похоже, «мурмане» – это не этноним, не название конкретного народа, а общий признак тех, кто живет на берегах северных морей – народов моря. И в этом смысле становится понятным утверждение архангельского историка К.В. Козмина, утверждавшего, что мурмане – это новгородские славяне, мореплаватели Кольского Севера, или поморы: «С того времени, как западный берег Биармии именуется Мурманским, он был в обладании Мурман, а именно новгородских славян ...

¹ «Великому князю, господину Эрику, Божьей милостью королю Норвегии, Швеции, Дании, венеков и готов, герцогу Померании».

² Lange C.A. og Unger Carl R., Chr. Diplomatarium Norvegicum. Oldbreve, til kundskab om Norges indre ... Christiania, 1849. № 670. S. 483. (Перевод по просьбе автора осуществлен директором гос. архива г. Тромсе Солбьоргом Элингсеном Фосхеймом).

³ «Современная река Варзуга на всех картах XVI века пишется Варзига (Varziga). Это старинная русская форма названия встречается и в первой Новгородской летописи». Вальдман. Кольский полуостров на картах XVI в. С. 143.

⁴ Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода. М.–Л., 1950. С. 424.

Лодка с гребцами на петроглифе из Норвежского местечка Skjeberg провинции Østfold

В XI столетии заглохло в Европе имя Норманов, то есть Новгородских Мурманов, но до XV века сохранилась об них отчетливая память»¹.

«Кольский острог выстроен двинянами в XII столетии для покровительства беломорским тресколовам и содержания восточных лопарей в покорности [*речь идет, конечно же, о биармийцах.* – Е. М.]. Следовательно, и на берегах Варангерского залива были первые убежища Мурманов»².

Тогда становится понятным, какова была история загадочной культуры «морских охотников», с глубокой древности существовавшей на берегах Белого моря, оставившей яркие свидетельства развитого мореплавания в своих наскальных рисунках и якобы внезапно пропавшей. Получается, что «мурмане» не пропали, а смешались с новгородцами и иными племенами и народностями Руси, с того исторического момента, когда «Варязи Русь», призванные послами, пришли, согласно летописи, не только «со родами своими», но «и **попяша по собе всю Русь**». Так что, похоже, эти «варязи» и есть исконные «мурмане» вместе с иными аборигенами Кольского Севера и всего Беломорья – терфиннами (лопарями) и биармийцами (чудью заволоцкой).

Таким образом, получается, что Мурманский берег Кольского полуострова назван вовсе не в честь норвежцев. Известный итальянский дипломат и историк X века Лиутпранд Кремонский утверждает: «На севере соседями Византии являются венгры, печенегы, хазары, **руссы**, которых мы зовем другим именем, – **норманнами** (Rusios, quos nos alio nomine Nordmannos)»³. Здесь можно предположить, что этот этноним

¹ Козмин. Варангерское море. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ Liutprands von Cremona Werke // Quellen zur Geschichte der saechsichen Kaiserzeit. Ausgewaehlte Quellen zur deutschen Gechichte des Mittelalters. Bd. 8. Darmstadt. 1977.

восходит к древнеисландскому *Róðsmenn*, или *Róðskarlar*, что означает «гребцы, мореходы», со словообразовательной калькой на русском: «поморы», «народы моря».

§ 9. «Мурмане», «народы моря», «поморы»

Когда же была искажена историческая память о русском народе как о исконном народе Крайнего Севера и отдано предпочтение скандинавам? «История о том, что известные по русским летописным источникам мурмане-урманы были норманны и норвежцы, была придумана относительно недавно, не ранее начала XX века. Тождество летописных мурман со словом «нордманд» было предложено известным российским скандинавистом К.Ф. Тиандером. Именно благодаря этому убежденному норманисту был «перекинут мостик» от летописных урман к мурманам, а затем и к норвежцам»¹.

В то же время, как свидетельствуют исследователи Севера², еще «в восьмидесятых годах XIX века на Кольском полуострове и в его окрестностях никто, включая коренных саамов и норвежцев, не считал, что название Мурман, равно как и мурмане-урмане, происходит от «нордманд» или от его производного слова – «норманны» западноевропейских хроник»³.

Однако в XX веке тиражирование этого утверждения стало всеобщим: «Название Мурманск происходит от названия части побережья Сев. Ледовитого океана, а также его жителей» и «получено путем дистантной ассимиляции из др.-сканд. *Nor maḡ* – “норвежец, норманн”». Хотя автор тут же оговаривается, что «Мурманские нѣмци», упомянутые в житии Александра Невского – это некие «северные народы, которые в союзе со свеянами воевали против русских»⁴.

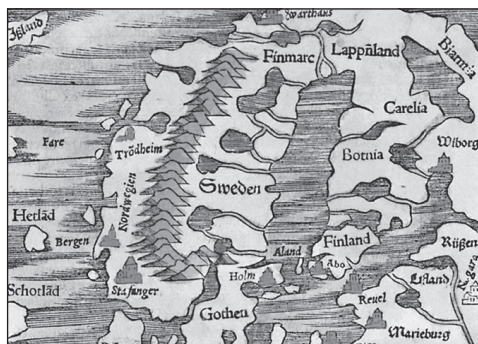
В этой связи следует напомнить, что еще в начале XVIII века иные выводы по этому вопросу были сделаны известным русским историком и государственным деятелем В.Н. Татищевым. Касаясь вопроса происхождения слова *мурмане*, он писал: «Плиний же, толкуя о море Ледови-

¹ Грот А.П. Информационная война против России и ее исторические истоки. Лекция в ЛГУ им. А.С. Пушкина. 15.02. 2016 г.

² См.: Гулевич В.Р. Русская Лапландия и ее промыслы. Архангельск, Губернская типография, 1891.

³ Грот А.П. Информационная война против России и ее исторические истоки. Лекция в ЛГУ им. А.С. Пушкина. 15.02. 2016 г.

⁴ Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка. М., Прогресс. 1964–1973. С. 3, 13.

На фрагментах карт Delinatio Gronlandia, Thormodo Torfæo (Helsingin kollektio A.E. Nordenskiöld) и Мюнстера 1544 года хорошо видно сугубо южное расположение Норвегии. Ее территория, равно как и шведская, находится ниже Полярного круга (Circulus Arcticus)

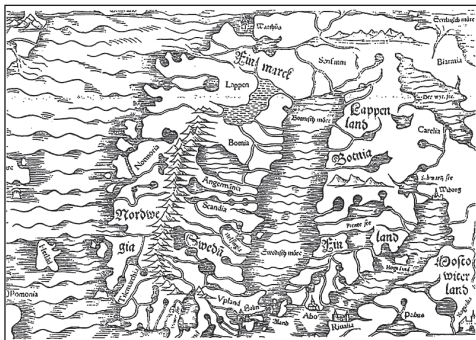

том, говорит на их языке [*сарматском*] – маре марус, что значит мертвое море, а маурема значит поморие, или приморская, многоводная земля. Потому и дондесь поморие северное около Двины и Колы именуют Мауремани и Мурмани, яко и град Муром, мнится, как от множества болот и от народа, пришедшего от моря, имя свое получил. И сие по изъяснению древних географов»¹. Мурмане как *мауремани*, таким образом, – первоначальное историческое обозначение поморов. В этой связи нелишне заметить, что в наше время вновь всплыло из генетической памяти это забытое слово «мауреман» в виде народного «мореман», синонимами которому признаются: «мореплаватель, мореход, корабельщик». При этом важно отметить, что слово «поморы» как особое имя для народа морских побережий сохранилось только на Русском Севере.

Так что понятие «мурмане» – это вовсе не синоним норвежцам. Наиболее определенно об этом свидетельствует предание, которое было записано в 1592 году «послами Великаго Государя нашего царя и Великаго князя Федора Ивановича»². Предание это вспоминает именно те вре-

¹ Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. I. С. 247.

² «Опросные речи данщиков и которые люди з данщики в Лопи езживали и всяких людей старожилцов, которые сказались в Лопской земли знатцы и про рубежи им ведомо, сказывали послом князю Семену Звенигородскому с товарыщи». ЦГАДА, ф. 53. Сношения России с Данией. 1614 г., № 1.

Норвегия на карте Адама Бременского весьма далеко отстоит о Халогаланда.

Рис. из книги: *Norges Historie af A. Bugge. Kristiania. 1916*

мена, когда повелением Александра Невского земли биармийцев передавались кореле. «Был в Кореле и во всей Корельской земле большой Владелец, именем Валит или Варент, а послушна была Корела с Двинскою землею Великому Новгороду, и посаженник был тот Валит, посажен на Корельское владение от Новгородских Посадников». «И начал Валит Мурманскую землю войною под свою власть приводить. **Мурмане били челом Норвецким Немцам**, чтоб они по соседству за них стали»¹. «Норвецкие немцы» – вот как звали тогда норвежцев.

В этом повествовании мурмане – все те же биармийцы, изгнанные с Кольского Севера при новгородском князе Александре Ярославиче в середине XIII века. Это биармийцы, принятые тогда королем «норвецких немцев» Хаконом IV Старым и размещенные на территории норвежского Галогаланда.

Мы выше вспоминали этот народ, приводя отзыв о них преподобного Лазаря Мурманского (начало XIV в.): «Лопь и Чудь, страшные сыродцы»². Откуда к Онежскому озеру, к острову Мурма приходили они, в середине XIX века историки об этом еще помнили: «лопари и мурманская чудь кочевали по мурманскому берегу»³.

Размышляя об понятии «мурмане», или «урмане», можно попытаться еще оттолкнуться от известного понятия «урман», что бытует в тюркской языковой группе. Как известно, сарматы, упомянутые Татищевым, были вытеснены тюрками и славянами, но определенная языковая преемственность имела место. Так вот, урман – (тюрк.) дремучие

¹ Варашев камень // Олонецкие губернские ведомости. 1841. № 4. С. 14.

² Филарет (Гумилевский), архиепископ. Русские святые. Чернигов, 1864. С. 60.

³ Толстой М.В. Рассказы из истории русской церкви. В пяти книгах. Издание шестое. М., 1899. С. 230.

обширные темнохвойные леса по болоту, на заболоченных участках равнин или вдоль рек. Также урманы – и ныне сохранившийся род в составе башкир, те, которые живут в таких лесах. В пользу того, что на Кольской земле можно встретить тюркские этнонимы, говорят достаточно яркие примеры. Названия мыса Кашкаранский и нынешнего села Кашкаранцы, по сути, не оставляют нам вариантов: столь явственно звучит в них известное тюркское слово «кашкар» – волк.

Так что вопрос о том, кто изначально принес на Кольский Север этот этноним и дал название урмане, или мурмане, жившему здесь с древних времен народу, остается открытым. Если учесть, что наиболее древним расовым типом башкир считается светлый европеоидный, а наиболее поздним – южносибирский, то их пребывание на Севере Европы в древности становится вполне вероятным. Кроме того, на сегодня доказана их связь со скифским прошлым нашей страны. «Скифские» и «гуннские» пласты в формировании древнетюркского культурного комплекса, «постепенно модернизируясь и взаимно проникая друг в друга, становились общим достоянием культуры многочисленных групп населения... древней и раннесредневековой культуры кочевников и нашли свое отражение в произведениях искусства и ритуальных сооружениях»¹.

На карте авторитетнейшего знатока Севера XVI века голландца Симона ван Салингена название «Белое море» относится лишь к области нынешнего Онежского залива. Современное же Белое море, омывающее берега Терского берега, называется Мурманским, что справедливо, поскольку нет сомнений, что эти берега были нашими искони.

---

¹ Савинов Д.Г. О «скифском» и «хуннском» пластах в формировании древнетюркского культурного комплекса // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы–М., 1998. С. 131.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ЛАПЛАНДИИ ПОСЛЕ 1237 ГОДА. ВОЕННАЯ И САКРАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭТОГО ПРОЦЕССА

§ 1. Перемены 1237 года

«**В** норвежской части тундры наступило “немирье”»¹ – так характеризует ситуацию, сложившуюся в XIV веке на Кольском Севере, известный российский ученый И.П. Шаскольский. Описывая это «немирье» и называя земли Лапландии «норвежской частью тундры», уважаемый историк имеет в виду Финнмарк², территорию, протянувшуюся на запад от Кольского залива к Варяжскому заливу (Varanger fjord) и до самой северной провинции Норвегии в то время – Галогаланда (район нынешнего Тромсе). Однако следует возразить: сам факт сбора дани с лопарей в этой части Лапландии королевскими «фогтами» не является достаточным основанием для того, чтобы объявлять эти земли норвежскими. Именно эти возражения правившего тогда в Новгороде великого князя Александра Ярославича были решительно продемонстрированы «детьми корельскими» в жестоких стычках с норвежскими сборщиками дани.

Надо сказать, что здесь вновь получило развитие древнее противостояние народа корелы с норвежскими квенами, впоследствии «хельсингами шведскими». Об этом противостоянии упоминает под 877 годом в своей «Истории Норвегии» средневековый историк Т. Торфей³. И если Русь в этом сборе дани с аборигенов Севера – лопарей сделала ставку на корелов, то Норвегия действовала через квенов.

---

¹ Шаскольский И.П. Сведения об истории Руси в X – XIV вв. в Исландских анналах // ВИД. СПб., 1994. Т. 25. С. 231.

² Finnmarken – «финское поле». Финнами норвежцы называли лопарей. «Маркен» – та самая пустынная «мархия», упоминаемая в древней рунной грамоте о границах.

³ Бутков. Три древних договора. С. 550.

Потребности Руси в дани, собираемой с северных народов в виде меха, «мягкой рухляди», до определенного момента вполне удовлетворялись на обширных лесных территориях Заволочья, Перми и волости Тре. Однако с 1237 года ситуация стала меняться радикальным образом. Огромная монгольская империя, простиравшаяся от Пекина до Волги, жестоко привела в подданство русские княжества и заявила о своих потребностях в северных мехах. Одновременно воспользоваться сложным положением Руси решили и населявшие Кольский полуостров биармийцы (чудь), прекратив посылать дань Новгороду. Биармийцы являлись посредниками в поставках в Новгород мехов, собираемых с терфиннов – лопарей, за что получали соответствующую долю – «празгу».

Таким образом, именно в середине XIII века стало очевидно, что прежняя политика Новгородского государства в отношении Крайнего Севера больше не отвечает ситуации, возникшей на Руси вследствие монголо-татарского нашествия 1237–1241 годов. Можно уверенно утверждать, что именно жесткие условия политической и даннической зависимости русских княжеств от ханов Золотой Орды подвигли российские власти на решительные действия по освоению и, более того, присоединению территории Крайнего Севера к русским землям. И если о роли и значении «монголо-татарского ига» в истории становления Российского государства у историков существуют, прямо скажем, противоположные мнения, то положительная роль «ига» как стимула к приращению Руси Крайним Севером очевидна.

Это новое и активное военное продвижение новгородского владычества на Крайний Север осуществлялось верным союзником Новгородского княжества – народом корела.

§ 2. Корела-кирьялы. Третий шведский Крестовый поход

Надо отметить, что у Великого Новгорода сложились особые отношения с языческой корелой (кирьялами), многочисленным финским племенем, изначально жившим вокруг Ладожского и Онежского озер.

Современный народ **карелы**, как полагают, сформировался в результате смешения древних племен **корелы** с весью (чудью) и лопарями. В документах древности этот этнос упоминается только как **корела**. С глубокой древности и до начала XVII века национальным центром народа ко-

релы (и Корельского уезда Водской пятины) являлся город Корела. Как полагают современные исследователи, искажение исторического названия – корелы, когда буква «о» превратилась в «а», явилось следствием доминирования московского говора с его традиционным «аканьем», в то время как изначальному новгородскому диалекту (народ корелы – давние поданные Новгородской Руси) и северорусским говорам в целом было присуще «оканье»¹.

Языческая корела оказалась деятельным союзником Новгорода, часто выступая против непокорных чуди и еми и оказывая энергичное сопротивление нападениям шведов. Первое документальное упоминание о Корельском ополчении великого князя Киевского Изяслава Мстиславича относится уже к началу XII века. И это не единственное свидетельство тесных связей народа корелы с Русью: «С 1140-х годов летописи постоянно упоминают корелу как племя, прочно и потому, видимо, достаточно давно вошедшее в северорусскую политическую орбиту»². «Новгородская летопись под 1142 годом говорит о корелах как о части Новгородской волости: “совокупися вся волость Новгородская: псковичи, ладожане, корела”»³. И далее, под 1170 годом, когда исчисляются жители новгородских волостей, собравшихся против Ярослава Ярославовича, корела упоминается вновь: «И совокупилась в Новгороде вся волость новгородская, псковичи, ладожане, Корела, Ижора, Вожане; и пошли все к Голину от мала до велика, и стояли неделю на брое, а полк Ярослава по другую сторону»⁴.

Для нашего исследования важно подчеркнуть, что именно народ корелы стал главной действующей силой Новгородской Руси в вопросе доминирования на Кольском Севере, и «в западноевропейских источниках древние корелы выступают как конкуренты в освоении северных районов, пограничных с Норвегией»⁵.

Помимо военного союза с Новгородом, корела стала реальным помощником в вопросе сбора дани при колонизации Крайнего Севера. Имея особые полномочия и выступая в качестве посредников, «данни-

¹ Обросов О. Древняя цивилизация Русского Севера // Коношские ведомости. Коноша. 2007. (№ 37). С. 12.

² Кочуркина С.И., Спиридонов А. М., Джаксон Т.Н. Письменные известия о карелах (X–XVI в.). Петрозаводск, 1996. «Обстоятельства и дата распространения древнерусской государственной территории и дани на корелу не нашли отражения в источниках, но можно достаточно уверенно отнести этот процесс ко времени не позднее начала XI в.».

³ Цит. по: Ордин К. Покорение Финляндии. С. 6.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.–Л., 1950. С. 89.

⁵ Кочуркина С.И. Древняя корела // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 161.

ки» имели в XIII–XV веках право в «лопь ходити и празгу имати»¹. В Новгородской Первой летописи под 1216 годом упоминается терский «даньник», сборщик податей с коренного населения Терского наволока (Кольского полуострова) – терфиннов в пользу новгородцев². Надо сказать, что эти края издревле принадлежали биармийцам, и скандинавы на земли самого Кольского полуострова не претендовали, хотя дань с лопарей собирали. В то же время биармийцы (чудь) издревле собирали и платили дань Новгороду, что было хорошо известно в Скандинавии: «Великий князь Русский уже со старых времен имеет главное право на сбор дани на Trinnes [на Кольском Севере. – Е. М.]»³.

И если о присоединении этих земель к Руси изначально вопрос не стоял, то с первой половины XIII века ситуация изменилась радикально. И мы видим, что в 1265 году в числе новгородских волостей уже стали упоминаться Колоперемь и Трь (Тре) как части Русской Лапландии⁴.

Что касается просвещения этого племени, то новгородские князья и архиереи предпринимали реальные шаги по крещению корелы на уровне государственной политики. Причиной для активизации этих шагов послужила упомянутая выше религиозная экспансия Швеции, понуждаемая Папским престолом к активным действиям против «русских схизматиков» в районах расселения финно-угорских племен на побережьях Финского и Ботнического заливов.

На этих землях возникло очевидное и острое противостояние, и требовались конкретные усилия, дабы перехватить инициативу по обращению в веру корельского народа. В результате «корела сердитая»⁵ официально считалась крещеной с 1227 года. Именно в этот год, согласно Лаврентьевской летописи, «в лето 6735 князь Ярослав Всеволодович послал крестить множество корел, мало не все люди»⁶.

¹ Купчая на участок Парандоев, купленный Павлом, Иваном и Борисом у Бориса Калтоева. 15 в. // Материалы по истории Карелии XII–XVI в. Петрозаводск, 1941. С. 121.

² Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. М.–Л., 1950. Ч. 1. С. 57.

³ Перссон Я. Наши права на Лаппмаркен и Триннес. С. 18.

⁴ Кеттен П.И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб, 1861. С. 351.

⁵ С таким эпитетом, по сообщению Б.А. Рыбакова, в былинах «Чурило Пленкович» и «Дюк Степанович» (1140 и 1150-е гг.) упоминаются воины-корелы. Изначальное значение слова «сърдь» – «гнев», а позже – «сердце» (вспомним – «в сердцах»), а прилагательное «сърдитый», то есть «гневный, злой».

⁶ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 2-е изд. / Под ред. Е.Ф. Карского. Вып. 1–3. Л., 1926–1928. Т. 1. С. 449.

В то же время, спустя почти полвека, в 1272 году, среди «стран поганных» [*то есть языческих. – Е. М.*] Псковская Третья летопись вновь упоминает «литву, чюдь, корелу». Оно и понятно, поскольку крещены были лишь те корелы, которые регулярно переходили из рук в руки, приводясь под власть то Швеции, то Руси. Это были корелы, проживавшие на Корельском перешейке и по границе с народом емью¹, вплоть до области Саво (Саволакс). О том, что просвещение корелы в это время не имело сколь-нибудь систематического характера, свидетельствует итог «миссии», подведенный через сто лет: в 1339 году Софийская Первая летопись признает, что корелов крещеных «суть в нашу веру мало бе <...> осталось, а то вси помроша гневом Божиим».

Надо заметить, что «финские исследователи интерпретировали в свете западной традиции крестовых походов это сообщение о крещении корел как принудительное. Однако вся словесная форма источника не дает права на такую трактовку, к тому же Русская Церковь никогда не предпринимала крестовых походов»².

Тем временем наступил так называемый Третий шведский Крестовый поход – шведская военная экспедиция 1293 года в Корелию, которую тогда контролировала Новгородская республика. Надо заметить, что такое деление шведских нашествий на «три Крестовых похода» весьма условно, поскольку военно-политическое противостояние между Новгородской Русью (а в дальнейшем и Москвией) со Швецией носило перманентный характер и «третьим походом» уж точно не ограничилось. Бесславные походы короля Магнуса II Эрикссона в XIV веке, коих мы коснемся несколько позже, тому подтверждение.

В результате этого эпизода борьбы в конце XIII века шведами был возведен Выборгский замок. Попытки взять крепость штурмом оказались безуспешными. В результате западная Корелия стала провинцией Швеции более чем на 400 лет. Западные корелы, поселившиеся у Выборга и в районе озера Сайма, стали называться корелой немецкой. Возникшее раздвоение государственной зависимости было чрезвычайно пагубным для народа. Отныне Новгород воспринимал корелу, подчиненную шведам, как своих врагов, равным образом и шведы воспринимали врагами

¹ Емь – «основное этническое ядро, из которого образовался финский народ». Пауцито В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. С. 100.

² Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä. S. 12.

корелу, оставшуюся за Новгородом. Таким образом, народ корелы оказался «между двух огней». Но экспансия Швеции не прекращалась.

Спустя всего два года после возведения крепости Выборг крепостной гарнизон шведов захватил один из центральных поселений новгородской Корелии – городище Корелу, где они попытались заложить еще одну крепость Кексгольм, но новгородцы отбили поселение и срыли крепость. Вскоре поселение Корела было превращено в мощную русскую крепость – нынешний город Приозерск.

Надо отметить, что, даже оставаясь в основной своей массе языческим, народ корелы оказался чрезвычайно активным помощником Новгородской Руси в ее продвижении на Крайний Север. Карелы стали тем народом, что пришел на Кольский Север вместо изгнанных оттуда биармийцев. Именно с появлением корелы на Кольском Севере связаны первые сообщения о Лопской земле в норвежских источниках середины XIII века – Исландских анналах. Корелы, как поданные Новгородской Руси, в это время объявились в Лопарской тундре, в той ее части, которая «считалась норвежской», и стали нападать на данщиков короля и биармийцев, отбирая собранную с лопарей дань.

Как свидетельствует «Сага о Хаконе, сыне Хакона», взаимные грабежи собранной дани были непрерывными, и «нападали друг на друга управляющие конунга Хакона на севере в Марке и восточные кирьялы, те, что были обязаны данью конунгу Хольмгардов»¹.

Становилось очевидным, что начался процесс политических и экономических перемен на Кольском Севере. «Все норвежские сообщения ясно показывают, что в течение всего XIII и в начале XIV веков господствующее положение в Финнмаркене и тем более в собственной Лапландии занимали новгородцы и подвластные им карелы»².

§ 3. Корельские валиты – военные лидеры тундры

Корельские дружины имели строгую систему подчинения. С давних времен, как минимум с VII века, во главе воинских подразделений стояли избираемые народом воеводы-атаманы, имевшие особый местный титул «валит». «Валит не есть личное имя – в буквальном

---

¹ Джаксон Т.Н. Александр Невский и Хакон Старый: обмен посольствами // Князь Александр Невский и его эпоха. Материалы и исследования. СПб., 1995. С. 134.

² Кааран А. К истории русского Севера. С. 27.

Выборгский замок построен шведским маршалом Т. Кнутсоном в 1293 году в ходе Крестового похода против корел. Фото 1880-х годов из книги «La Finlande pittoresque», Helsingfors. 1886

смысле этого слова. Слово “*valita*” – карельское и финское и означает “избранный”, “выбранный”»¹. Первоначально валиты не были князьями в собственном смысле слова, поскольку ни суверенностью, ни наследованием титула они не обладали. Главными требованиями к валиту были богатырская сила и навык в ратных делах. Валитом также мог стать и старейшина крупных северных погостов. При этом надо сказать, что в этническом составе этого географического места могли находиться кроме корелов и иные представители аборигенов севера: емь, весь, лопь, а также славяне.

«Считается, что в *Sage о Хальвдане Эйстейнссоне (Hálfðanar saga Eysteinnssonar)* имеется первое упоминание валита, властителя корелы (страны Кирьялаботнар) по имени Валь. Как говорится в главе «Прядь о Вале», вначале он «обитал в Думбсхаве» (*Dumbshaf*), «под которым понимается северо-западная часть нынешнего Баренцева моря у побережья Норвегии (*Simek 1986. S. 257*)»². Это побережье Варангер-фьорда

¹ Попов А.И. Валит // Советское финно-угроведение. Таллин, 1949. Т. 5. С. 133.

² Исландские викингские саги о Северной Руси / Пер. и коммент. Г.В. Глазыриной. М., Ладомир, 1996. Прим. 137.

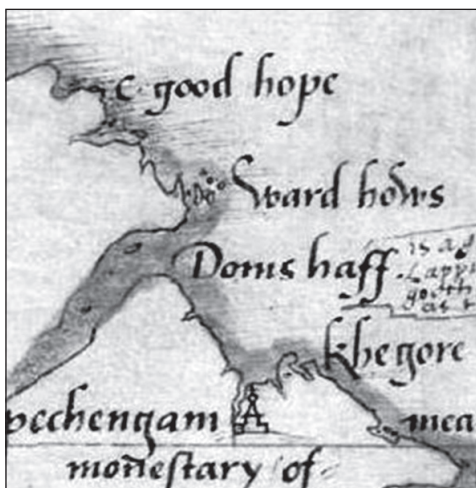
Северные воеводы-валиты отличались силой и ростом.
Рис. из книги «Historia de gentibus...», О. Magnus, 1555

близ нынешнего города Варде, и, таким образом, мы вновь убеждаемся в древней заселенности этих мест. В дальнейшем воин Валь подчинил себе и весь Бьярмаланд. Интересно, что когда его родственники пришли оспаривать их право на владение Бьярмаландом, то «нашли его к северу от Гандвика [Белого моря. – Е. М.]». Таким образом, согласно с этим источником, место Бьярмаланда находилось на Кольском полуострове.

Надо заметить, что в этой саге речь идет о временах весьма давних, где мы можем обнаружить истоки понятия «валит» и проследить процесс формирования власти «конунгов», или «природных князей».

§ 4. Мистика княжеской власти и проблема самодержавия

Понятие «природный князь», безусловно, имеет очень древние истоки и опирается на онтологические основания законности княжеской власти. Если вспомнить легендарных Аскольда и Дира, то они, вроде бы успешные викинги из дружины Рюрика, были убиты князем Олегом именно за самозванство. «И сказал Олег Аскольду и Диру: “Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода”, и затем показал Игоря: “А это сын Рюрика”». Аскольд и Дир, «не родственники» Рюрика, заплатились за присвоение властных полномочий князя (конунга).

Думбсхаф (Dumbshaf) на рабочей карте английского путешественника В. Борро 1557 года обозначен в Варангер-фьорде. Севернее – крепость Вардехуз, южнее – мыс Кегор, еще ниже – Печенгский монастырь

В свое время они «отпросились в Царьград со своим родом», а вместо этого остановились на берегу Днепра, «собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян» и княжить в городке Киев, не имея на то «природного» права. «Можно утвердительно сказать, что слово “князь” (“кнезь”) было известно нашему племени в самой глубокой древности, еще в патриаршеском состоянии, при некоем *Боксе*, умерщвленном готфами в IV веке»¹.

Уважение, которое питали к княжеской власти северные народы, «носило во многом религиозный характер, позволяя воспринимать князей как потомков богов, одаренных вследствие того особым счастьем в войне, которым они могут поделиться и с дружинниками. Летописи неоднократно упоминают необходимость присутствия князя в битве, добавляя, что бояре не так слушались»².

Исландско-норвежский собиратель саг начала XIII века Снорри Стурлусон, приводя объяснения сути понятия «конунг», или, в российском звучании, «князь», писал так: «Когда Олав получил под свою команду корабли и дружину, дружинники стали называть его конунгом, поскольку таков был обычай: сыновья конунгов, становясь во главе дружин, назывались конунгами, хотя они могли и не править землями ... Это были викинги, которые во главе больших дружин постоянно были в походах.

¹ Опыт изъяснения слова Князь // Северный архив. СПб., Типография Н. Греча. 1824. Июнь. № 11. С. 220.

² Соловьев С. Отношение Новгорода к великим князьям // ЧОИДР. М., 1846. № 1. С. 25.

Князь Святослав совещается с дружиной.
Миниатюра из рукописи «Обозрение
истории» византийского хрониста XI–XII вв.
Иоанна Скилицы

Они по праву называли себя конунгами, хотя они и не правили землями»¹. Такой конунг всегда был рядом со своей дружиной, он был обязан смело сражаться лично, рисковать жизнью, быть образцом в бою и, конечно же, справедливо делить трофеи.

Такое устройство княжеской власти имеет очень древние корни и зиждется на законах, освященных тысячелетиями. О выверенном балансе отношений между вождем и дружиной пишет еще древнеримский историк Тацит: «Во время сражения вождю стыдно оказаться превзойденным чьей-то храбростью, дружине же стыдно не равняться на вождя; вернуться же живым из боя, в котором пал вождь, значит на всю жизнь покрыть себя позором и бесчестьем. Защищать вождя, оберегать его и приписывать свои подвиги его славе – в этом главная присяга дружинника. Вожди сражаются за победу, дружинники – за вождя»². При этом не стоит переоценивать роль дружины в вопросе обладания властными полномочиями либо «демократический» характер отношений с князем в вопросе принятия государственных решений. Так, например, в самых ранних договорах «с греками в X веке носителями государственной власти на Руси выступают киевский князь и целокупность княжеского рода (и политическая стихия торгово-ремесленных центров), тогда как дружина в качестве субъекта политического властвования никак не представлена»³.

Это чувство «природного князя», законность и равенство властных прав его носителей были определяющими в течение долгого периода средневековой государственности северных стран. В Киевской и Новгородской Руси великокняжеская власть всегда хорошо понимала всю опасность попыток радикально централизовать государственное устройство.

¹ Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1981. С. 161.

² Тацит П.К. Германия. Сб. документов / Сост. Граков Б.Н., Моравский С.П., М., 1937. Гл. XIV.

³ Назаренко А.В. Князь и дружина в эпоху договоров Руси с греками // Русь в IX–XII веках. М.–Вологда. 2014. Ч. 1. С. 22.

Венчание на царство Великого князя Владимира Мономаха 4 мая 1113 года. Гравюра из журнала «Север», СПб., 1889

Именно потому реально появившийся на Руси «Великий Князь и **Царь Киевский** Володимер Мономах»¹, получивший законные Царские регалии² из Византии от его деда Императора Византийского Константина Мономаха, «хорошо понимал, что венчание, совершенное над ним по желанию его деда, не могло присвоить ему никаких особенных прав, ибо в то время родовые отношения между князьями были в самой силе и полном развитии и не благоприятствовали единовластию»³. Известно, что, умирая, Владимир Мономах завещал: «да не венчают никого на царство по моей смерти. Отечество наше разделено на многие области; если будет Царь, то удельные князья от зависти начнут воевать с ним и государство погибнет»⁴.

¹ Прибавление к Ипатьевской летописи: «В лето 6634 (1126) ...»

² «Царственные регалии Московских царей: венец, или Мономахова шапка, бармы Мономаховы, скипетр, держава, крест животворящего древа, золотая царская цепь и чаши Кесаря Августа». О правах Верховной власти в Московском Государстве // Известия и ученые записки Казанского университета. Казань, 1877. № 3. С. 463.

³ Оболенский М.А., князь. Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем 1561 года. М., 1850. С. 44. (Далее: Оболенский. Соборная грамота 1561 года).

⁴ Там же. С. 46.

Мудрость Мономаха подтверждается и примером соседних государств. Короли скандинавских стран, так называемые конунги, усвоив себе столь громкий титул, подчас по своему реальному статусу стояли ниже великих князей Руси. «Образ средневекового короля Северной Европы как полновластного господина, перед которым заискивают придворные, – плод глубокого заблуждения»¹. Такая или примерно такая «самодержавная» власть сложилась «во всей Европе того времени, король с трудом поднимается над знатью – господами, практически равными ему по рождению, а зачастую и по богатству»². Власть конунга реально могла опираться лишь на силу оружия.

На Руси первые попытки укротить гордость удельных князей предпринимали великие князья периода золотоордынского ига, начиная от Ярослава Всеволодовича и особенно при Александре Ярославиче (Невском). Именно опора на неодолимую силу Орды и ханский ярлык на великокняжеское правление явились теми рычагами, что позволили Александру Невскому успешно решать многие государственные вопросы, требовавшие сильной единоличной власти.

Лишь московские великие князья, начиная с Ивана III, реально смогли приступить к этому болезненному процессу централизации власти. И если Иван III еще допускал в свой адрес возражения со стороны бояр – «многия поносные и укоризные словеса», то сын его Василий III эту последнюю боярскую вольность жестко пресек. Хорошо известен хрестоматийный факт – попытка весьма уважаемого и родовитого боярина Берсена Беклемишева «по старине» что-то возразить великому князю. Гневный окрик и энергичный пинок завершили долгий период боярских вольностей: «Пойди прочь, смерд. Не надобен ми еси!» Свое монаршее достоинство Василий III определил еще в чине венчания на царство: «сам Великий Государь Царь и Великий князь Василей Иванович, всеа Руси самодержец, прося у Вседержителя Бога милости, венчался царским венцом и диадимою, по древнему их царскому чину и достоянию»³.

О том, как активно продолжил этот процесс и насколько радикально вскоре решил проблему боярских прав и претензий на власть Иоанн Гроз-

---

¹ Сванидзе А.А. «Хроника Эрика» (Erikskronikan) и исторические реалии средневековой Швеции // Хроника Эрика. М., РГГУ. С. 145.

² Там же. С. 153.

³ Белокуров С.А. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906. С. 81.

Великий князь Василий III Иванович. Гравюра из книги Андре Теве (Thevet) «Реальные жизни и портреты прославленных мужей...» 1584 г.

ный, фактически изведя их многие древние роды, никому напоминать не надо. Как и в Европе, в России процесс становления монархической, императорской власти в первую очередь требовал нейтрализации именно древних природных князей и их родов, поскольку они все были равны, а порой и выше претендента на абсолютную власть по знатности своих родов. Помочь в этом монарху могла лишь новая знать, не столь давно вышедшая из народа. «Аристократов крови из старинных знатных родов все больше теснила новая, служилая знать, господа, продвинувшиеся на королевской службе и получившие свои владения и должности как плату за службу»¹.

Говоря о международной политике, надо сказать, что для первого русского царя Иоанна Грозного вопрос законности власти, а тем более Богом данного монаршего достоинства, являлся определяющими в выстраивании характера межгосударственных отношений. И в этом смысле, например, решительное неприятие им Швеции и ее правителей носит принципиальный характер. Иоанн решительно не признает ни возможности появления «избранного короля» Густава Вазы, ни возвышения Швеции до уровня европейской державы, равным образом не признает и всех последующих шведских королей. Появление в Европе нового избранного безродного монарха для Иоанна Грозного было и всегда оставалось совершенно неприемлемым: «И мы тому удивляемся, откуда это на тебя гордость и сила взошла, что ты в том быти не хочешь, в чем отец твой был»². И Грозный вновь неумолимо возвращает шведские власти к взаимодействию на прежнем уровне Новгородской Руси: «Царь никогда не примет Шведского посла, а если у шведов есть какие-нибудь дела до России, то могут они обращаться с ними к его новгородским наместникам»³.

¹ Сванидзе А.А. «Хроника Эрика» (Erikskronikan) и исторические реалии средневековой Швеции // Хроника Эрика. М., РГГУ, С. 155.

² Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 16. (Далее: Штаден Г. О Москве Ивана Грозного).

³ Отчет о путешествии 1575 года Илии Эйзенберга. Цит. по: Аделунг. Древнейшие путешествия иностранцев по России. С. 183.

Вид на гору Домен («Лысую гору») на подъезде к г. Вардё

Потому и был Иоанн Васильевич столь решителен и беспощаден в утверждении своей абсолютной царской власти и при этом столь же щепетилен в вопросе законности ее статуса и обоснованности наследования русскими царями власти «римских кесарей».

Этот эпизод становления российской державности особо важен для нас, поскольку он напрямую связан со славными деяниями преподобного Феодорита, просветителя Кольского, и его Константинопольской миссией¹.

§ 5. Гора Домен и Думбсхав как языческие центры магической духовности

Разбирая сакральные истоки власти князей-конунгов древности, обратимся к месту обитания первых валитов, властителей корелы – к Думбсхаву (Dumbshaf). Наименование Dumbshaf у древних скандинавов соотносилось со всем побережьем Северного Ледовитого океана, но непосредственно было связано с названием «Dumb» – старой формой нынешнего названия знаменитой горы Домен (Domen), высотой 125 метра и расположенной на самой западной оконечности полуострова Варангер. Впоследствии, в 1307 году вблизи этой горы была воздвигнута норвежская крепость Вардехуз с церковью (при нынешнем городке Варде). «Dumb» в переводе с норвежского – «лысая». Эта «Лысая гора» с голой и плоской вершиной, одно из тех особых мест на земле, которые прочно увязываются с владениями «князя тьмы» и его служителей. Согласно древним преданиям именно у этой горы находится вход в преисподнюю ада.

---

¹ Об этом: Житие преподобного Феодорита, просветителя Кольского: в излож. иеромонаха Митрофана (Баданина). Мурманск, 2006. (Кольский патерик: Книга I). С. 119–126.

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ГОРЫ ДОМЕН (В ДРЕВНОСТИ ДАМБР)

Думбсхав – район горы Домен, как некий символ языческого мира древности и сосредоточение духовного неблагополучия, даже с приходом христианства на эти земли продолжал свою разрушительную работу.

В XVII веке (с 1601 по 1663 гг.) в этом районе Финнмарка у горы Домен проживало около семидесяти ведьм, при населении в несколько сотен человек. Историки справедливо полагали, что такая ситуация сложилась

«Волшебные палочки». Такова подпись под этим рисунком О. Магнуса. Автор подчеркивает, что личные рунические жезлы были повседневным предметом всех слоев населения Севера

как следствие полноценно воспринятого норвежцами наследия лопарской и биармийской языческой духовности. И вообще, в те времена считалось, что магические знания пришли в Европу «с Северным ветром».

В 1621 году в крепости Вардехуз состоялся знаменитый суд над ведьмами, которых обвинили в совершенной ими мести в виде наведенной на рыбаков с помощью магии невиданной ранее бури (когда «море и небо стали одним целым и погибло десять судов»). В результате расследования подробные признания о своих колдовских действиях дали десять женщин. Все они были казнены через сожжение. Всего в период с 1621 и 1663 годы в Северной Норвегии были осуждены за колдовство сто пятьдесят человек. Среди них были и мужчины (все саамы), но большинство все же были женщины-норвежки.

Одним из сакральных компонентов того древнего языческого мира, как в районе Думбсхава, так и Страны Йотунхейм в целом, были особые могучие существа «йотуны», исполины или великаны Севера. «Братья-викинги ходили в Думбсхав и грабили там великанов. У Рагнара для этого был корабль, называвшийся “Рагнарсслоди”, на котором было сто гребцов... Ракнар подчинил себе незаселенный Халлугаланд и губил там великанов. Его брат Валь обитал в Думбсхаве. Эти братья считали, что они унаследовали Бьярмаланд после дяди Харека, брата их матери»¹.

¹ Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С. 87.

Скандинавская женская магия. Рисунок О. Магнуса

Упомянутые в этой древней саге великаны («йотуны» – *jötnar*) – коренные жители этих мест, появившиеся здесь во времена допотопные и дожившие в этом языческом «заповеднике» до Средних веков. «Йотуны предстают существами могучими, древними, злонамеренными и мудрыми»¹.

Великаны Севера – неотъемлемая часть языческого прошлого этого края. Как известно, старинное название скандинавского Крайнего Севера – Йотунхейм, или Страна Великанов (др.-сканд. *Jötunheimr*). Но в дальнейшем эти существа перемещаются на восток Европейского Севера. Саксон Грамматик утверждает, что «гиганты теперь удалились в те пустыни, которые лежат на север от Норвегии по ту сторону Гандвика»² – то есть по ту сторону Белого моря, в район Югры, о чем, собственно, сообщал и другой путешественник – Ахмед ибн-Фадлан, чего мы коснемся ниже.

Так же и прибрежные горы Финнмарка называют *jotunfjeldene* – «горы великанов». Как свидетельствует очевидец, «моряки и рыбаки обозначают опасные или заметные скалы именами великанов и в наше время говорят о них как о живых существах»³. По местным по-

¹ Еременко А.Б. Трактровка великанов в викингских сагах: эволюция образа // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 2004. С. 59.

² Саксон Грамматик. Деяния данов. Цит. по: Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 89.

³ Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. С. 78.

Сожжение ведьм. Гравюра Ф.А. Брокгауза по рисунку М.А. Зичи. Журнал «Север», 1884 г.

верьям, все те великаны после своей кончины стали морскими духами (демонами)¹.

Неуспокоенные души этих существ являлись лопарям и в XIX и в XX веках, представляя собой повседневный фон их жизни. «Дикий крик раздался в воздухе, – свидетельствует путешественник, – “Что это?” – “Да не знаю, – отвечает лопарь, – много по ночам голосу разного бывает в тундрах. Кричат. Разные есть. В пахтах каменных там белые, большие являются. Без всего ходят, нагишом, но все молча”»². Поморские рассказы также не обходят стороной такие свидетельства: «когда строят дома, то находят кости большие – как и нечеловеческие – такие большие кости»³.

В финском эпосе «Калевала» исполинский рост древних обитателей страны Похьёлы («темного царства») неоднократно подчеркивается в рунах:

¹ Об этом см.: Weinhold K. Die Riesen des germanischen Mythos // Sitzungsberichte, Wien, D. – XXVI. S. 253–254.

² Пинегин Н. Из записной книжки туриста // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск. 1910. № 17. С. 30–31.

³ Криничная Н.А. Северные предания. Беломорско-Обонежский регион. Л., 1978. № 47.

На петроглифе из шведского Богуслена (кон. II тыс. до Р. Х.) видно, как гребцам на ладье ударами молотов задают ритм гребли некие существа-исполины. Из воды выпрыгивает «нечто» также немалого размера

Сына Похьёлы зову я –
Ты Лапландии питомец,
Великан земли туманной
Вышиной с сосну ты будешь ...

Атеистический взгляд на приводимые факты, конечно, вновь будет снисходительно списывать все на склонность народов древних цивилизаций к фантазиям, на их мифологическое мышление, мифологическое сознание как следствие неспособности научно объяснить физические явления и правильно понять законы природы.

Для нас же особую значимость имеет тот факт, что о причинах появления на земле этих существ ясно свидетельствует Священное Писание. Этого касается Книга Бытия: *«Были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди»* (Быт. 6, 4). Однако наиболее подробно эту трагическую страницу человеческой истории разбирает Книга Еноха Праведного, повествуя о том, как падшие ангелы (Стражи) стали сожительствовать с «дочерьми человеческими», в результате чего стали появляться на свет так называемые хорошо известные в преданиях всех народов земли «полубоги» – исполины.

Помимо многочисленных преданий, сохранившихся в исторической памяти всех народов земли, никак нельзя списывать со счетов письменные свидетельства очевидцев. В 921 году знаменитый арабский путешественник и писатель Ахмед ибн-Фадлан имел возможность лично увидеть одного из тех великанов Севера. Правда, царь Булгар к тому времени уже приказал его убить, поскольку великан тот помимо своей физической силы источал и злую энергию вокруг себя, что вполне закономерно, если вспомнить, кто породил этих монстров: *«Бывало, как взглянет на него мальчик, так и умрет, и беременная взглянет и выбросит свой плод. И бывало, если он овладеет человеком, то сжимает его обеими руками, пока не*

Схватка с лесным исполином. Гравюра Х. Бургкмайра, 1503 г.

убьет его»¹. Интересно, что о таких же повадках великана сообщает и скандинавская сага, описывая схватку с ним героя Хальвдана: «Схватил он тогда Хальвдана и стиснул его бока с такой силой, что у того кровь пошла из ушей и из носа»².

История появления великана, увиденного арабским путешественником в Среднем Поволжье, такова. «Купцы Булгарии шли торговать на Север, вверх по реке Атыл [*древнее название Волги. – Е. М.*], когда началось наводнение, и воды реки принесли этого огромного человека. Купцы прибежали к царю со словами: “О царь! По воде приплыл человек такой величины, что если он из народа, живущего близко к нам, то нет нам возможности жить здесь, и нам ничего другого не останется, как срочно переселяться”. Царь немедленно поехал верхом вместе с ними к реке: “И вот передо мной этот человек, и в нем двенадцать локтей росту [*пять с половиной метров. – Е. М.*], голова у него, как самый большой из котлов, глаза огромны, нос длиной в четверть, а пальцы – каждый больше четверти. Общение с ним привело меня в ужас, и мною овладел такой же страх, как и всеми моими купцами. Мы пытались говорить с ним, но он ничего не отвечал, и только смотрел на нас”»³.

Это существо по повелению царя было доставлено ко двору, и Государь отписал на Север, к народу вису, послание с просьбой рассказать о том, что за существа эти великаны. Из этого можно заключить, что в Булгарии уже слышали о великанах Севера, потому и отписали именно народу вesi (чуди) или, на манер скандинавов, – в Биармию.

¹ Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана. С. 135.

² Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С. 118.

³ Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана. С. 135.

Ответ с Севера гласил, что «этот человек из числа йаджудж и маджудж»¹. Нас и их разъединяет море, так как они живут на другом его берегу. Они подобны скотам, нагие, босые, и открыто совокупаются друг с другом»². Царь Булгар, видя то зло, что исходило от этого человека, повелел «повесить его на высоком дереве посредством крепкой цепи, пока он не умер. “Если ты хочешь посмотреть на его останки, – предложил мне Повелитель, – то я провожу тебя”. Я же ответил: “Клянусь Аллахом, я очень хочу этого”. Мы въехали верхом в большой лес, в котором росли огромные деревья. У одного из них я увидел голову и кости великана. Голова его была подобна большой кадке, а ребра его как большие ветки пальм, и таких же размеров все иные кости. Я изумился этому и удалился»³.

Надо заметить, что эти великаны подробно описаны в исландской «Саге об Одде Стреле» неизвестного автора, описывающего события IX века. При этом совпадает описание их внешнего вида: «нос его был большой и сгибался вниз надо ртом»⁴. Показательно, что герои саги попадают в эту страну великанов (Risaland) в результате неудачной попытки ограбить биармийцев (народ вису), когда под воздействием их магических чар ураганным ветром корабли норвежцев оказались принесены к тем опасным берегам (восточный берег Белого моря).

В Древней Руси в многочисленных историях хорошо были известны предания о волотах – расе могучих великанов древности. При этом совершенно очевидна схожесть названий древних богатырей: воевод-валитов и великанов Севера – волотов. О том, что великаны-волоты вполне могли принимать участие в вооруженных формированиях правителей древних стран, рассказывает еще один путешественник Востока: «Видел я в Булгаре человека из потомков адитов, рост которого больше семи локтей [*три с половиной метра*. – **Е. М.**], и я доставал ему лишь до пояса»⁵. Он был невероятно сильным: поднимал павшую лошадь и легко ломал ее ко-

¹ Яджудж и Маджудж (Гог и Магог), согласно Корану, а также сочинению Прокопия Кесарийского «О персидской войне», – дикие народы, которые «Александр Двурогий» (Македонский) запер, воздвигнув огромную стену из бронзы, смолы и серы, «и вырваться они смогут лишь в день Страшного суда».

² Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана. С. 136.

³ Там же. С. 136.

⁴ Тиандер К.Ф. Поездки норманнов в Белое море. С. 18.

⁵ Надо отметить, как постепенно уменьшался рост великанов Севера. Если путешественники Востока в 921 году говорили о 12 локтях, то в 1131 году – уже о 7 локтях. Очевидно, что так постепенно, по мере укрепления христианства на этих берегах, угасала и «нечистая сила» жизни этих тварей.

сти, а шкуру разрывал в одно мгновение. Царь Булгара изготовил для него кольчугу, которую тот возил с собой на войну на повозке. Железный шлем его выглядел наподобие большого котла. В бою он сражался такой огромной дубиной из крепкого дуба, которую не сможет поднять и сильный мужчина, а в его руке она была как простая палка в руке каждого из нас. Тюрки уважали его и очень боялись. Когда видели его идущим им навстречу, то сразу разбегались в стороны»¹.

Поэтому когда в преданиях древности рассказывают о корельских воеводах-валитах, то вовсе не «для красного словца» упоминают и их невероятную силу: «там, на славу свою, принеши с берега, положил он [валит] своими руками камень в вышину от земли больше косые сажени [около 2,5 м. – Е. М.]»².

§ 6. Лопарские сейды. Духовный феномен северных мегалитов

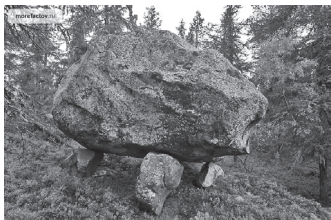
В этой связи становится объяснимой история происхождения и так называемых сейдов, знаменитых мегалитов Севера. Речь идет об особо почитаемых аборигенами огромных камнях, в большинстве своем явно необычно поставленных. Надо заметить, что сейды как объект почитания могли представлять собой и деревянные изображения³. Но в большинстве случаев это каменные глыбы, часто особым образом установленные, например, на небольших каменных подставках, что подчеркивает вмешательство здесь некоей посторонней силы. Источник этой силы всегда был один и тот же – темная сила «падших ангелов», или, проще, бесов.

Для древних великанов Севера, всегда готовых помериться своей силой и «помечающих», наподобие диких животных, границы своих территорий, установка подобного камня была самым подходящим и надежным способом заранее предупредить пришельца о вторжении на чужую территорию. Размер камня сразу указывал приближающемуся чужаку, стоит ли вступать в схватку или лучше не испытывать судьбу. Так самцы диких животных стараются как можно выше потереться спиной о дерево, дабы отметкой своего роста испугать конкурента.

¹ Путешествие Абу Хамида. С. 32.

² Варашев камень // Олонецкие губернские ведомости. 1841. № 4. С. 14.

³ Lindahl E. et Oehrling J. Lapsk, Latinsk och Svensk ordbok / Lexicon Lapponicum, cum interpretatione vocabulorum Sueco-Latina, et indice Suecano-Lapponico. 1780.

Сейд на скальном массиве
Воттоваара в Карелии

В упомянутой выше «Саге об Оdde Стреле» отмечается связь великанов с большими камнями и особые их при этом способности. Вождь великанов Бади, чувствуя присутствие на их территории «бородастых детей» – так они воспринимают норвежских мореходов, – произносит: «Вот я им сейчас пошлю от меня поклон!» И в этот момент герой саги Ода

увидел, что на них с высоты летит большой камень. Мореплаватели поспешили отчалить от берега, когда следующий камень упал совсем рядом в море. «Третий камень прилетел столь огромных размеров, что все ужаснулись. От его падения возникла громадная волна»¹. Вспомним, что на другом конце света в иную эпоху герой гомеровского эпоса великан Полифем также бросал огромные скалы вслед отплывающему Одиссею.

В те жуткие языческие времена вся территория Крайнего Севера была пропитана темной силой мира падших духов и порожденных ими жутких симбиозов беса и человека – великанов, «полубогов» древности. Аборигены Севера, лопари, духовно формировались в этой атмосфере и могли рассчитывать лишь на свои магические способности и тайные знания в вопросе выживания в окружении различных монстров тех времен. И в дальнейшем они в полной мере, повседневно и буднично, общались со своими родовыми «духами-помощниками», и каждый лопарь был колдуном по определению.

В той же мере эту языческую, магическую духовность нес в себе и биармийский народ. Жители страны Вису, древняя весь Севера, оставила о себе воспоминания как о носителях темной силы «полночных земель», от которых лучше держаться подальше: «Жителям Вису запрещено летом вступать в страну Булгар, потому что когда они приходят в эти области, то, даже в самую сильную жару, воздух и вода холодают, как зимой, и у людей начинают гибнуть посевы. И это точно и многократно проверено»².

Об этом же можно прочесть и в норвежских сагах – «в 845 году норманский викинг Рагнар был гоним неблагоприятной погодой, то слишком холодной, то слишком жаркой, которую вызывают биармийцы»³.

¹ Тиандер К.Ф. Поездки норманнов в Белое море. С. 16.

² Путешествие Абу Хамида. С. 31.

³ Storm Gustav. Kritiske bidrag til vikingetidens historie: (I. Ragnar Lodbrok og Gange-Rolf).

Беликаны-йотуны встречают камнями корабли викингов.
«Historia de gentibus...», O. Magnus, 1555

В преданиях народности самоедов также остались воспоминания о языческих волхвованиях биармийцев, заволоцкой чуди. «Чуди они присвоили одно и то же имя, что и самим духам, покровителям различных предметов и стихий – “Сирте”, и поэтому смешивают чудь с духами-невидимками»¹. Надо сказать, что такое отношение к древнему народу Биармии сложилось и в лопарских преданиях, а в дальнейшем и поморской духовной культуре. Все враждебное человеку, противостоящее добру и не-сущее опасность, получило название «чудь». В норвежских сагах, «как и во многих других рассказах, биармийцы связаны с царством мертвых»².

У поморов еще в конце XIX века можно было услышать древнюю молитву-заклятие против сил зла, что произносилось лицом на Север, крестя воздушное пространство: «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа, чудь некрещеная, **схоронись в камень**, размечись по низовью, не от меня грешного, а от Креста Христова: не я крещу – Господь крестит; не я гоню Господь гонит. Молитвенники Соловецкие Зосима и Савватий – наши заступники, и Трифон Печенгский – предстатель и заступник, и Варлаам Керетский – наша надежда: во веки веков. Аминь»³.

Kristiania, 1878. P. 108–109. (Перевод автора).

¹ Ефименко П.С. Заволоцкая чудь. С. 86.

² Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. Случайные рассказы Саксона о биармийцах. С. 330.

³ Немирович-Данченко В.И. Страна холода. СПб., М., 1887. С. 203.

Жители Крайнего Севера хорошо чувствовали черную энергию древних обитателей края. На рисунке тесало каменного века, покрытое магическими рунами.
Рис. из книги: Olf Rudbecks. *Atlands eller Manheims*. P. 2. Upsalæ, 1689

Камни-сейды, в которые «схоронилась чужь», несли в себе энергию, темную силу тех своих давних владельцев, и, обращаясь к ним, к этим каменным «старикам» и «старухам», можно было подпитаться их бесовской силой¹. Но для этого человек должен был признать их могущество и относиться к этим местам с благоговейным почтением. «К этим “passe-walk” (священным местам) лопари питали большое уважение, граничащее со страхом. Они никогда не рисковали раскинуть вблизи свои чумы, боясь, чтобы крик детей или иной шум не потревожил святость тех мест, что могло навлечь какие-либо напасти»².

О том, что эти материальные остатки, уцелевшие предметы того древнего языческого мира продолжают нести в себе силу их прежних владельцев и напитаны той магической духовностью, хорошо знали не только аборигены Севера, но и поморское население. По свидетельствам очевидцев, все артефакты, связанные с каменным веком (топорики, стрелы, ножи и пр.) считались очень ценными находками и использовались для «домашней магии». «Недалеко от села были найдены два кремневых топорика. Как ни странно, в Кандалакше они стали врачебным средством: их обладатель лечит ими от всех болезней, прикладывая топорик к пояснице больного или давая ему пить воду, скаченную стопорика. Продать такой топорик мужик категорически отказался»³.

Другими словами, каменные мегалиты Севера – сейды – это не истуканы, идолы и кумиры. Это материальные объекты, ставшие сосредоточием энергии, связанной с конкретными темными духовными сущностями (пад-

¹ «Лопари часто называют сейды “стариком” или “старухой”, и этот обычай идет с древних лопарей». Визе В.Ю. Лопарские сейды // Изв. Архангельского общества изучения Русского севера. 1912. № 9. С. 457.

² Acerbi C. Voyage au Cap-Nord par la Suede, la Finlande et la Laponie. Paris, 1804. Vol. III. P. 261. (Пер. В.Ю. Визе).

³ Дурылин С. Кандалакшский «Вавилон». (К изучению северных лабиринтов). М., 1914. С. 4.

шими ангелами), доминировавшими в этих краях до прихода сюда христианских просветителей. Наиболее верное определение дает Шеффер, посетивший Лапландию в XVII веке. «Слово сейд, – пишет он, – обозначает всякого рода божественность (toute sorte de Divinitez)»¹. Естественно, «божественность» с маленькой буквы. И не стоит тому удивляться, ибо, как пишет Апостол, «*есть так называемые боги, на небе и на земле, так как есть много богов и господ много*» (1 Кор. 8, 5).

§ 7. Северные воеводы-валиты. От Рюрика до Петра I

Возвращаясь к историческим упоминаниям о деятельности валитов на Севере Руси, перенесемся несколько южнее и отметим, что где-то в VIII–IX веках в качестве общекорельского национального центра начинает возвышаться поселение Корела (нынешний Приозерск). Постепенно и воевода-валит этого города воспринимает статус старшего среди прочих корельских предводителей. В дальнейшем название «валит» как обозначение главного воеводы или старейшины рода стало усваиваться по наследству теми или иными историческими личностями в качестве прозвища или фамилии.

Интересное сообщение о древних «валитах», их родстве с нашими «рюриковичами» и исконной нашей общей устремленности к Крайнему Северу находим мы в одной из рукописей: «... Ходил князь великий Рюрик с племенником своим Олегом воевати лопь и корелу. Воевода же у Рюрика – Валит и повоеваста и дань возложиста... Лето 879 умре Рюрик в Кореле в войне, тамо положен бысть в городе Кореле, княжив лет 17»². Другая летопись уточняет и возраст Рюрика: «всех же лет жил 87 и умре»³.

Эта свидетельство о соратнике Рюрика по имени или, скорее, «по должности» валит, что обложил данью Мурманский берег, можно найти в трудах российских историков XVIII–XIX веков⁴. Можно сказать, что во времена первых Рюриковичей их тяготение к Крайнему Северу имело сложившийся исторический характер. Летописные свидетельства ме-

¹ Scheffer. Histoire de la Laponie. Paris 1678. p. 65. Цит. по: Визе В.Ю. Лопарские сейды // Изв. Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 9. С. 398.

² Рукописный отдел РНБ. Q. IV. 88. Л. 766 об. – 767.

³ ПСРА. М., 1968. Т. 31. С. 36.

⁴ Новиков Н.И. Подробнейшая история Государей Российских // Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е, М., 1791. Ч. XVI. С. 53–54.

Крепость Корела (Кякисалми),
или Старая крепость. Фото нач. XX века

стом гибели Рюрика в 879 году настойчиво указывают на Корелу (Кякисалми)¹.

Очевидным представляется то, что история поселения Корелы как некоего национального центра этого древнего народа имеет свое начало в глубине веков, то есть вовсе не со времени постройки здесь новгородской крепости. Недавние находки в здешних «нижних слоях крупнозернистого песка, ранее принимаемого за материк, равноплечных фибул [*за-стежки плаща*. – *Е. М.*] эпохи меровингов и эпохи викингов ясно указывают на начало освоения этого места в период последней четверти I тысячелетия – начала II тысячелетия от Р. Х.»².

В заключение наших размышлений о связи рода Рюрика с Крайним Севером отметим «говорящий» топонимический памятник, упомянутый в одной из древних окладных книг Водской пятины: «Деревня Рюрикиярви на Немецком рубеже»³, что в переводе означает «Озеро Рюрика». Возможно, это озеро с деревней на берегу входило в традиционную систему водных артерий, соединяющих Балтийское и Белое моря. К сожалению, после шведского владычества название «Рюрикиярви» в Кирьяжском погосте больше не встречалось.

Интересно наблюдение путешественника XIX века, который в разговоре лопарей услышал слово «рюрик»: «Это название у нас с незапамятных времен. Это наше коренное, лопское слово. Означает лесенку для проверки улова в неводе»⁴.

¹ Рукопись из собрания Ф. Толстого (16–17 вв.). Летописец в составе хронографа. Отдел рукописей РНБ, QIV-88.

² Сакса А.И. Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей. ИИМК РАН. СПб., 1999. С. 202.

³ Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 (1500) года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. XII. С. 127.

⁴ Немирович-Данченко В.И. Страна холода. Виденное и слышанное. М.–СПб., 1877. С. 345.

История суверенной власти корельских валитов, активно покорявших для Новгородской Руси Кольский Север, завершилась к середине XIV века. Это было связано с прекращением «немирья» в землях Финнмарка и заключением между Новгородом и Швецией Ореховецкого договора 1338 года. К этому времени территория Карельского княжества включала в себя всю территорию современной Карелии и Кольский полуостров. При этом даннические права Новгорода на Крайнем Севере корела реализовывала на, несомненно, более обширных территориях Финнмаркена и части полярной Норвегии.

В дальнейшем, ко второй половине XV века, потомки валитов числились уже среди новгородского боярства. Считается, что последним удельным князем-валитом «Корельской земли» (Корельской половины Водской пятины) был князь Иван Владимирович Бельский, поскольку вскоре, по результатам Столбовского мира (1617 года), Россия утратила контроль над «Корельской землей».

Карелию в состав России через сто лет вернул царь Петр I после Северной войны. В 1721 году все титулы древних валитов – князей Корельских и Бельских – император Петр I усвоил себе, включив в полную титулатуру Императора Всероссийского.

§ 8. «Валитово Городище» – легендарный символ Российского северного могущества

Принимая во внимание крайнюю скудость исторических материалов, связанных со средневековым Крайним Севером, мы не можем не упомянуть еще одну историю, связанную с древними валитами. Это предание, которое впервые было записано в 1592 году «послами великого государя нашего царя и великого князя Федора Ивановича»¹ «болховским наместником князем Григорием Борисовичем Васильчиковым» и «наместником брянским князем Семеном Григорьевичем Звенигородским», которые прибыли в волость Колу на переговоры – «на съезд о рубежах»².

---

¹ «Опросные речи данщиков и которые люди з данщики в Лопи ежживали и всяких людей старожилцов, которые сказались в Лопской земли знатцы и про рубежи им ведомо, сказывали послом князю Семену Звенигородскому с товарищи». ЦГАДА, ф. 53. Сношения России с Данией. 1614 г., № 1.

² Грамота кольского приказного человека И.С. Салманова // Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым // Русская историческая библиотека.

С конца XIX века ведутся широкомаштабные раскопки древнекарельских грунтовых могильников Корелы и Тиверского городища

История, «узнанная от старожилов той страны», была такова: «Был в Кореле и во всей Корельской земле большой Владелец, именем Валит или Варент, а послушна была Корела с Двинскою землею Великому Новгороду, и посаженик был тот Валит посажен на Корельское владение от Новгородских Посадников. И начал Валит Мурманскую землю войною под свою власть приводить. Мурмане били челом Норвецким Немцам, чтоб они по соседству за них стали. Но Немцы отстояти их не могли, потому что тот Валит был собою дороден и человек ратный¹. К рати был он необычайный охотник, и на то дело у него был большой промысл. И там, где рать он Немецкую побивал, в Варенге, на побоище Немецком, там, где Варенский летний погост, – там, на славу свою, принесши с берега, положил он своими руками камень в вышину от земли больше косые сажени [около 2,5 м. – **Е. М.**]. И ныне он там есть».

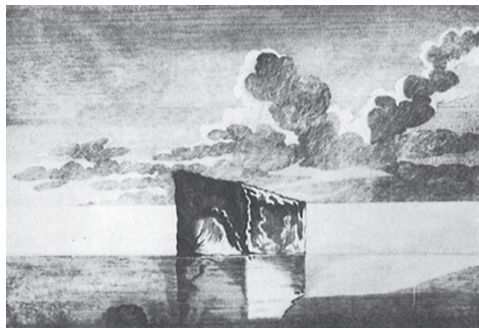
Надо сказать, что об аналогичном «большом камне, называемом Варашевым», который находится «в Сердобольскомъ уезде близъ Олонца и берега Ладожскаго озера», сообщал исследователь Н.Я. Озерковский. Указывая также внушительные размеры этого четырехугольного камня: «Вышина его 4,5 [3,2 метра] а ширина 5,5 аршин [4,0 метра. – **Е. М.**]», ученый добавлял: «нет сомнения, что камень этот положен на сем месте человеческими руками»².

Что касается нашего Валитового камня, то «около его, подале, выклады каменем как бы оклад загороды в двенадцать стен. И назван был у него тот оклад Вавилоном. И в Коле, там, где ныне острог, также обложено было у него каменем двенадцать стен тем же обычаем. Тот камень,

СПб., 1897. Т. 16. № 69. С. 293. (Далее: Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Щербачевым).

¹ Упомянутая «дородность» того валита должна была быть действительно выдающейся, исполинской, чтобы противостоять объединенной рати «мурманов» и «норвецких немцев».

² Варашев камень // Олонецкие губернские ведомости. Петрозаводск, 1841. № 4. С. 14.

Варашев камень. «Камень сей положен на оном месте, без сумнения, человеческими руками, потому что он один только тут находится и на великом от него расстоянии никаких других камней не встречается».

Рис. из книги Н.Я. Озерецковского «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому». СПб., 1812

что в Варенге, и по сей час слывет “Валитов камень”, а то, что было в Коле построено, то развалено, когда острог делали [в 1584 году. – Е. М.]».¹

«А меж Печенги и Паз-реки, от Печенской губы по ту сторону верст с 35, есть губа морская, вышла в берег круга. Середь той губы остров каменный высокий, а кругом сверху ровен – тут у него для покоя место было, загорода крепости»². Место Валитова Городища указано и в «Книге Большому Чертежу»: «от Пазы реки морским берегом пала в море речка Денга (Ровдньга) да речка Воема (Ворьема). А промеж тех речек Волиново [Волотово] городище»³. Примечательно, что эти камни, выложенные по окружности, «финны называют – *Jatulintarha* – Ограда великанов»⁴.

«А как Валита не стало, а в крещение ему было имя Василией, то положен он был в Кореле на посаде»⁵. Эта история о валите Василии была хорошо известна русскому поморскому люду: «По русским преданиям, некто Василий (Васин) является завоевателем береговой Лапландии. С ним связывают и русское название норвежского города Вадсё – Васин»⁶.

В этом предании интересно еще раз обратить внимание на то, что, согласно с подлинным текстом, существовали некие «мурмане», которые «били челом Норвецким Немцам», прося у них защиты от притеснения корелами и насаждения новгородской власти на Кольском Севере. Дру-

¹ «Опросные речи данщиков ...». ЦГАДА, ф. 53. Сношения России с Данией. 1614 г., № 1.

² Очевидно, здесь речь идет о классическом кромлехе – «несколько поставленных вертикально в землю обработанных или необработанных продолговатых камней, образующих одну или несколько концентрических окружностей».

³ Спасский Г. Книга Большой Чертеж. М., 1846. С. 166.

⁴ Виноградов Н.Н. Новые лабиринты Соловецкого архипелага. Лабиринт Б. Заяцкого острова. Соловецкое общество краеведения: Материалы. Вып. XII. Соловки, 1927.

⁵ Варашев камень // Олонецкие губернские ведомости. 1841. № 4. С. 14.

⁶ Гельб Г.Ф. Наша Лапландия. С. 86.

гими словами, как мы уже говорили выше, известная аналогия, которой давно оперируют историки: «мурмане» это искаженное «норманы – норвежцы», становится не столь очевидной.

Историку Карамзину показалось необходимым устранить возникшую нестыковку, и в своем изложении он заменил слово «мурмане» на «лопари», что лишь осложнило установление истины. Как известно, лопари никогда не искали защиты у норвегов от русских (скорее, наоборот). Хорошо известно традиционно доброе и уважительное отношение между этими нашими народами. *«Заключающие между собой братский союз меняются нательными крестами – “крестоваяются”». Лопари любят этот обычай и заключают такой союз не только между собой, но и с русскими»¹.*

Так что здесь речь идет все о тех же биармийцах (мурманах), изгнанных с Кольского Севера при новгородском князе Александре Ярославиче в середине XIII века. Биармийцы, принятые тогда королем «Норвежских Немцев» и размещенные на территории норвежского Галогаланда, принесли с собой и этноним «мурмане», что в дальнейшем внесло соблазн найти единые словарные корни в именовании этих народов.

Великий князь Александр, осуществляя в середине XIII века миссию

¹ Ефименко П.С. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии // Записки Императорского русского Географического общества по отделению этнографии. СПб, 1878. Т. 8. С. 20. (Далее: Ефименко. Юридические обычаи лопарей).

Кромлех «Дромбег» (Ирландия). Здесь мы видим лишь один каменный круг. У нашего воеводы-валита в Варангере и в Коле сооружения «для покая место загорода крепости» были серьезнее: «обложено было у него камнем двенадцать стен»

по присоединению Крайнего Севера к Новгородским землям, опирался, конечно же, на своих традиционных союзников – народ корельский в лице их предводителей – валитов.

Именно временной отрезок XIII века, связанный со славными деяниями благоверного князя Александра Невского, предлагает усвоить упомянутой выше истории с «Валитом или Варентом» известный исследователь Кольского Севера Е.К. Огородников, указывая, что построенное Валитом «городище Кольское явилось уже не позже 1264 года, если не ранее, и существовало до 1582 года»¹.

Эта история о том, как «начал Валит Мурманскую землю войною под свою власть приводить», «узнанная от старожилы той страны», как свидетельствует Н.М. Карамзин, вскоре послужила российским Государям основанием оспаривать датские притязания на Лапландию и Кольский Север, поскольку «побежденные Валитом немцы заключили с ним мир, отдав ему всю лопь до реки Ивгея². Лопари с того времени платили дань Новугороду и царям Московским»³.

Еще раз надо подчеркнуть, что понятие «валит», в смысле главный воевода или старейшина рода, в течение долгих веков не раз усваивалось тем или иным историческим личностям в качестве прозвища или фамилии. Поэтому когда в Первой Софийской летописи сто лет спустя, под 1337 годом, говорится, что «придоша Немцы к Корельскому городку со многую силою, и бяхе в городе тогда воевода Валит Корелянин», это вовсе

¹ Огородников Е.К. Мурманский и Терский берега. С. 630.

² Река Ивгей – ее современное финское название Ивалойоки (Ivalojoki) – древняя порубежная река, впадающая в южную оконечность озера Инари. Протяженность реки 180 км. Важнейшая часть исторического водного пути, ведущего с Балтики на Север.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2008. Т. 9–12. Том XI. Глава I. Царствование Бориса Годунова (1598–1604 гг.). С. 445.

не значит, что мы наконец нашли единую временную привязку ко всем сохранившимся в истории сообщениям о Валите¹.

Само местонахождение «Валитова городища», где «для покоя его место было, загорода крепости», указано довольно точно в «Книге Большому Чертежу»: «от Паза реки морским берегом 20 верст, пала в море речка Денга да речка Воема, а промеж ими берегом 30 верст. А промеж тех речек на море, на острове, близко к берегу² – Волиново городище»³. Норвежское название этого места, устья реки Воръемы («Воемы»), – губа Якобсэльв. Это самая северная точка границы России с Норвегией.

Что касается «павшей в море речки Денга», то на картах XIX века — это губа Ровдина, несколько ранее именовавшаяся Ровденьега⁴. Это русское название утрачено вместе с территорией в печально памятном 1826 году. Теперь эта губа называется Яр-фьорд. «Промеж тех речек, близко к берегу» действительно есть островок – Люнге. В том, что здесь было место Валитова городища, убеждает нас норвежское название мыса не-вадалеке – Варенесет. Как мы помним, «Корельской земли большого Владетеля» звали «Валит или Варент», то есть Варенесет – мыс Варента.

В то же время место нахождения памятного камня «о победе над немцами» вовсе не совпадает с местом «загороды крепости» в Воръеме: «Тот камень, что в Варенге и по сей час слывет Валитов камень», согласно преданию, находится на берегу залива Варангер, «там, где Варенский летний погост». Надо полагать, что упоминаемый древний летний лопарский погост на берегу Варангер-фьорда – это древнее местечко «Варяги», где жили «восточные лопари», или саамы-сколты. Это место также упомянуто и в грамоте великого князя Василия III, написанной для сборщиков дани в 1517 году: «А с Wariagiske погоста должны [лопари] дать ему дань...»⁵. Наши русские поморы именовали это место в память о Валите (в крещении Василии) – Васин. Ныне норвежцы этот го-родок называют Вадсё.

¹ «Валит времен Бориса Годунова, Валит – воевода XIV в. и Валит IX в. – все они совершенно разные личности». Пашкина Л.Д. К вопросу о смерти князя Рюрика в городе Кореле // Вуокса: Приозерский краеведческий альманах. Приозерск, 1999. Вып. 1. С. 29.

² Эта вставка-уточнение, дописанная в более поздних редакциях «Книги» (редакция списка № 1330), показывает, что место это было хорошо известно и в дальнейшем.

³ Спасский Г.И. Книга Большой Чертеж. М., 1846. С. 160.

⁴ См. Островский Д.Н. Путеводитель по Северу России. СПб., 1898. С. 81.

⁵ Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. СПб., 1998. С. 129.

Крест-домовина над могилой
возвращенных в 2011 году
останков 94 саамов. Поселок
Нейден (Норвегия, Сер-
Варангер). Фото автора 2016 г.

Церковь св. Александра Невского на мысе
Воръема, что в Фильманской бухте

И если эта территория северного берега залива Варангер-фьорд отошла к Норвегии еще во времена Иоанна Грозного, то южный берег залива мы потеряли относительно недавно и бездарно.

Нявденский «Летний погост», нынешний норвежский Нейден, перестал быть российским в 1826 году, когда была проведена государственная граница между Россией, Финляндией и Норвегией. При этом, вплоть до революционных событий XX века и отделения в 1917 году Великого княжества Финляндского от России, этот лопарский православный приход на норвежской территории, наряду с Пазрецким (Бойсоглебским), продолжал окормляться русскими священниками, в частности протоиереем Константином Щеколдиным (1867–1916).

Только сейчас, в последние годы, это место стало территорией, особо охраняемой в Норвегии как «Skoltebyen в Нейдене», или «город сколтов». К сожалению, это произошло слишком поздно, лишь после того, как практически все русские сколт-саамы были принудительно и жестоко ассимилированы и просто «выжиты» с этого места властями Норвегии в течение прошедшего XX столетия¹.

---

¹ О характере отношения властей к русским саамам говорит следующий факт. В 1915 году представители университета Осло, несмотря на протесты местного населения, изъяли «для антропологических исследований» скелеты 94 саамов из захоронений, имевшихся рядом с поселком на берегу реки Нейден. Лишь в 2011 году останки с извинениями были возвращены на кладбище.

Пограничная река Ворме (Якобсэльв).
За спиной Норвегия и церковь в честь
последнего шведского короля Норвегии
Оскара II (XIX в.) (святых у лютеран не
существует)

§ 9. Скифское наследие как аргумент в дипломатии

Шведский историк Олоф Далин, автор «Истории Шведского государства» в своем труде особым образом упоминает младшего брата Александра Невского, Андрея: «Российский князь Андрей Ярославович (Андрей Скифский), принявший на себя королевский титул»¹. Отметим этот этнонимизм, который шведский историк употребил, со следующей оговоркой: «Петр Клавдий называет сего короля Андреем Скифским, из чего видеть можно, что Россия даже до того времени имела Скифское наименование»².

Теперь взглянем на древнюю карту Олафа Магнуса (1520-е годы)³, на которой Европейский Север впервые обрел реальные очертания, но при этом он омывается Скифским океаном. Другими словами, тот факт, что впоследствии берег этого Скифского океана на Кольском полуострове стал называться Мурманским, вовсе не упраздняет изначального понимания исконно русской принадлежности этих краев. Надо сказать, что в дальнейших территориальных спорах этот топоним – «Мурманский» – стал едва ли не главным аргументом в дипломатических уловках Швеции и Дании, имеющих целью доказать свои права на Лапландию.

В то же время необходимо понимать, что изначальное, историческое Скифское царство, будучи уничтоженным готами, закончило свое существование еще в середине III века по Р. Х.: скифы растворились среди племен Великого переселения народов, и греческое наименование «скифы» перестало носить этнический характер и применялось к различным северным народам, включая средневековую Русь. Русские летописи под-

¹ Далин О. История Шведского государства. С. 281.

² Там же. С. 281. Прим. Р.

³ Именно в эти годы Олаф Магнус изучал север Норвегии.

Скифский океан на карте
О. Магнуса нач. XVI века

черкивали, что народы Руси греками назывались «Великая Скифь»¹.

Еще в IV веке в Византии бытовало понятие «скифы-Русь» (Σκυθας τους Ρως). Такой этноним употребляет византийский писатель Фемистий: «скифы-русь и другие гипербореиские народы живут ближе к арктическому поясу...»². При этом известно, что европейские скифы, по свидетельству ряда древнегреческих источников, например, Геродота, называли себя «сколотами». Но именно так называли себя «русские лопари», или восточные саамы-сколоты, сколт-саамы (норв. *skoltesamer*, *skolter*).

В этом ряду можно привести и следующее рассуждение. Появление Рюрика на Руси происходит, когда «где-то на крайнем славяно-финском севере появляются так называемые “находники” – варяги»³. Пришедший на княжение Рюрик имел с собой дружинников Аскольда и Дира – «и баста у него два мужа, не племени его, но боярина»⁴.

«Византийский император Василий I (867–886) называл Аскольда “прегордым Каганом северных скифов”, – подчеркивает Б.А. Рыбаков, известный историк, и добавляет: – Можно высказать мысль, что имя этого туземного князя... могло сохранить древнюю праславянскую форму, восходящую к геродотовским сколотам, “названным так по своему царю”»⁵. Так что наши нынешние туземцы Крайнего Севера со своим известным эндоэтнонимом – «саамы-сколоты» – очевидным образом переключаются с этим героем «Руси изначальной», «имя ему Скалдъ»⁶, «Аскольдъ», «Осколдъ»⁷.

¹ «Множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки “Великая Скифь”» (Повесть временных лет. С. 434).

² Латышев В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. М., 1947, № 2. С. 332.

³ Рыбаков Б.А. Рождение Руси. М., 2004. С. 112.

⁴ Кавелин К.Д. Монографии по русской истории // Собрание сочинений. СПб., 1897. Т. 1. С. 315.

⁵ Рыбаков Б.А. Рождение Руси. М., 2004. С. 114.

⁶ Вторая Псковская летопись // Псковские летописи. М., 2000. С. 10.

⁷ Никоновская летопись. Цит. по: Табов Й. Когда крестилась Киевская Русь. СПб., 2003. С. 196.

На карте Помпония Мелы I века по Р. Х. берега, заселенные скифами и гиперборейями, омывает Скифский океан, расположенный на месте нынешнего Северного Ледовитого океана

Упомянутые нами саамы-сколты, населявшие Кольский полуостров, всегда были немногочисленны, не более двух тысяч человек¹, но при этом они имели твердое убеждение, что «они другие», не «финно-угорские»². «Лапландцы во многом сходны с древними скифами... по образу их жизни видно, что они происходят от скифов; а сходятся ли между собой языки их, то могут испытать ученые»³.

И действительно, лингвистические исследования их языка не дают оснований причислять сколотов к подлинным носителям финно-угорского языка, поскольку треть используемой ими субстратной лексики не находит соответствия среди уральской языковой семьи. И это несмотря на то, что язык саамов-сколотов в течение долгих тысячелетий контактировал с прибалтийско-финскими языками, в первую очередь с финским. Также и с точки зрения антропологии, «в генетическом отношении саамы являются уникальной группой населения Европы. Американский иммунолог У. Бойд (Boyd, 1950) выделил «лапоноидную расу» как одну из пяти расовых групп населения Европы»⁴. «Внешние черты пазрецких лопарей заметно отличаются от своих норвежских сородичей фильманов»⁵.

Так что, вполне возможно, название «Скифский океан», указанное на месте Северного Ледовитого океана на старинных картах, идет от древних скифов, осевших здесь с незапамятных времен и сохранившихся в малом этносе русских лопарей, «сколт-саамов».

¹ Численность саамов-сколотов составляет всего около 1000 человек: 600 человек в Финляндии, 150 в Норвегии и 250 в России. Саамы-сколты отличаются от других групп саамов: они имеют свой язык, культуру, традиционное рукоделие, одежду. Со времен проповеди преподобного Трифона в начале XVI века саамы-сколты исповедуют православие.

² Об этом говорили автору саамы рода Ивановичей, последних представителей норвежских саамов-сколотов поселка Нейден, бывшего русского Нявдемского прихода. Именно за отстаивание этой мысли норвежские саамы подвергались сильному давлению. «В Норвегии нет другого меньшинства, как сколты, жившего в условиях такого угнетения со стороны местного населения и государства в целом» (Епископ епархии Северный Холугаланд Пер Оскар Хёлос, 25.09. 2011, Нейден).

³ Новые и достоверные известия о лапландцах Кнуд-Лемса. С. 3.

⁴ Козлов А.И., Лисицын Д.В., Козлова М.А. Кольские саамы в меняющемся мире. Москва, 2008. С. 3.

⁵ Записки Архангельского Губернатора Н.А. Качалова. Архив РАН, Ф. 646. Редакция журнала «Голос минувшего». Оп. 1. Д. 358.

**ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА КОЛЬСКОГО ОСТРОГА,
ПОСАДА И УЕЗДА ЛЬВА СЕКИРИНА 1678-1679 гг.**

РГАДА, Ф. 1209 (ПОМЕСТНЫЙ ПРИКАЗ), ОП. 1, № 15056. Л. 1-75

Лета ЗРПС-го (1678) и РПЗ-го (1679) годов по государеве цареве и великого князя Феодора Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России самодержца грамоте из новгородцкого приказу за приписью дьяка Павла Симанова воевода Левъ Борисовичъ Секиринъ писал в Колскомъ остроге на посаде в Колскомъ уезде в волостяхъ и в монастырскихъ вотчинахъ и в лопскихъ погостехъ посацкие и крестьянские и бобылские и монастырские и на церковныхъ земляхъ дворы и лопские вежи, // (л. 1 об.) а во дворехъ и в вежахъ людей и церковныхъ причетниковъ и монастырскихъ служекъ по имяномъ со отцы и прозвищи, и сколько у кого детей и братьи и племянников и недорослей и сколько летъ те недоросли, справясь с прежними переписными книгами, каковы книги черные сысканы в Колском остроге в съезжей избе переписки Колскаго острога головы стрелецкого Леонтя Озарева да колския съезжие избы подьячего Василья Звягина, РНЕ-го (1647) году за ихъ головоиноу и подьячего руками, а что в Колскомъ остроге на посаде и в Колскомъ уезде в волостяхъ // (л. 2) и в монастырскихъ вотчинахъ посацкихъ и крестьянскихъ и бобылскихъ дворовъ и в лопскихъ погостехъ вежъ, а во дворехъ и в вежахъ людей и церковныхъ причетниковъ и монастырскихъ служекъ по имяномъ со отцы и с прозвищи и сколько у кого детей и братьи и племянниковъ и недорослей и сколько летъ те недоросли и что в Колскомъ уезде в волостяхъ и в монастырскихъ вотчинахъ и на церковныхъ земляхъ дворовъ и в лопскихъ погостехъ вежъ, а в нихъ людей передъ прежними переписными книгами прибыло // (л. 2 об.) или убыло, и то писано в сихъ книгахъ подлинно порознь по статьямъ.

В Колскомъ остроге:

Во дворе священникъ Федотъ Елисеевъ, а у него два сына, Петрушка да Митка, а поверстаны они в колские стрелцы.

Во дворе на трехъ доляхъ дьяконъ Иванъ Григорьевъ, а на четвертой доли живеть вдова Матренка Иевлева дочь Чакинская.

Во дворе пономарь Ивашко Григорьев, а у него два сына, Петрушка двунатцати летъ, Савка семи летъ. //

(л. 3) Во дворе колянъ посацкихъ людей и уездныхъ крестьянъ и кандалашских и печенскихъ старцовъ, а в немъ живеть съезжие избы подьячей Данило Сергеевъ сынъ Убожевъ.

В трех келейкахъ живутъ нищие старицы и вдовицы, питаются о мире.

За Колскимъ острогомъ по верхнюю сторону острога:

Во дворе посацкой Степанко Степановъ сынъ Пяхкеревъ, а у него два брата: Трошко да Ивашко, да у нихъ же на подворье в томъ дворе живет посацкой Гришка Марковъ сынъ Пороховъ, а у него братъ Пахомко Марковъ сынъ Пороховъ же. //

(л. 3 об.) Во дворе посацкой Федотко Максимовъ сынъ Турьлецовъ, а поверстанъ онъ Федотко в пушкари.

Во дворе посацкой Ивашко Дмитриевъ сынъ Москвинъ, а у него два сына, Ивашко да Мишка осми летъ.

Во дворе посацкой Васка Яковлевъ сынъ Молвистого.

Во дворе посацкой Гришка Васильевъ сынъ Звягинъ, а у него братъ Алешка Васильевъ сынъ Звягинъ же; в том же дворе на подворье у нихъ живеть посацкой Пашко Петровъ сынъ Сусловъ, а у него Пашка пять сынов: Якушко, Антошка, Мишка девяти летъ, Федорко осми летъ, Панфилко шти летъ. //

(л. 4) Во дворе посацкой Мишка Дмитриевъ сынъ Иконниковъ, а у него братъ Мишка ж Дмитриевъ сынъ Иконникъ;

В полудворе посацкая нищая вдова Степанитка Спинова, а в другом полудворе живеть стрелецъ Максимко Тимофеевъ.

Во дворе посацкой Ларка Ивановъ сынъ Фуфаевъ, а поверстанъ онъ в пушкари, а у него племянникъ родной Ивашко Ивашко (*так!*) Михайловъ посацкого человека сынъ.

В полудворе посацкой Мишка Ивановъ сынъ Ярыгинъ, а в другомъ полудворе живеть стрелецъ Моисейко Мироновъ.

Во дворе посацкой Сенка Кирилов // (л. 4 об.) сынъ Спировъ.

Во дворе посацкой Оска Васильевъ сынъ Пагалигинъ, а у него братъ Митка Васильевъ Пагалихинъ же.

Во дворе посацкой Федка Михайловъ сынъ Суслов, а у него три сына: Петрушка, Алешко, Демитко.

Во дворе посацкой Мишка Григорьевъ сынъ Дьяконовъ, а у него два брата: Васка да Митка Григорьевы ж дети Дьяконова.

Во дворе посацкой Ивашко Иванов сынъ Керза, а поверстанъ онъ в пушкари.

В полудворе Петрушка Федоровъ сын Жилинъ, а поверстанъ онъ в пушкари, а у него братъ Митка // (л. 5) Федоров сынъ Жилинъ же; в том же дворе на четверти Ивашко Иванов сынъ Летостороновъ, а у него два сына: Сенка, Васка двунатцати летъ; в том же дворе на четверти живетъ стрелецъ Левка Окуневъ.

В полудворе Оска Артемьевъ сынъ Нечаевъ, а на другомъ полудворе живетъ стрелецъ Ивашко Петров сынъ Дружининъ.

По нижнюю сторону острога:

Во дворе посацкой Ивашко Наумов сынъ Телного, а у него братъ Федка Наумовъ сынъ Телного ж, а у Федки два сына: Артюшка, Пронка четырехъ летъ.

Во дворе посацкой // (л. 5 об.) Васка Леонтьевъ сынъ, а поверстанъ в пушкари, а у него три сына: Васка, Максимко четырехъ летъ, Мишка трехъ летъ.

Во дворе посацкой Ивашко Петров сын Лалакинъ.

Во дворе посацкой Родка Матфеевъ сынъ Севергинъ, а поверстанъ онъ в пушкари.

Во дворе посацкой Микитка Ивановъ сынъ Шлыков, а у него два брата: Бориско да Митка Ивановы ж дети Шлыкова, а у Никитки три сына: Сергушка, Оска, Костюшка.

Во дворе посацкой Аверка Иванов сынъ Москалевъ, а у него брат Митка Иванов же сынъ Москалевъ. // (л. 6) На четверти двора живет Парфенко Макарьевъ сынъ Фадеевъ, а на трех доляхъ в томъ дворе живетъ стрелецъ Илюшка Сухановолочаниновъ.

Во дворе посацкой Петрушка Романовъ сынъ Наливаев, а у него племянникъ Ивашко Максимовъ сынъ Горбуновъ осми летъ, посацкого ж человека сынъ.

Во дворе посацкой Якимко Мокеевъ, а у него два сына: Петрушка шти летъ, Матюшка трехъ летъ.

Во дворе посацкой Сенка Захаров сын Сорихин.

Во дворе съезжие избы подъячей Василей Семеновъ сынъ Приданиковъ, а у него два брата: Петрушка да Елизарко Семеновы ж дети. //

(л. 6 об.) Во дворе посацкая девка Василиска Яковлева дочь Стокова.

Во дворе посацкой Карпушка Фоминъ сынъ Ловушкин, а у него три сына: Алешка, поверстан онъ в пушкари, Данилко да Якушко.

Во дворе посацкой Савка Ивановъ сынъ Колмаковъ, а у него братъ Степанко Иванов сынъ Колмаковъ же.

За Колою рекою:

Во дворе посацкой Лучка Алексеев сынъ Вязинъ, а у него сынъ Елеска.

Во дворе нищей посацкого человека сынъ Митка Федоровъ Вязинъ двунатцати лет, и тот глух. //

(л. 7) Во дворе нищей посацкого человека сынъ Якушко Вязинъ слепъ, а у него два сына: Мишка десяти летъ, Ивашко осми летъ.

Во дворе посацкой Микитка Даниловъ сынъ Смирного.

Во дворе посацкой Ефтючка Власовъ сынъ Кощевъ.

Во дворе посацкой Оска Степанов сынъ Спировъ.

Во дворе посацкой Федка Якимовъ сынъ Кощевъ, а у него братъ Митка Якимов же сынъ Кощевъ; в том же дворе посацкой Филка Яковлевъ сынъ Кощевъ, а поверстанъ онъ Филка в пушкари, а у него // (л. 7 об.) два сына: Ивашко десяти летъ, Васка девяти летъ.

Во дворе посацкой Гришка Яковлевъ сынъ Кощевъ, а у него три сына: Ивашко да Степанко, Аничка осми лет.

Во дворе на монастырской земли посацкой Мишка Фадеевъ сынъ Поршнев.

Во дворе на церковной земли попъ Петръ Власовъ сынъ, а у него три сына: Алешка десяти летъ, Мишка шти летъ, Оска четырех летъ.

Во дворе на церковной же земли посацкой Сенка Яковлевъ сынъ Молвитого, а у него два сына: Мишка, Афонка восьми летъ.

Во дворе // (л. 8) на белой земли посацкой Юшко Калининъ сын Шлыковъ.

Во дворе в стрелецкой слободе на белой же земли нищей посацкого человека сынъ Алешка Никитинъ Опалихинъ.

В Колском же остроге на посаде на тяглой земли Соловецкого монастыря дворъ, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Сенки Приданикова, да Кандалашского монастыря другой дворъ, а преже на томъ месте были посацкихъ два двора: Никулки Злыгостева да Дружинки Суморокова, поставлены на приездъ для морскаго рыбного промысла.

Живетъ // (л. 8 об.) у стрелца у Степанка Кельмина посацкого сынъ Васка Фаулевъ.

Живетъ на подворье у стрелца у Сенки Рубцова посацкого сынъ Васка Ивановъ Сапинъ, а у него два брата: Гришка да Петрушка Ивановы дети Сапины ж.

Живетъ на подворье у стрелца у Петрушки Маркова посацкого сынъ Артюшка Мининъ.

Живетъ на подворье у стрелца у Гашка Лаврентьева посацкого сынъ Ивашко Опрелого.

Всего в Колском остроге // (л. 9) посацкихъ дватцать шесть дворовъ да на монастырской да на церковной да на белой земляхъ посацкихъ шесть дворовъ. И обоево посацкихъ и пушкарскихъ тритцать пять дворовъ, да церковныхъ причетниковъ четыре двора безъ четверти, да подъячихъ два двора, да полчетверта двора посацкихъ, в которыхъ нищие живут, да два двора монастырскихъ. А в техъ в тритцати въ пяти дворехъ посацкихъ людей и с теми, которые поверстаны в пушкари, сорокъ человекъ да два попа, да дьяконъ, да пономарь, а у нихъ детей и братьи и племянниковъ сорокъ три человека // (л. 9 об.) да дватцать человекъ недорослей.

А в прежнихъ черныхъ переписныхъ книгахъ переписки головы стрелецкого Леонтя Озарева да подъячего Василья Звягина РНЕ-го (1647) году за ихъ руками, каковы сысканы в Колском остроге въ съезжей избе, и в техъ книгахъ написано в Колскомъ остроге на посаде посацкихъ тритцать два двора, а людей в нихъ шестьдесятъ семь человекъ посацкихъ и з детми, а недорослей в техъ книгахъ не написано.

А прибыло передъ прежнею пере // (л. 10) писною книгою РНЕ-го (1647) году посацкихъ три двора да посацкихъ людей и с теми, которые в пушкаряхъ, шестнатцать человекъ, да дватцать человекъ недорослей, да церковныхъ причетниковъ четыре двора безъ четверти, да подъячихъ два двора, да два двора монастырскихъ, да полчетверта двора посацкихъ, да три келейки, в которыхъ нищие живутъ.

В Колском остроге посацкихъ людей дети живутъ во дворахъ на тяглою земли, а иные живутъ у стрелцовъ и у посацкихъ на подворье, // (л. 10 об.) а поверстаны они в стрелцы.

Во дворе посацкого сын Афонка Калининъ сынъ Шлыковъ, а поверстан онъ в стрелцы.

Во дворе посацкого сынъ Петрушка Марков, а поверстанъ онъ в стрелцы.

Во дворе посацкого сынъ Якушко Лоушкинъ, а поверстанъ онъ в стрелцы.

Живетъ на подворье у стрелца у Федки Кошелева посацкого сынъ Петрушка Лукинъ, а поверстанъ онъ в стрелцы.

Живет на подворье у стрелца у Антошки Чичюрина посацкого сынъ Омелка Щокинъ, а поверстанъ онъ в стрелцы.

Живетъ на под // (л. 11) ворье у стрелца у Сенки Наушкина посацкого сынъ Ивашко Марковъ, а поверстанъ онъ в стрелцы.

Живетъ на подворье у пушкаря у Родки Севергина посацкого сынъ Васка Падиогин, а поверстанъ онъ в стрелцы.

Живетъ в церковной келейке посацкой Степанко Нелминъ, а поверстанъ онъ в стрелцы.

Живетъ у посацкого у Алешки Опалихина братъ ево Илюшка Опалихинъ, а поверстан онъ в стрелцы.

Всего три двора, а людей посацкихъ детей, которые поверстаны в стрелцы, // (л. 11 об.) девять человекъ.

А в прежнихъ черныхъ переписныхъ книгахъ переписки РНЕ-го (1647) году написано посацкихъ семь дворовъ, а в нихъ посацкихъ людей, которые в стрелцахъ, одиннатцать человекъ.

И убыло передъ прежнею переписною книгою четыре двора.

А прибыло посацкихъ детей в стрелцахъ два человека.

В Колскомъ остроге на посаде // (л. 12) и за Колою рекою живутъ на тяглою земли во дворе колские стрелцы, а прежде те дворы были колянъ посацкихъ людей, а оброкъ платятъ с техъ дворовъ с посацкими людьми вместе.

Во дворе стрелець Ларка Салогузозъ з братомъ, а жилъ в томъ дворе посацкой Гришка П<???>мой.

Во дворе стрелець Левка Коргуевъ, а жилъ в том дворе посацкой Елисейко Орел.

Во дворе стрелець Кирилко Мошникъ, а жилъ в томъ дворе посацкой Пятко Савинъ.

Во дворе стрелець // (л. 12 об.) Оска Горюшков, а жил в том дворе посацкой Ивашко Салтанъ.

Во дворе стрелець Андрюшка Ламбухинъ з братом Илюшкою, а жил в том дворе посацкой Терешка Опрелякъ.

Во дворе стрелець Федка Кошелевъ, а жилъ в том дворе посацкой Терешка Жила.

Во дворе стрелец Васка Дроговъ, а жилъ в том дворе посацкой Созонко Третьяковъ.

Во дворе стрелець Митка Ребалець з братомъ, а жилъ в том дворе посацкой Посничко Ивановъ сынъ Губастого.

Во дворе стрелець Ивашко Ивановъ сынъ // (л. 13) Бабииков, а жилъ в том дворе посацкой Игнашка Безсмертного.

Во дворе стрелець Сенка Никановъ сынъ Лопинъ, а жил в том дворе посацкой Якушко Огарневъ.

Всего посацких двенатцать дворовъ две четверти, а живутъ в нихъ стрелцы и с теми, которые стрелцы с посацкими людьми вместе на вскладе.

В Колскомъ остроге на посаде и за Колою рекою живут на тяглою земли во дворе колские стрелцы, // (л. 13 об.) а преже на техъ местех были дворы посацкихъ людей.

Во дворе стрелець Куземка Трофимовъ, а преже тутъ был дворъ посацкого Пимина Сухорука.

Да на том же месте в другомъ дворе стрелець Ивашко да братъ ево Сенка Костромины.

Во дворе стрелець Федотко Насурнинъ, а преже был тутъ дворъ посацкого Андрюшки Рухты.

Во дворе стрелець Дениско Игнатьевъ, а преже был тут дворъ посацкого Павлин // (л. 14) ка Иевлева.

Во дворе стрелец Аничко Евтифеевъ з братьею, а преже был тутъ дворъ посацкого Васки Глупонога.

Во дворе стрелець Васка Голубинъ з детми, а преже былъ тут дворъ посацкого Конашка Ребалца.

Во дворе стрелець Елфимко Костылевъ, а преже то место было посацкого Гришки Дьяконова.

Во дворе стрелец Андрюшка Степанов, а преже на том месте был двор посацкого Анцыфорка Бархата.

Во дворе стрелець Фомка Назаров, а преже на том месте был дворъ посацкого Леванитка Рухты.

Во дворе // (л. 14 об.) стрелець Микитка Щегора, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Васки Майкова.

Во дворе стрелець Петрушка Дружининъ, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Гришка Звягина.

Во дворе стрелець Мишка Телного, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Гришки Мокроуса.

Во дворе стрелец Гришка Каргополь з братьею, а преже былъ на томъ месте дворъ посацкого Михалка Лопинцова.

Во дворе стрелцы Васка да Куземка Кривцовы, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Епифанка Сидорова. //

(л. 15) Во дворе стрелець Тимошка Селивестровъ, а преже на том месте былъ анбанъ (так!) посацкого Никулки Злыгостева.

Во дворе стрелец Наумко Ерофеевъ, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Мишки Креня.

Во дворе стрелець Елфимко Барма, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Никитки Ларюкова.

Во дворе стрелець Игнашка Бирюковъ, а преже на том месте был дворъ пушкаря Ивашка Каши.

Во дворе стрелець Федка Куревинъ з братом, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Антипки // (л. 15 об.) Злыгостева.

Во дворе стрелець Ивашко Медник, а преже на том месте был дворъ посацкого Мишки Пирога.

Во дворе стрелець Левка Устиновъ, а преже на том месте был дворъ посацкого Никифорка Колмакова.

Во дворе стрелець Алешка Плешко, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Мартемьянка Варзуги.

Во дворе стрелець Мишка Еремеевъ, а преже на том месте был дворъ посацкого Тимошки Пакиселка.

Во дворе стрелець Гашко Лаврентьев, а преже на том месте был двор посацкого Алешки Падиногоина.

Во дворе // (л. 16) стрелець Якушко Ляпунов з братьею, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Гришки Лизуна.

Во дворе стрелець Сенка Рубцовъ, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Ивашка Ротчеева з братьею.

Во дворе стрелець Ивашко Латкин з братьею, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Стафилка Кузнеця.

Во дворе стрелець Пашко Тряпа, а преже на томъ месте был двор посацкого *(оставлено место для имени)*.

Во дворе стрелець Федка Ивановъ Кузнецовъ, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Мишки Сухорука. //

(л. 16 об.) Во дворе стрелець Куземка Свешникъ, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Ивашка Сорокоума.

Во дворе стрелець Митка Падушного, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Ивашка Ерзакова.

Во дворе стрелець Созонко Сидоров, а преже на томъ месте был двор посацкого Шестачка Севергина.

Во дворе стрелець Митка Горбатого, а преже на том месте был дворъ посацкого Волотки Данилова з братьею.

Во дворе стрелець Спирка Иванов, а преже на томъ месте был двор посацкого // (л. 17) Ивашка Кузмина.

Во дворе стрелець Юрашка Костогоров, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Богдашки Сурначева.

Во дворе стрелець Ивашко Володимеров, а преже на том месте был двор посацкого Данила Черного.

Во дворе стрелець Сергушка Новоженев з братом Ивашком, а преже был на томъ месте двор посацкого Гришки Гласка з детми.

Во дворе стрелець Ивашко Лучанинов, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Левки Порохова.

Во дворе стрелець Антошка Чичюринъ, а преже на том месте // (л. 17 об.) был двор посацкого Пахомки Юдина.

Во дворе стрелець Гаврилко Заборщикъ с сыном Трошком, а преже на томъ месте был двор посацкого Селиванка Агафонова.

Во дворе стрелець Мишка Травинъ, а преже на томъ месте был двор посацкого Антипки Брюшка.

Во дворе стрелець Якушко Зайковъ з братьею, а преже на том месте был двор посацкого Дружинки Воронова.

Во дворе стрелець Мишка Парнихинъ, а преже на том месте был дворъ посацкого Лучки Безсмертного.

Во дворе стрелець Андрюшка Ко // (л. 18) пыто, а преже на том месте был двор посацкого Аверки Валчакова.

Во дворе стрелець Костюшка Горбатого з братьею, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Юшки Кисляка.

Во дворе стрелець Антипка Аврамовъ, а преже на томъ месте был двор посацкого Федки Обросимова.

Во дворе стрелець Алешка Фоминъ з братьею, а преже на том месте был дворъ посацкого Лазарко Нетинина.

Во дворе стрелець Якушко Фролов, а преже на том месте был двор посацкого Федки Суходенги.

Во дворе // (л. 18 об.) стрелець Петрушка Крестьянинов, а преже на том месте был дворъ посацкого Фадейка Кузмина.

Во дворе стрелець Афонка Голышъ, а преже на томъ месте был дворъ посацкого Тимошки Фирюля.

Во дворе стрелець Федка Лизунов, а преже на том месте был дворъ посацкого Куземки Пономарева.

Во дворе стрелець Никитка Чепур, а преже на том месте был дворъ посацкого Лучки Брюшка.

Во дворе стрелець Логинко Обросимов, а преже на томъ месте был дворъ посацко (*так!*) Анфино // (л. 19) генка Петрова.

Во дворе стрелець Федка Пулчаков, а преже на томъ месте был двор посацкого Терешки Пивоварова.

Во дворе стрелець Ивашко Суханъ, а преже на том месте былъ дворъ посацкого Васки Беса.

Во дворе стрелець Лучка Попов, а преже на томъ месте был дворъ посацкой вдовы Марьицы Кузминой.

Во дворе сотникъ стрелецкой Богдан Ощеринъ, а преже на том месте был дворъ посацкого Петрушки Зубатки.

Всего в Колском остроге // (л. 19 об.) на посаде на тяглой земли стрелецкихъ пятьдесятъ семь дворовъ да двор сотника стрелецкого, а преже на техъ местехъ были посацкихъ людей дворы, и те посацкие люди померли, а они стрелцы с техъ своихъ дворовъ оброкъ платятъ с посацкими ж людьми вместе.

В Колском же остроге и на посаде на тяглой земли дворы стрелецкие, а преже на техъ местехъ посацкихъ дворовъ не было, а они стрелцы с техъ // (л. 20) своихъ дворовъ оброкъ платят же.

Во дворе стрелець Фомка Голубинь.
Во дворе стрелець Федка Раковъ з братомъ.
Во дворе стрелець Тимошка Яковлевъ.
Во дворе стрелець Петрушка Хопинцовъ з братом.
Во дворе стрелець Афонка Тянутой да Ивашко Долгой.
Во дворе стрелець Васка Романовъ з братом Ивашкомъ.
Во дворе стрелець Степанко Потеряй-Деревнинъ з детми.
Во дворе стрелець Ивашко Горничной.
Во дворе стрелець Сенка Наушкинъ.
Во дворе стрелець Ивашко Медведъ. //
(л. 20 об.) Во дворе стрелець Федка Рякишъ.
Во дворе стрелець Ивашко Терентьевъ сынъ Глазуновъ.
Во дворе стрелець Мишка Пуля.
Во дворе стрелецкая вдова Дарьица Ермолина.
Во дворе стрелець Савка Амосов.
Во дворе стрелець Мишка Окатовъ.
Во дворе стрелець Афонка Куроптевъ.
Во дворе голова стрелецкой Иванъ Старковъ.

На церковной земли:

Во дворе стрелець Пронка Мошникъ.
Во дворе стрелець Савка Максимов. //
(л. 21) Во дворе стрелець Юшко Кезин.

Всего в Колскомъ остроге и на посаде на тяглой земли стрелецкихъ семнатцат дворов да двор головы стрелецкого, а преже на техъ местехъ посацких дворов не было. Да три двора на церковной земли.

А в прежнихъ переписных книгахъ РНЕ-го (1647) году написано: в Колскомъ остроге на посаде живутъ на черной земли стрелцы и пушкарки и вдовы стрелецкие и пушкарские // (л. 21 об.) в пятидесяти четырех дворехъ, а те дворы покупаны у посацких людей, а у кого именем, того имянно не писано, а у которыхъ посацкихъ людей те дворы покупаны, и те посацкие люди померли, а с техъ своихъ дворовъ оброкъ платили с посацкими людьми.

В Колскомъ остроге за Колою рекою в Печенскомъ монастыре двор конской да на мельнице келья, да в старомъ Печенскомъ монастыре от Колскаго острога // (л. 22) за триста верстъ двор монастырской для приезду промышленныхъ людей, а работныхъ людей и бельцов у нихъ в монастыре Сенка Пом-

па, Юшко Куль, Первушка Брылинъ, Архипко Сова, Назарко Онтоновъ, Васка Спиридоновъ Корелянинъ, да из найму живет казачекъ Мишка Захаровъ.

Всего в Печенском монастыре ихъ монастырскихъ работников шесть человекъ да наемной казачекъ.

В прежнихъ переписных книгах РНЕ-го (1647) году за Печенским монастыремъ работныхъ людей не написано. //

(л. 22 об.) Да за Печенским же монастыремъ ихъ крещеныхъ лопарей два погостишка: Печенской да Мотоской.

В погосте Печенском в веже Игнашка Федоров, а у него три сына: Петрушка, Ивашко да Васка, а у сына ево Петрушки сынъ Иевко пяти летъ.

В веже Петрушка Гаврилов, а у него два сына: Трифанко да Федка, а у сына ево Трифонка сынъ Ларка трехъ летъ.

В той же веже Степанко Гавриловъ, а у него сынъ Петрушка пяти летъ, да у него ж Степанка шуринъ Ивашко Ивановъ.

В веже Лазарко Юрьевъ, а у него // (л. 23) два сына: Якимко четырех летъ, Федка шти летъ.

В той же веже Андрюшка Ефремов, а у него сынъ Пашко шти летъ.

В той же веже Калинко Григорьевъ.

В той же веже Васка Ивановъ, а у него пасынокъ Сенка Ивановъ.

В веже Мишка Ивановъ, а у него два брата: Кирилко да Елеска.

В той же веже Якушко Филиповъ, а у него сынъ Гаврилко десяти летъ.

В веже Ромашка Иванов, а у него два сына: Микитка да Пашко.

В той же веже Игнашко Якимовъ.

В Мотоском погосте: //

(л. 23 об.) В веже Ивашко Савинъ, а у него четыре сына: Васка, Митка девяти летъ, Лутьянко шти летъ, Сергушка пяти недель.

В той же веже Васка Федоровъ, а у него племянникъ Савка Агеев десяти летъ.

В веже Васка Парфеньевъ, а у него сынъ Степанко шти летъ.

В той же веже Якушко Степановъ сынъ Рудышкинъ, а у него сынъ Петрушка шести летъ.

В той же веже Анисимко Андреевъ, родомъ Парецкого погоста Кончанские лопи.

В той же веже Андрюшка Матвеевъ, родомъ Нявдемского погоста // (л. 24) Кончанские лопи.

В веже Юшко Савельевъ, а у него три сына: Гришка десяти летъ, Сенка осми летъ, Федка увечен – руками и ногами не владеетъ в рослабленье.

В той же веже Ефимка Семеновъ пяти летъ да Федотко Никулинъ трехъ летъ.

В той же веже Васка Федотовъ, а у него сынъ Евдокимко трехъ недель.

В веже Сенка Федоровъ, а у него три сына: Федко, Гаврилко, Юшко, а у Федки три сына: Петрушка семи летъ, Пронка пяти летъ, Якушко двухъ летъ.

В той же веже зять ево Сенкинъ Тимошка Харлампьевъ, // (л. 24 об.) а у него сынъ Мишка трехъ летъ.

В том же Мотоском погосте живут для прокормления Кончанские лопи Сонъгелского погоста лопинъ Игнашка Афонасьевъ сынъ Лавлоевъ да Пазрецкого погоста лопинъ Мишка Спиридоновъ.

Всего в Печенском да в Мотоском в ду (*так!*) погостехъ девять вежъ, а людей в нихъ лопянь двацать два человека да ихъ детей и братьи и племянниковъ пятнатцать человекъ да дватцать три человека недорослей. //

(л. 25) А в прежнихъ переписныхъ книгахъ переписки РНЕ-го (1647) году за печенскими старцы в Печенскомъ да в Мотоскомъ погостехъ крещеныхъ лопарей написано дватцать пять человекъ и з детми, а недорослей и сколко в котором погосте вежъ, того не написано.

А прибыло передъ прежнею переписною книгою двенатцать человекъ.

Колскаго острога в уезде в Кандалашской волости дворы крестьянские // (л. 25 об.) и в нихъ люди:

Во дворе попъ Стефанъ Дваниловъ на белой церковной земли, а у него шесть сынов: Никонко, Гришка, Петрушка десяти лет, Ивашко четырехъ летъ, Левка двухъ летъ, Афонка полутодовой.

Во дворе крестьянинъ староста Петрушка Шпынев на тяглой земли, а у него Петрушки три сына: Андрюшка десяти лет, Степанко пяти летъ, Мишка полторыхъ летъ, а на подворье у него живетъ племянникъ ево Петрушкинъ Якушко Анофреевъ сынъ Шпынев же. //

(л. 26) Во дворе крестьянинъ Макарко Лутьяновъ, а у него Макарка два брата: Алешка да Ивашко, а на подворье у него живетъ бобыль Демидко Архиповъ сынъ Алаевъ, а у него Демидка сынъ Ивашко четырехъ лет.

Во дворе крестьянин Ивашко Павлов сынъ Кипповъ, а у него Ивашка два брата: Кирилко, Пашко осми летъ.

Во дворе крестьянинъ Савка Анисимовъ.

Во дворе крестьянинъ Потапко Фоминъ сынъ Немкинъ, а у него Потапки два сына: Ивашко да Гришка пяти летъ.

Во дворе просвирня // (л. 26 об.) Стефанидка Осифова дочь, а у нее два сына: Кирилко да Петрушка Пулчаковы на белой земли.

Во дворе крестьянинъ Мишка Григорьев сынъ Пушкаревъ, а у него Мишки три сына: Савка десяти летъ, Ивашко семи летъ, Афонка трехъ летъ.

Во дворе крестьянинъ Оска Фоминъ сынъ Посников, а у него брат Афонка, да у него ж Оски два сына: Ивашко трехъ летъ, Мишка двухъ летъ, а у брата ево Афонки сынъ Митка двухъ летъ, а на подворье у нихъ живутъ два племянника: Якимко да Ивашко Михайловы дети Посниковыхъ.

Во дво // (л. 27) ре крестьянинъ Федка Кузминъ сынъ Майковъ, а у него Федки четыре сына: Андрюшка одиннатцати летъ, Якушко пяти летъ, Левка четырехъ летъ, Данилко трех лет, а на подворье у него живет бобылекъ Антипко Кузминъ.

Во дворе крестьянинъ Савка Гавриловъ сынъ Кирмоевъ, а у него Савки два сына: Ивашко трехъ летъ, Артюшка годовой, а на подворье у него живетъ бобылекъ Васка Трофимов сынъ Сямозер.

Во дворе крестьянинъ Анисимко Федоровъ сынъ Шуезеровъ, а у него Анисимка сынъ Ивашко двунатцати недель. //

(л. 27 об.) Во дворе крестьянинъ Ивашко Федоровъ сынъ Кудринъ, а на подворье у него живетъ пришлоу человекъ Якушко Корелянинъ.

Во дворе крестьянинъ Якушко Федотов сынъ Корташевъ, а у него Якушка два брата: Никулка да Илюшка Федоровы ж *(так!)* дети Корташевы, да у него ж Якушка сынъ Петрушка полторых летъ.

Во дворе крестьянин Кондрашка Трофимовъ, а у него Кондрашки два сына: Аврамко девяти летъ, Степанко трехъ летъ, а на подворье у него живетъ Мишка Корелянинъ, а у него сынъ Ивашко полугодовой.

Во дворе // (л. 28) крестьянинъ Родка Данилов, а у него Родки сынъ Ивашко трехъ летъ, а на подворье у него живетъ Кондрашка Кемлянинъ, а у него сынъ Ивашко трех летъ.

Во дворе крестьянинъ Левка Евдокимовъ сынъ Губа, а у него Левки четыре сына: Ивашко да Митка одиннатцати летъ, Митка ж пяти летъ, Лучка трехъ летъ.

Во дворе крестьянинъ Елфимко Пахомовъ, а у него Елфимка три сына: Петрушка, Онашко да Ивашко.

Во дворе крестьянин Захарко Васильевъ сынъ Вялковъ, а у него братъ Ивашко, а на подворье у него // (л. 28 об.) живутъ два бобылка: Клишко Корелянинъ, Еремка Горловъ, а у Еремка два сына: Максимко двунатцати летъ да Петрушка семи летъ.

Во дворе крестьянинъ Филка Якимовъ сынъ Шалуев, а у него Филки три сына: Матюшка, Аврамко осми летъ, Фадейко семи летъ, а на подворье у него живетъ бобылекъ Федка Кореневъ, а у него сынъ Ивашко двухъ летъ, да у него ж живетъ на подворье бобылекъ Матюшка Алексеевъ сынъ Корелянинъ.

В Кандаляшской же волости за Нивою рекою на монастырской Канда // (л. 29) лашского монастыря земли:

Во дворе крестьянин Родка Анцыфоровъ, а у него Родки братъ Харитонко Анцыфоровъ же, а у Родки четыре сына: Афонка да Федка тринаццати летъ, Гришка трех летъ, Петрушка двух летъ, да у брата ево у Харки два сына: Хотейко да Тимошка тринаццати летъ.

Во дворе крестьянинъ Филка Федоровъ сынъ Кялминъ, а на подворье у него живетъ вотчим ево Изотикъ Корниловъ, а у него Зотка три сына: Ивашко пяти летъ, да Ивашко ж четырехъ летъ, Афонка двухъ летъ, а на подворье у него Филки живетъ // (л. 29 об.) пришлой Демидко Иванов.

В Кандаляшской волости дворы бобыльские:

Во дворе бобыль Антипка Савинъ сынъ Дуркинъ, а у него братъ Митка.

Во дворе бобыль Володка Васильевъ сынъ Гарюсовъ, а у него Володки два брата: Бориско да Степанко, а на подворье у нихъ живутъ Федотко Даниловъ сынъ Кярзинъ да Левка Якимовъ.

Избенко из сенишки, а в ней живетъ нищей бобыль Ивашко Степановъ Киппоевъ, а у него Ивашка два сына: Якушко девяти летъ, Ларка двухъ летъ.

Во дворе бобыль Гришка Кузминъ, а у него // (л. 30) Гришки четыре сына: Алешка да Никитка одиннатцати летъ, Илюшка семи летъ, Лучка двухъ летъ.

Во дворе бобыль Петрушка Максимовъ сынъ Котовъ, а у него Петрушки два брата: Гришка да Микитка, а на подворье у нихъ живутъ два ж брата: Пронка да Петрушка Лазаревы дети Мостовиковы.

Во дворе бобыль Ивашко Парамоновъ, а у него Ивашка сынъ Афонка двухъ летъ.

Во дворе бобыль Демидко Осиповъ сынъ Огневъ, а у него Демидка два сына: Афонка шти летъ, Ивашко трехъ летъ, а на подворье у него живет // (л. 30 об.) братъ Афонка Огнев же.

Во дворе бобыль Тимофейко Алимпиев, а у него Тимофейка два брата: Пронка да Илейка.

Во дворе бобыль Фомка Марковъ сынъ Суботинъ, а у него Фомки два сына: Федка тринаццати летъ, Мишка четырехъ летъ, да с ним живутъ два племянника: Васка десяти летъ, Гришка пяти летъ, а на подворье у него живетъ Мартьянко Марковъ, а у него Мартьянка сынъ Петрушка полугодовой.

Во дворе бобыль Елфимко Семеновъ Падужного, а у него Елфимка братъ Филимонко, а детей у него // (л. 31) Елфимка четыре сына: Федко семи летъ, Трошко пяти летъ, Гаврилко четырехъ летъ, Ларка двухъ летъ.

Во дворе бобыль Пашко Федотов сынъ Житкого, а у него два брата: Гришка да Елфимко десяти летъ.

Во дворе бобыль Гришка Никифоровъ сынъ Лобановъ, а у него Гришки сынъ Матюшка тринаццати недель, а на подворье у него живутъ Ивашко да Якушко Степановы дети Немчиновы, а у Ивашка сынъ Алешка двухъ летъ.

Во дворе нищая вдова Федотьица Сиверикова дочь, а на подворье у ней живетъ бобыль Петрушка Луга, // (л. 31 об.) а у него Петрушки сынъ Ивашко двухъ летъ.

Во дворе бобыль Елфимко Степановъ, а на подворье у него живетъ пасынокъ Ивашко Фокинъ сынъ Шестаков, а у него Ивашка сынъ Гришка двухъ летъ.

Во дворе бобыль Кондрашка Ивановъ сын Малестров, а на подворье у него три бобылька: Ефремко Пахомовъ, Гришка да Елеска Семеновы дети Солодовы.

Во дворе бобыль Савка Ивановъ Судовиковъ, а у него Савки пять сыновъ: Афонка, Степанко, Ивашко, Евсейко, Тиханко десяти летъ, а на подворье у него живетъ Петрушка // (л. 32) Мартынов тринаццати летъ.

Во дворе бобыль Митка Данилов, а у него Митки два сына: Клименко семи летъ, Мишка четырехъ летъ, а подворье у него Алешка Трофимовъ сынъ Лихачевъ.

Изба из сенишки, а в ней живетъ бобыль Ларка Ефтифеевъ, а у него Ларки сынъ Якушко трехъ летъ.

Во дворе бобыль Ерофейко Дмитриевъ, а у него брат Дениско, а на подворье у него живет Гашко Володимировъ з братом Ивашком.

Во дворе бобыль Васка Петровъ, а у него Васки два сына: Лазарко да Сергушка двунатцати летъ.

За Нивою рекою на монастырской земли // (л. 32 об.) Кандалашского монастыря:

Во дворе бобыль Мишка Кузминъ Телятниковъ, а у него Мишки брат Матюшка, а на подворье у него живетъ бобылекъ Алешка Савинъ сынъ Судовиковъ, а у него Алешки два сына: Карпушка двунатцати летъ, Федка девяти летъ.

Во дворе бобыль Филка Яковлевъ сынъ Клятина, а у него Филки три сына: Ивашко одиннатцати летъ, Евсейко трехъ летъ, Савка годовой.

Во дворе бобыль Петрушка Елисеевъ сынъ Здрегинъ, а у него Петрушки два сына: Левка четырнатцати летъ, Бориско осми летъ. //

(л. 33) Во дворе два бобылка: Алешка да Пронка Ипполитовы дети Капшакова, у Алешки сынъ Ивашко полуторыхъ летъ, а на подворье у них живетъ корелянинъ Сенка Луповъ сынъ Масленикъ.

Во дворе бобылекъ Трифонко Яковлевъ сынъ Завьяловъ, а у него два сына: Митка, Ивашко годовой.

Во дворе бобыль Ивашко Филиповъ, у него Ивашка три сына: Гашко да Захарко четырнатцати летъ, Алешка трехъ летъ, а на подворье у него живетъ пасынокъ ево Мишка Васильевъ сынъ Полежаевъ да бобылекъ Пронка Андреевъ сын Поднорок. //

(л. 33 об.) Во дворе бобыль Матюшка Васильевъ сынъ Худокуевъ, а на подворье у него зять ево Микитка Иванов, а у него Микитки сынъ Левка пяти летъ.

Во дворе бобылекъ Лаврушка Алексеевъ сынъ Комар, а у него Лаврушки два сына: Ивашко да Куземка трехъ летъ, а на подворье у него живетъ бобылекъ Демидко Паюсов да пришлоу Логинко Григорьевъ, да у него ж живетъ нищей Митка Мартыновъ сынъ Торопыгинъ семи летъ.

Во дворе бобылекъ Ефтифейко Ивановъ, а у него Ефтифейка два сына: Федько семи летъ, Кирилко пяти летъ, а на подворье у него живет // (л. 34) Трошко Алексеевъ сынъ Комаръ, а у него Трошка два сына: Митка четырехъ лет, Бориско осмнатцати недель.

Во дворе бобылекъ Никулка Кяминъ, а у него братъ Анцыфоръко Кямин же живетъ на подворье у монастырского бобылка у Федотка Круглова.

Всего в Кандаджской волости и за Нивою рекою крестьянских дватцать дворовъ да бобыльскихъ дватцать восемь дворов, да две избенки, да на белой земли двор поповъ, другой дворъ // (л. 34 об.) просфирнинъ, а людей в нихъ крестьянъ дватцать человекъ, да у нихъ братьи и детей и племянниковъ дватцать два человека, да тритцать пять человекъ недорослей, да тритцать человекъ бобылей, да у нихъ братьи и детей и племянниковъ дватцать пять человекъ, да тритцать восемь человекъ недорослей.

Да в тех же дворехъ у крестьян и бобылей живутъ на подворье дватцать семь человекъ бобылей да прихожанъ корелянъ шесть человекъ, да у нихъ детей недорослей семнатцать человекъ.

И обоено в Кандашской волости // (л. 35) бобылей пятьдесят семь человекъ да детей ихъ и братьи дватцать пять человекъ, да шесть человекъ прихожихъ корелянъ, да пятьдесятъ человекъ недорослей.

А в прежних переписных черныхъ книгахъ переписки РНЕ-го (1647) году в Кандашской волости написано крестьянскихъ девять дворовъ, а людей в нихъ семнатцать человекъ и з детми, да бобыльскихъ шеснатцать дворовъ, а бобылей в нихъ тритцать три человека и з детми, а недорослей в техъ прежнихъ черныхъ переписныхъ книгахъ не написано. //

(л. 35 об.) А прибыло перед прежнюю переписною книгою в Кандашской волости одиннатцать дворовъ крестьянскихъ да два двора попов, да просфирнинъ, да двенатцать дворов бобыльскихъ, а людей в нихъ крестьян прибыло три человека, да ихъ братьи и племянниковъ дватцать два человека, да тритцать пять человекъ недорослей, да бобылей дватцать четыре человека, да бобыльскихъ детей и братьи дватцать пять человекъ, да недорослей пятьдесят пять человекъ.

В Колскомъ же уезде в Кан // (л. 36) далашской волости на усть реки Нивы Кандашской монастырь на белой земли да дворъ конской, да две кельи, живутъ в нихъ нищие, да у нихъ в монастыре ихъ работниковъ монастырскихъ тружаются в монастыре ис платья: Кирилко Григорьевъ сынъ Хабуровъ, Евсей Комарковъ сынъ Суботинъ, Гришка Цыгой лопинъ, Ларка Ерикуъ лопинъ же, Михалка Патока лопинъ же, Якушко Кореловъ, Афонка Нестеровъ, Бориско Сумлянинъ, Ивашко Григорьевъ, Левка глухой и хромой, Сергушка хромой, Петрушка немой, Ивашко Дмитриевъ, // (л. 36 об.) Сидорко Иванов сынъ Сваинъ да два повара: Сенка да Левка; Степанко Титов.

Да за Кандалашским же монастыремъ три дворика бобыльскихъ, на ихъ монастырской земли:

Во дворе бобылекъ Федотко Круглой.

Во дворе бобылекъ Никулка Евъсевьев сынъ Варухинъ, а у него братъ Юшко, да у Никулки два сына: Максимко осми летъ, Федотко трех летъ, а у брата ево Юшка три сына: Илюшка девяти летъ, Ивашко шти летъ, Ефтючко трехъ летъ.

Во дворе бобылекъ Митка Ивановъ // (л. 37) сынъ Деменинъ, а у него Митки четыре сына: Елизарко да Федотко тринадцати лет, Митка шти летъ, Илюшка трехъ летъ.

Того ж Кандалашского монастыря у соляныхъ пяти варницъ в Лувенге и в Колвицы и в Княжей и в Широкой и в Кукине губахъ ихъ монастырскихъ пять келей, а в нихъ живут приказные старцы да работные ихъ монастырские трудники: Агафонко Корела, Якушко Спиридоновъ сынъ Онега, Петрушка Иванов сынъ Цыпа, Якушко Яковлев сын хромой керечанин, да Ивашко Рангуй, Марчко Змея, // (л. 37 об.) Герасимко Иванов Корела, да Корнилко поварокъ, да в тех же усольях поставлено десять избъ для приходу работныхъ людей, а приходятъ в те ихъ усолья работать, дров сечь и соль варить, кандалашские крестьяня и иныхъ волостей всякие люди из найму.

Всего в Кандалашском монастыре и в усольяхъ ихъ монастырскихъ работниковъ, кои тружаются ис платья, дватцать пять человекъ да три бобыльскихъ дворовъ, а в нихъ бобылковъ три человека, да ихъ братья и детей и недорослей // (л. 38) тринадцать человекъ, да три келейки, а в нихъ живутъ нищие.

А в прежнихъ переписныхъ черныхъ книгахъ переписки головы стрелецкого Леонтя Озарева да подьячего Василья Звягина РНЕ-го (1647) году за Кандалашскимъ монастыремъ шесть дворовъ бобыльскихъ, а в них бобылей семь человекъ, да у пяти варницъ в усольяхъ пять избъ поставлены для приходу работныхъ людей дровосекъ, а монастырскихъ трудниковъ в прежнихъ переписныхъ книгахъ и келеекъ не написано. //

(л. 38 об.) А прибыло передъ прежнею переписною книгою за кандалашскими старцы три человека бобылковъ да дватцать пять человекъ ихъ монастырскихъ работниковъ, да три келейки.

А убыло передъ прежнею переписною книгою за кандалашскими старцы три дворика бобыльскихъ.

Колскаго уезда в Князегубской волости дворы бобыльские и в них люди:
Во дворе бобылекъ Данилко Андреевъ сынъ Гяптеевъ, а у него // (л. 39)
Данилка два брата: Ивашко да Никитка тринадцати летъ.

Во дворе бобылекъ Куземка Ивановъ сынъ Майковъ, а у него Куземки
три сына: Моисейко, Ефремко, Филка.

Во дворе бобылекъ Аверка Филатов сын, а у него четыре брата: Степан-
ко, Мишко, Ивашко, Петрушка десяти летъ, а у Аверки сынъ Ивашко трехъ
летъ, а у брата ево Аверкина у Степанка сынъ Гришка двухъ летъ.

Во дворе два бобылка: Петрушка Иванов сынъ Горловъ да Кондрашко
Федоровъ сынъ Семков, да у них живет // (л. 39 об.) на подворье бобылекъ
Петрушка Калининъ.

Во дворе бобылекъ Лукьянко Марковъ сынъ Суботинъ, а у него три
сына: Федка, Афонка, Митрофанко, а у сына ево у Федки сынъ Ивашко годо-
вой, а на подворье у него живетъ бобылекъ Ефтючко Синица.

Во дворе бобылекъ Сергушка Обросимов сынъ Мошникъ, а у него три
сына: Савка, Матюшка десяти летъ, Мишка осми летъ.

Во дворе бобылекъ Фефилко Корыхало, а у него Фефилка два сына: Фом-
ка да Якушко, а у сына ево у Фомки сынъ Захарко десяти недель, // (л. 40)
а на подворье у него живетъ бобылекъ Дорофейко Федоровъ сынъ Куликовъ.

Во дворе бобылекъ Андрюшка Калининъ сынъ Хохол, а у него два сына:
Ивашко пяти летъ, Савка трехъ летъ, а на подворье у него живетъ бобылекъ
Левка Ивановъ сынъ Обросимова.

Во дворе бобылекъ Ивашко Иванов сынъ Майковъ, а у него два сына:
Ивашко, Ефтючко четырехъ летъ, а на подворье у него живутъ Гришка да
Федка Фроловы дети Чакины.

Всего в Князегубской волости бобыльскихъ девять дворов, а людей в
них // (л. 40 об.) десять человекъ бобылей, да у нихъ детей и братьи четыр-
надцати человекъ да одиннадцати человекъ недорослей, да у них же живут на
подворье шесть человекъ бобылков.

И обоево в Князегубской волости шестнадцати человекъ бобылков да у
нихъ детей и братьи и племянниковъ четырнадцати человекъ да одиннадцати
человекъ недорослей.

А в прежнихъ переписныхъ черныхъ книгахъ переписки РНЕ-го (1647)
году написано в Князегубской волости пять дворов бобыльскихъ, а людей в
нихъ бобылей двенадцати человекъ и з детми. //

(л. 41) А прибыло перед прежнею переписною книгою РНЕ-го (1647) году в Княжегубской волости четыре двора бобыльских да четыре человека бобылка да четырнатцать человекъ детей ихъ и братьи и племянников, да одиннатцать человекъ недорослей.

Колскаго уезду в волости в Порегубы дворы бобыльские, а в них люди:

Во дворе на церковной земли попъ Иван Дементьевъ сынъ Каюкъ, а у него два сына: Федка да Ивашко.

Во дворе Петрушка Ивановъ // (л. 41 об.) сынъ Еговитинъ.

Во дворе Сенка Емельяновъ сынъ Поповъ, а у него Сенки три брата: Филка да Ларка шти летъ, Ивашко четырехъ летъ, да у него ж Сенки живет подворникъ Митка Даниловъ, да у него ж Митки сынъ Андрюшка годовой.

Во дворе Лазарко Федотовъ сынъ Торопыгинъ, а у него Лазарка сынъ Васка тринацати летъ.

Во дворе Фофанко Васильевъ сынъ Rogozinъ, а у него Фофанко пять сыновъ: Ивашко, Нифанко, Никонко, Карпушка да Маркелко, а у сына ево Ивашка сын Ивашко полугодовой. //

(л. 42) Во дворе Родка Васильевъ сынъ Rogozinъ, а у него Родки четыре сына: Мишка, Карпушка, Никифорко да Афонка тринацати летъ. Да у него ж Родки пасынокъ Терешка Ермолинъ.

Дворъ Соловецкого монастыря, а в нем живетъ бобылекъ Соловецкого монастыря Петрушка Иванов сынъ Гневашева, а у него Петрушки два сына: Савка, Андрюшка пяти летъ.

Всего в Порегубской волости пять дворовъ бобыльскихъ, да двор поповъ на церковной земли, а людей // (л. 42 об.) в нихъ пять человекъ бобылей, да ихъ детей и братьи тринацать человекъ, да пять человекъ недорослей, да двор Соловецкого монастыря, а в нем один бобыль да у него два сына.

А в прежнихъ переписныхъ черныхъ книгахъ переписки РНЕ-го (1647) году в Порегубской волости написано четыре двора бобыльскихъ, а людей в нихъ девять человекъ и з детми, а недорослей в техъ переписныхъ книгахъ в Порегубской волости не написано.

А прибыло перед прежними переписными книгами в Порегубской // (л. 43) волости двор бобыльской да двор попов, да дворъ Соловецкого монастыря, да четыре бобыля, да пять человекъ недорослей, да Соловецкого монастыря бобыль, а у него два сына.

Колскаго уезду в Ковской волости дворы крестьянские и бобыльские и в нихъ люди:

Во дворе крестьянинъ Якимко Ефтифеевъ, а у него два сына: Климко да Ивашко.

Во дворе крестьянинъ Ивашко Лазарев сынъ, а у него сынъ Гашко. //

(л. 43 об.) Во дворе крестьянинъ Илюшка Федоровъ, а у него два сына: Ларка да Пашко, да у него Илюшки внукъ Мокейко Григорьевъ.

Во дворе крестьянинъ Юшко Григорьевъ, а у него братъ Ермолька, да у Юшка два сына: Мишка пяти летъ, Ивашко годовой.

Во дворе крестьянинъ Фофанко Исаковъ, а у него три сына: Пашко, Ивашко пяти летъ, Моисейко годовой.

Во дворе крестьянинъ Ивашко Федоровъ, а у него три сына: Васка, Кондрашка да Савка пяти летъ.

Во дворе крестьянинъ Патрекейко Васильев, // (л. 44) а у него братъ Евдокимко, да у него ж Патрекейка три сына: Федка, Ивашко, Ивашко ж осми летъ, а у брата ево Евдокимка два сына: Афонка четырех лет, Фомка годовой.

Во дворе крестьянинъ Ермолка Мироновъ, а у него четыре брата: Федка, Гришка, Пронка, Терешка, и тот Терешка сошел тому летъ пять, да у него ж два племянника родныхъ: Васка четырнатцати летъ, Лучка тринацати летъ.

Во дворе крестьянинъ Ивашко Васильевъ сынъ Лодейкинъ, а у него сынъ Тимошка пяти летъ.

Во дворе крестьянинъ Артюшка Авдеев // (л. 44 об.) сынъ Конанов.

Во дворе крестьянинъ Омелка Ларионовъ сынъ Сорокинъ, а у него братъ Ивашко, да у него ж живетъ подворникъ крестьянинъ Сысойко Лазарев, а у него Сысойка три сына: Се[р]гушка, Никитка девяти летъ, Мишка шти летъ.

Во дворе крестьянинъ Акакейко Трифановъ, а у него Акакейка четыре сына: Карпушка, Федотко, Крисанко, Афонка. В том же дворе крестьянин Артюшка Трифанов же, а у него Артюшки три сына: Данилко, Тимошка, Алимпейко пяти лет.

В Ковской же волости:

Во дворе бобылекъ Гордюшка Ми // (л. 45) нинъ сынъ керечанинъ да другой бобылекъ Пронка Федоровъ, а у Пронки сынъ Ивашко пяти летъ.

Во дворе бобылекъ Афонка Ивановъ сынъ Поповъ, а у него сынъ Анича (так!) трехъ летъ.

Всего в Ковской волости крестьянскихъ двенатцать дворов, а людей в нихъ крестьянъ четырнатцать человекъ, да два двора бобыльскихъ, а у нихъ детей и братьи дватцать пять человекъ, да четырнатцать человекъ недорослей, да три бобылька, а у нихъ детей два человека. //

(л. 45 об.) А в прежних переписных книгахъ переписки РНЕ-го (1647) году в Ковской волости написано десять дворовъ бобыльскихъ, а людей в нихъ пятнатцать человекъ и з детми, а недорослей в техъ переписных книгахъ не написано.

Прибыло перед прежними переписными книгами два двора крестьянскихъ да два двора бобыльскихъ, да два человека бобылька, да дватцать пять человекъ братьи и племянниковъ, да четырнатцать человекъ недорослей. //

(л. 46) Колскаго уезду Соловецкого монастыря вотчины в Керецкой волости дворы бобыльские:

Двор монастырской, а в том дворе приказной соборной иеромонахъ Дионисей да таможенная изба, а у него восемь человекъ служекъ монастырскихъ: Михалко Савинъ, Сергушка Матвеевъ, Пронка Ивановъ, Давыдко Даниловъ, Савка Ивановъ, Михалко Гавриловъ, Куземка Филиповъ, Федотко Яковлевъ сынъ древень.

Во дворе попъ Митрофанъ Иванов, а у него три сына: Митка, Ефимко да Федорко.

Во дворе церковной дьячекъ Афонка Осиповъ, а у него // (л. 46 об.) два сына: Якушко трех летъ, Алешка двухъ летъ, да у него ж подворник казачекъ Степанко Нестеровъ, а у него Степанка пасынокъ Ивашко Петровъ двунатцати летъ.

В келье церковной пономарь Савка Онътоновъ, а у него Савки сынъ Евдокимко четырехъ летъ.

Во дворе староста Ивашко Исаковъ, а у него Ивашка сын Ивашко ж двухъ летъ.

Во дворе бобыль Фомка Яковлевъ, а у него Фомки братъ Анисимко, да у него ж Фомки два сына: Степанко пяти летъ, Васка трехъ летъ, а отецъ ево Фомкинъ Якушко // (л. 47) Кондратьев древень лежитъ на одре.

Во дворе бобыль Сенка Никитин, а у него Сенки три сына: Нестерко тринатцати летъ, Ивашко семи летъ, Митка пяти летъ, да у него Сенки на

подворье два казачка: Никитка да Никитка ж Лукины дети, а ихъ отецъ Лука Федоров сынъ древень.

Во дворе бобыль Тимошка Симановъ.

Во дворе бобыль Ивашко Михеев, а у него Ивашка три сына: Степанко шти лет, Мишка четырехъ летъ, Федка годовой, да у него жъ на подворье живетъ бобыль Микитка Матфеевъ, а у него Микитки два сына: Матюшка // (л. 47об.) да Сенка.

Во дворе нищая вдова Екатеринка, а у нее сынъ Демидко Ивановъ двенатцати летъ.

Во дворе бобыль Федорко Кондратьевъ, а у него Федки два брата: Якушко, Федосейко, да у него жъ Федорка сынъ Куземка семи летъ, а отецъ ихъ Кондрашка древень.

Во дворе бобылекъ Ивашко Кузминъ, а у него Ивашка братъ Костюшка тринадцати летъ, да у него ж Ивашка на подворье живетъ казачекъ Степанко Тихановъ.

Во дворе бобыль Лазарко Юрьевъ, а у него Лазарка // (л. 48) два брата: Ивашко да Митка девяти летъ, а отецъ ихъ Юшко слепъ лежитъ на одре.

Во дворе бобыль Оска Ивановъ, а у него братъ Сенка двенатцати летъ, да у него жъ на подворье живетъ казачекъ Ивашко Матфеевъ сынъ древень.

Во дворе бобыль Ивашко Никифоровъ, а на подворье у него Ивашка живетъ казачекъ Мосяшка Васильевъ, а у него Мосяшки два брата: Якушко одиннатцати лет, Матюшка пяти летъ.

Во дворе бобыль Ивашко Васильевъ, а у него Ивашка сынъ Степанко двух летъ, / (л. 48 об.) а отецъ ево Ивашков Васка Вышко древень лежитъ на одре.

Во дворе бобыль Андрюшка Осиповъ, а у него Андрюшки братъ Гришка.

Во дворе бобыль Петрушка Полуяновъ, а у него два брата: Сисойко да Федорко, да у него ж Петрушки сынъ Микитка четырехъ летъ, а у брата ево у Сисойка сынъ Стенка шти летъ, а отецъ ихъ Полуянко Семеновъ былъ древень и немъ.

Во дворе бобыль Тимошка Семенов, а у него Тимошки братъ Якушко, да у него ж Тимошки сынъ Сидорко четырнатцати летъ.

Во дво // (л. 49) ре бобыль Антошка Иванов, а у него Антошки сынъ Ивашко двух летъ, да у него жъ Антошки на подворье казачекъ Пронка Евфимов.

Во дворе бобыль Понкрашка Петровъ, а отецъ ево Панкрашкинъ Петрушка древень лежитъ на одре.

Во дворе бобыль Васка Ильинъ сынъ, а у него Васки два брата: Деянко, Ромашко; у Васки сынъ Никифорко четырехъ летъ, а у брата ево Деянки сынъ Андрюшка четырехъ летъ.

Во дворе бобыль Васка Андреевъ, а у него Васки сынъ Карпушка двухъ летъ, да у него ж три племянника: Ромашка, Евсейко тринадцати летъ, // (л. 49 об.) Федка шти летъ Мемновы дети.

Во дворе бобыль Дениско Онтоновъ, а у него Дениска братъ Ермилка, да у него ж Дениска два сына: Федка трехъ летъ, Васка полугодовой.

Во дворе бобыль Кирилко Полуяновъ, а у него Кирилка сынъ Никифорко полугодовой, да у него ж Кирилка дядя ево Парфенко Захарьевъ древень лежитъ на одре.

Во дворе бобыль Петрушка Кузминъ.

Во дворе бобыль Евстратко Ивановъ, а у него Евстратка два сына: Федотко семи летъ, Гараска пяти летъ, хром лежитъ на одре.

Во дво // (л. 50) ре бобыль Тимошка Исаковъ, а у него Тимошки братъ Ивашко.

Во дворе бобыль Федорко Ивановъ, а у него Федки сынъ Ивашко пяти летъ розслабленъ лежитъ на одре, да у него ж на подворье живет казачекъ Гараска Игнатьевъ, а у него Гараски сынъ Федка получетвертыхъ летъ.

Во дворе бобыль Июдка Семеновъ, да у него ж на подворье живетъ казачекъ Стенка Трофимовъ.

Во дворе бобыль Петрушка Филиповъ, а у него Петрушки братъ Федосейко, да у них же вотчимъ Якимко Зиновьевъ древень. //

(л. 50 об.) Во дворе бобыль Якимко Васильевъ, а у него Якимка братъ Стенка, а у Якимъка сынъ Исачко, у Степанка сынъ Мишка.

Во дворе бобыль Стенка Ивановъ, а у него Стенки два брата: Ивашко, Максимко; в том же полудворе живетъ вдова Федосьица.

Во дворе бобыль Алешка Афонасьевъ сынъ, а у него Алешки два сына: Тимошка да Никифорко десяти летъ, да у него ж на подворье живетъ нищей Петрушка Ивановъ сынъ Хромой, а у него Петрушки два сына: Стенка четырехъ летъ, Никифорко двухъ летъ. //

(л. 51) Во дворе бобыль Ивашко Савостьяновъ, а у него Ивашка сынъ Сенка трехъ летъ, да у него ж пасынок Никифорко Мефодьевъ.

Во дворе бобыль Петрушка Федосьевъ сынъ, а у него Петрушки три брата: Карпушка одиннадцати летъ, Максимко шти летъ, Максимко жъ годовой, а отецъ ихъ Федосейко Яковлев древень.

Во дворе бобыль Агафонко Андреевъ, а у него Агафонка сынъ Корнилко, да у него ж живутъ на подворье племянники ево Федорко да Мосяшка, да Амоска Лукины дети.

Во дворе бобыль Афонка Григорьевъ, а у него // (л. 51 об.) у Афонки братъ Оска, а у Оски сынъ Ивашко трехъ летъ, а у Афонки сынъ Ивашко тринадцати недель.

Во дворе бобыль Иевко Емельяновъ, а у него Иевка два сына: Антошка да Ивашко шти летъ.

Во дворе бобыль Амоско Савинъ, а у него Амоска два брата: Федотко да Демидко.

Во дворе бобыль ивашко Лукинъ, а у него Ивашка два сына: Мишка трехъ летъ, Ивашко десяти недель, да у него ж Ивашка на подворье живетъ казачекъ Омелка Филиповъ, а у него Омелки два сына: Ефимко десяти летъ, Якушко двухъ // (л. 52) недель.

Во дворе бобыль Васка Ермолинъ, а у него Васки два брата: Левка тринадцати летъ, Левка ж двунатцати летъ; у него ж Васки живутъ на подворье казачки: Алешка Афонасьевъ да Митка Харлампиевъ, и тот кривъ и древень.

Во дворе бобыль Антошка Иванов, а у него Антошки три сына: Пронка да Ивашко десяти летъ, Якушко полтрети летъ, да у него ж на подворье живетъ казачекъ Дорошка Евдокимовъ.

Во дворе бобыль Сенка Яковлевъ, а у него Сенки три брата: Мишка, Родка, Тимошка полушеста летъ, а отецъ ихъ Якушко // (л. 52 об.) слепъ и древень.

Во дворе бобыль Кондрашка Никитинъ, а у него Кондрашки три сына: Гашко, Ивашко девяти летъ, Мишка четырехъ летъ, да у него ж племянникъ Ивашко Борисовъ, а отецъ ево Ивашков Бориско древень; а на подворье у него Кондрашки живетъ казачекъ Июдка Яковлев, а у него Июдки сынъ Омелка девяти летъ.

Во дворе бобыль Родка Павловъ, а у него Родки дед ево Мишка Ивановъ древень лежитъ на одре, да на подворье у него Родки живетъ казачекъ Лаврушка Кириловъ сынъ, а у него Лаврушки два сына: Ивашко да Степанко полу // (л. 53) девяти лет.

Во дворе бобыль Степанко Степановъ, а у него Стенки братъ Федка Ивановъ, да у него ж Стенки сынъ Ивашко трехъ недель, да у него ж Стенки на подворье живетъ нищей Матюшка Гавриловъ девяти летъ.

Во дворе бобыль Гордюшка Анкидиновъ, а у него Гордюшки сынъ Федка полчетвертыхъ летъ.

Во дворе бобыль Оска Ивановъ, а у него Оски два брата: Филька, Еремка; да у него жъ Оски два сына: Федка шти летъ, Максимко пяти недель; у брата ево Филки сынъ Андрюшка четырехъ летъ, а отецъ ихъ Ивашко древень лежитъ на одре. //

(л. 53 об.) Во дворе бобыль Ларка Анкидинов.

Во дворе бобыль Якушко Федоров, а у него Якушка два брата: Максимко двунатцати летъ, Федка полушеста летъ.

Во дворе бобыль Петрушка Никитинъ, а у него Петрушки сынъ Васка осми летъ, да у него ж Петрушки живетъ на подворье казачекъ Ефремко Афонасьевъ.

Во дворе бобыль Власко Киприяновъ, а ево Власкинъ отецъ Киприяшка Иванов древен.

Во дворе бобыль Архипко Ильин, а у него Архипка братъ Климко, а отецъ ихъ Илюшка древень.

Во дворе бобыль Пашко Ивановъ, // (л. 54) а у него Пашка четыре сына: Андрюшка, и тотъ увеченъ и безумень, да Ивашко десяти летъ, Гришка четырехъ летъ, Стенка трехъ летъ.

Во дворе бобыль Андрюшка Васильевъ, а у него Андрюшки братъ двоюродной Федотко Климентьевъ.

Во дворе бобыль Анисимко Семеновъ, а у него Анисимка два брата: Фалелейко да Китка (*Так! – Никитка?*), а у брата ево Фалелейка сынъ Пашко годовой.

Во дворе бобыль Ивашко Марков, а у него Ивашка сынъ Максимко десяти летъ, а на подворье у него живетъ казачекъ Аверка Филиповъ, а у него Аверки два сына: // (л. 54 об.) Оска осми летъ, Сенка полторыхъ летъ.

Во дворе бобыльском Петрушка Федоровъ кандалашской казачекъ, а живетъ в Керети тому три года.

Во дворе бобыль Васка Никитинъ, а у него Васки братъ Андрюшка, а у Васки два сына: Стенка пяти летъ, Васка пяти недель.

Во дворе бобыль Васка Антоновъ, а у него Васки два брата: Никонко, Андрюшка двенатцати летъ, а отецъ ихъ Антошка древень лежитъ на одре; да у них же живетъ дядя ихъ Федотко, древень же лежитъ; да у них же Васки на подворье живетъ казачекъ // (л. 55) Антипка Евлампиевъ, а у него два сына: Оска, и тот слепъ, да Евдокимко двунатцати недель.

Во дворе бобыль Исачко Мартемьяновъ, а у него Исачка сынъ Ивашко двенатцати недель, да у него ж на подворье живетъ казачекъ Агафонко Мар-

тыновъ, а у него Агафонка три сына: Сенка девяти летъ, Федка четырехъ летъ, Пашко двухъ летъ.

Во дворе бобыль Аверка Трофимовъ слепъ, а у него Аверки братъ Стенка.

Во дворе бобыль Кипрушка Ивановъ, а у него Кипрушки на подворье живет казачекъ Ефтючко Евъсевьевъ, // (л. 55 об.) а отецъ ево Ефтючков слепъ и древень.

Во дворе бобыль Евдокимъко Степановъ, а у него Евдокимка два брата: Васка да Ивашко девяти летъ.

Во дворе бобыль Антипка Васильевъ, а у него Антипка два сына: Левка семи летъ, Стенка двухъ летъ, да у него ж на подворье живетъ казачекъ Андрюшка Фефиловъ, а у него Андрюшки два сына: Мишка, Ивашко тринадцатидесяти летъ.

Во дворе бобыль Петрушка Мартиновъ.

В Керецкой же волости дворы // (л. 56) казачьи и в нихъ люди и ихъ дети и братья:

Во дворе казачекъ Омелка Садофовъ.

Во дворе казачекъ Якушко Семеновъ, а у него три сына: Наумко девяти летъ, Гришка четырехъ летъ, Андрюшка двухъ летъ.

Во дворе казачекъ Першка Ивановъ, а у него Першки два сына: Андрюшка одиннадцатидесяти летъ, Сенка годовой.

Во дворе казачекъ Никулка Евсеевьевъ, а у него Никулки два сына: Левка пяти летъ, Алешка двухъ летъ, да у него ж живетъ на подворье каза // (л. 56 об.) чекъ, складникъ ево Ивашко Харлампьевъ, а у него Ивашка три сына: Куземка, Федка семи летъ, Спирка четырехъ летъ.

Во дворе казачекъ Гераска Дементьевъ древень, а у него Гераски пасынокъ Васка десяти [летъ].

Во дворе казачекъ Гришка Сидаровъ, а у него Гришки сынъ Федка одиннадцатидесяти летъ.

Во дворе казачекъ Федка Мартыновъ, а у него Федки три сына: Васка девяти летъ, Ивашко пяти летъ, Якушко четырехъ летъ.

Во дворе казачекъ Петрушка Иванов, а у него // (л. 57) Петрушки два сына: Якимко двунатцатидесяти летъ, Гришка трехъ летъ.

Во дворе казачекъ Якушко Кондратьевъ, а у него три сына: Тараско, Сенка, Антошка девяти летъ.

Во дворе казачекъ Титко Ивановъ, а те казачки пришли жить в Керецкую волость Соловецкого монастыря вотчины из ыныхъ волостей, а иные тутошные Керецкие волости жители.

И всего в Керецкой волости бобыльских шестьдесят два двора да десять дворовъ казачьихъ //

(л. 57 об.) И [о]боево бобыльскихъ и казачьихъ семдесят два двора да монастырской дворъ, да церковныхъ причетниковъ дворы, попов да дьячковъ, да пономарева келья, да дворъ нищие вдовицы, а людей в нихъ шестьдесят два человека, а у нихъ детей и братьи и племянниковъ [и] недорослей шестьдесят шесть человекъ, да старых и древныхъ дватцать восемь человекъ, да тритцать пять человекъ казачковъ и с теми, которые живутъ у бобылей на подворье, да у нихъ детей и недорослей // (л. 58) тритцать же пять человекъ, да поп, да дьячекъ, да пономарь, да у нихъ детей три человека, да три недоросля, да восемь человекъ монастырскихъ служекъ.

А в прежнихъ черных переписныхъ книгахъ РНЕ-го (1647) году написано в Керецкой волости два двора крестьянскихъ да сорокъ два двора бобыльскихъ, а людей в нихъ крестьян четыре человека, да шестьдесят человекъ бобылей и з детми, а недорослей не писано. И всего крестьянъ и бобылей шестьдесят четыре человека. //

(л. 58 об.) А прибыло перед прежнею переписною книгою осмнатцать дворов бобыльских да десять дворовъ казачьихъ, да монастырской дворъ, да церковныхъ причетниковъ, поповъ да дьячковъ два двора, да пономарева келья, да нищие вдовы дворъ, да сорокъ четыре человека бобылей и з детми, да сорок шесть человекъ недорослей, да старыхъ и древныхъ дватцать восемь человекъ, да тритцать пять человекъ казачковъ и с теми, которые живутъ у бобылей, да у нихъ детей и недорослей тритцать же пять человекъ, да попъ, да дьячекъ, // (л. 59) да пономарь, да у нихъ трое детей да три недоросля, да восемь человекъ монастырскихъ служекъ.

Колскаго уезда Соловецкого монастыря вотчины в Чернорецком да в Чюпскомъ в дву уосьяхъ:

Два двора монастырскихъ, а в нихъ живутъ приказные старцы да ихъ монастырские работники Микифорко Клементьевъ, Васка Гавриловъ сынъ Пискунъ да Фефилко Антоновъ, да Ивашко Петров, Ивашко Тихановъ дьячекъ, Васка Петров, а родом онъ Керецкой // (л. 59 об.) волости бобыль, Ивашко Епифановъ да Никифорко Павловъ.

В Чернорецкомъ уосье пять избъ монастырскихъ, а поставлены ради работныхъ людей, а в техъ пяти избахъ живутъ тутошные родимцы:

Моисейко Фролов, а у него сынъ Ивашко десяти недель; Корнилко Ано-

совъ; Кондрашка Анофреевъ, а у него сынъ Гаврилко пяти летъ; Елеска Павлов; Федотко Григорьевъ, а родом онъ Олонеска города, а у него четыре сына: Якушко четырнатцати летъ, Парамонко тринаццати летъ, // (л. 60) Корнилко пяти летъ, Омелка полуторыхъ летъ; Матюшка Федоровъ, Елеска Савинъ, Пиминко Яковлевъ, а родом онъ Олонска города.

В Чюпском усолье четыре избы, а поставлены для п[р]иходу работных людей, а в техъ избахъ живутъ тутошные жители:

Сенка Ивановъ сынъ Щадра, Лучка Павловъ; Якушко Артемьевъ, а у него Якушки три сына: Игнашко, Гашко десяти летъ, Ивашко годовой; Еремка Яковлевъ, а у него пять сыновъ: Васка, Ивашко да Ивашко ж, Кирилко, Гришка пяти летъ; Нифонко // (л. 60 об.) Фролов, а у него четыре сына: Оска, Карпушка, Якимко, Петрушка трехъ летъ; Афонка Иванов; Дорошка Ивановъ; Евсейко Прохоровъ, а у него братъ Юрашка пяти летъ.

Всего в Чернорецком да в Чюпском усольяхъ девять избы, а людей в нихъ шеснатцать человекъ да ихъ детей восемь человекъ, да одиннатцать человекъ недорослей.

А в прежнихъ переписных книгахъ РНЕ-го (1647) году написано в Чернорецком да в Чюпском усольехъ семь // (л. 61) дворовъ монастырскихъ, а людей в нихъ бобылей тринаццать человекъ и з детми, а недорослей не писано.

А прибыло перед прежнею переписною книгою людей одиннатцать человекъ да недорослей одиннатцать человекъ.

Да в тех же усольяхъ живутъ прихожие люди из ихъ же Соловецкого монастыря вотчины из ыныхъ волостей и работаютъ из найму: секутъ дрова и соль варятъ летъ по пяти и по десяти переходя и з женами и з детми. //

(л. 61 об.) Колскаго уезда Кончанские лопи верхние земли в погосте на Екострове лопские вежи, а в них люди лопари:

В веже староста Федотко Яковлев сынъ Кусинъ, а у него четыре сына: Сергушка, Никулка, Захарко, Ивашко в рослабенье, а родомъ онъ Федотко Бабенского погоста Кончанские лопи, а пришил жить из Бабенского погоста в Екостровской погостъ во РПП-м (1675) году для того что жить не на чемъ, згодье чужее было, да взяли.

В той же веже Андриюшка Кондратьевъ, а у него два сына: Илюшка, Дениско девяти летъ. //

(л. 62) В веже Юрашка Савельевъ, а у него два сына: Ивашко да Матюшка, да у него ж живетъ зять ево Лучка Игнатъевъ.

В той же веже Ивашко Микитинъ, а у него сынъ Федка.

В веже Васка Григорьевъ сынъ Сорванъ, а у него два сына: Федка да Ивашко семи летъ.

В той же веже Ивашко Марковъ, а у него сынъ Алешка шти летъ.

В веже Ивашко Михайлов сынъ Шингин, а у него два сына: Сенка пяти летъ, Елеска четырехъ летъ.

В веже Ивашко Юрьевъ сынъ Бархатъ, а у него три сына: Епифанко, Ивашко семи летъ, Петрушка // (л. 62 об.) четырехъ летъ.

В той же веже Оска Дмитриевъ, а у него три сына: Петрушка десяти летъ, Захарко семи летъ, Софронко пяти летъ.

В веже Архипко Петровъ, а у него четыре сына: Оска да Пашко десяти летъ, Никитка осми летъ, Сенка четырехъ летъ.

В той же веже Кирилко Ефремовъ.

Всего въ Екостровском погосте шесть вежъ, а людей в нихъ лопарей двенатцать человекъ да ихъ детей и братьи десять человекъ, да тринатцать человекъ недорослей. //

(л. 63) Тое ж Кончанские лопи в погосте в Бабеницахъ:

В веже староста Фомка Никулинъ, а у него Фомки четыре сына: Петрушка, Никифорко осми летъ, Ивашко пяти летъ, Евъсевейко десяти недель.

В той же веже Терешка Фефиловъ, а у него Терешки четыре сына: Ефимко, Афонка осми летъ, Митрошка пяти летъ, Фочка двухъ летъ.

В веже Кирилко Степанов, а у него Кирилка сынъ Гришка годовой.

В той же веже Петрушка Михайлов сынъ Шингинъ, а у него Петрушки сынъ Гришка годовой, а родомъ он // (л. 63 об.) Екостровского погоста, вышел из Екострова во РПА-м (1673) году, а на згодье ево живет братъ ево Ивашко Шингинъ.

В веже Якушко Матфеевъ, а у него Якушки пять сыновъ: Ефимко, Ивашко, Лучка, Васка пяти летъ, Оска трехъ летъ, а у сына ево у Ефимка сынъ Ивашко полугодовой.

В веже Мелешка Андреевъ, а у него Мелешки три сына: Никулка, Савка, Матюшка осми летъ, а родомъ онъ Мелешка Бабенского погоста.

В той же веже Юшка Ларионовъ сынъ Рухталцовъ.

В той же веже Ивашко Аверкиев, а у него Ивашка два сына: Мишка трехъ летъ, Никитка полугодовой. //

(л. 64) В веже Ивашко Савинъ сынъ, а у него Ивашка два сына: Трошко десяти летъ, Васка семи летъ, да у него ж Ивашка братъ Сергушка Савин же сынъ, а у него Сергушки два сына: Оска да Ондрюшка трехъ летъ.

В той же веже Васка Дмитриевъ, а родомъ онъ Васка Екостровскаго погоста, а вышел из Екострова во РОЗ-м (1669) году, а на згодѣ ево живетъ братъ ево Васка.

В веже Федка Аверкиевъ, а у него два сына: Ивашко пяти летъ, Якушко полугодовой, а родился онъ в Нотозерскомъ погосте тое ж Кончанские лопи, а вотчина ево и згодѣ в Бабенскомъ погосте.

В той же // (л. 64 об.) веже Мишка Федоровъ.

В веже Родка Степановъ, а у него Родки сынъ Пронка годовой.

В той же веже Васка Никулинъ, а у него два сына: Гришка трехъ летъ, Клишко четырехъ недель, а родился онъ Васка въ Екостровскомъ погосте тое ж Кончанские лопи, а вышел из Екостровскаго погоста во РѢЗ-м (1659) году.

В той же веже Матюшка Григорьевъ, а родомъ онъ Екостровскаго погоста, а вышел из Екострова во РѢЗ-м (1659) году.

В той же веже Ярашка Федоровъ сынъ Бородинъ, а у него Ярашки два сына: Ивашко шти летъ, Мишка трехъ летъ, а родомъ онъ Нотозерскаго пого // (л. 65) ста тое ж Кончанские лопи, а вышел из Нотозерскаго погоста во РПА-м (1673) году, а на згодѣ ево живутъ в Нотозерскомъ погосте братья ево: Гришка да Андрюшка Бородины.

В веже Марчко Микулинъ, а у него Марчка пять сыновъ: Тиханко пяти летъ, Васка четырехъ летъ, Родка трехъ летъ, Алешка двухъ летъ, Якушко двухъ недель.

В той же веже Ивашко Матфеевъ сынъ Десятинникъ, а у него два сына: Ивашко, Кирилло годовой.

Всего в Бабенскомъ погосте // (л. 65 об.) восемь вежъ, а людей в нихъ лопарей осмнатцать человекъ да ихъ детей и братьи девять человекъ, да недо-рослей тритцать человекъ.

Тое ж Кончанские лопи в погосте в Нотозерскомъ:

В веже староста Потанка Федотовъ, а у него Потанки сынъ Матюшка четырехъ летъ да у него ж пасынокъ Федотко Иванов, а родомъ Печенскаго погоста лопарей.

В той же веже Андрюшка Федоровъ сынъ Бородинъ, а у него Андрюшки четыре сына: // (л. 66) Ивашко, Васка, Филка семи летъ, Куземка трехъ летъ.

В веже Гришка Фефиловъ.

В той же веже Андрюшка Ивановъ, а у него три сына: Максимко десяти летъ, Ивашко пяти летъ, Сергушка двухъ летъ.

В веже Ивашко Осиповъ, а у него братъ Васка, да у него ж Ивашка сынъ Ивашко ж пяти лет, а у брата ево Васки два сына: Стенка четырехъ летъ, Петрушка полторыхъ летъ.

В веже Гришка Самсоновъ.

В той же веже Афонка Исаковъ, а у него Афонки сынъ Гришка десяти летъ.

В веже Ивашко Фе // (л. 66 об.) дотов сынъ Мошников, а у него Ивашки сынъ Федка двенатцати лет.

В той же веже Гришка Федоровъ сынъ Бородинъ, а у него Гришки сынъ Мишка осми летъ.

В веже Ивашко Ефремов сынъ Кукотай.

В той же веже Федка Васильевъ.

В той же веже Нестерко Исаковъ.

В веже Ивашко Семеновъ.

В той же веже Ивашко Васильевъ, а у него Ивашка сынъ Петрушка двухъ летъ.

В веже Андрюшка Ефремовъ, а у него Андрюшки сынъ некрещен, да у него Андрюшки братъ Петрушка.

В той же веже Степанко // (л. 67) Иванов сынъ Рошко, а у него Степанка два сына: Ивашко да Лучка трехъ летъ.

В веже Якушко Ивановъ, а у него Якушка четыре сына: Васка да Мишка десяти летъ, Митка осми летъ, Гришка шти летъ.

В той же веже Якушко Семеновъ, а у него Якушка сынъ Андрюшка полторыхъ летъ.

Всего в Нотозерском погосте девять вежъ, а людей в нихъ лопарей девятнатцать человекъ да ихъ детей и братьи шесть человекъ, да недорослей осмнатцать человекъ. //

(л. 67 об.) Тое ж Кончанские лопи в Сонгелском погосте:

В веже староста Алешка Тимофеевъ, а у него Алешки три сына: Митка да Сенка, Ивашко шти лет.

В той же веже Митка Тихановъ, а у него Митки два сына: Ивашко да Нилко шти летъ, а у сына ево Ивашка сынъ Мишка двухъ летъ.

В веже Куземка Петровъ, а у него Куземки четыре сына: Афонка да Филка, Ивашко да Юшко пяти летъ, а у сына ево Куземкина у Афонки сынъ Федка полутрети летъ, да у него ж Куземки племянникъ ево Васка Игнатъев.

В той же веже // (л. 68) Ивашко Андреевъ сынъ Колпакъ.

В веже Васка Осиповъ, а у него Васка сынъ Сенка пяти летъ.

В той же веже Фомка Семеновъ, а у него Фомки братъ Петрушка Кондратьевъ тринацати летъ.

В веже Тимошка Яковлев, а у него Тимошки зять Пашко Ефремовъ, а у него Пашка племянникъ Максимко Григорьевъ тринацати летъ, а родомъ онъ Пашко и племянник ево Максимко Печенскихъ лопарей, а вышли они из Печенс // (л. 68 об.) кого погоста во РОЗ-м (1669) году.

В той же веже Петрушка Власовъ, а у него два брата: Федка да Васка Власовы дети.

В веже Оска Яковлев, а у него Оски четыре сына: Афонка да Васка, Якушко да Максимко двунатцати летъ, а у сына ево Оскина у Афонки сынъ Бориско полутрети летъ.

В той же веже Афонка Ивановъ, а у него Афонки сынъ Федка четырех летъ.

В веже Федка Григорьевъ, а у него Федки братъ Фофанко Иванов, а родом онъ Печенских лопарей.

В той же веже Антошка Афонасьев Лавлоев, а у него // (л. 69) Антошки племянникъ Ивашко Матвеев четырех летъ.

В веже Илюшка Ларионовъ, а у него Илюшки три сына: Стенка, Куземка, Петрушка шти летъ, да у него ж Илюшки брат родной Афонка Ларионов, а у него Афонки два сына: Куземка полутрети лет, Ивашко десяти недель.

В той же веже Митка Степановъ сынъ Рудашкинъ, а родом онъ Печенских лопарей, а вышел ис Печенского погоста во РП-м (1672) году, а у него Митки сынъ Вавилко трех летъ.

Всего в Сонгелском погосте семь вежъ, а людей в нихъ лопарей четыринацать человекъ да ихъ детей и братьи и племянников // (л. 69 об.) семнатцать человекъ, да недорослей шеснатцать человекъ.

Тое ж Кончанские лопи в Пазрецком погосте:

В веже староста Федотко Харлампиевъ, а у него три брата: Васка, Пашко да Гришка тринацати летъ, да у него ж Федотка два сына: Ивашко трехъ летъ, Оска годовой, а у брата ево Пашка сынъ Антошка полуговой.

В веже Игнашка Никитин, а у него Игнашки три сына: Якимко десяти летъ, Сергушка семи летъ, Максимко годовой, да у него ж Игнашки племянникъ Ивашко Игнатъев.

В веже Левка Иванов. //

(л. 70) В той же веже Елфимко Спиридоновъ, а у него Елфимка три сына: Петрушка осми летъ, Никитка шти лет, Тимошка годовой.

В веже Ефремко Сидоров, а у него Ефремка братъ Калинка, да у него Ефремка два сына: Гашко осми лет, Тимошка пяти лет, а у брата ево сынъ Васка годовой.

В веже Игнашка Анисимов, а у него Игнашки три брата: Васка, Алешка да Ивашко, да у него жъ Игнашки два сына: Петрушка да Матюшка, да у них племянникъ Афонка Лазаревъ.

Да того ж Пазрецкого погоста лопинъ Игнашка Ивановъ, а у него четыре сына: Филка тритцати летъ, Алешка десяти лет, Никитка // (л. 70 об.) пяти летъ, Филимонко трех летъ, и онъ Игнашка сшел и з детми в Соловецкой монастырь по обещанию молитца во РПЗ-м (1679) году.

Всего в Пазрецком погосте пять вежъ, а людей в нихъ лопа шесть человекъ да ихъ детей и братьи и племянниковъ десять человекъ, да недорослей тринацать человекъ.

Тое ж Кончанские лопи в Нявдемском погосте:

В веже староста Васка Григорьев, // (л. 71) а у него Васки два сына: Гришка да Савка осми лет.

В той же веже Трофимко Михайловъ, а у него Трофимка сынъ Тимошка полуговой.

В веже Васка Пахомовъ, а у него Васки четыре сына: Гришка да Ивашко, Мишка да Иевко десяти летъ.

В той же веже Ивашко Ермолинъ, а у него Ивашка два сына: Сенка трех летъ, Дениско полуговой.

В веже Мишка Григорьевъ, а у него Мишки братъ ево родной Степанко, а у него Степанка два сына: Мишка шти летъ, Корнилко трех летъ.

В той же веже Пашко Федоровъ // (л. 71 об.) сынъ Миндронин.

В веже Тимошка Васильевъ, а у него Тимошки братъ Сенка, а у Сенки сынъ Пашко четырех летъ.

В веже Андрюшка Ивановъ, а у него Андрюшки сынъ Матюшка трех летъ.

В той же веже Макарко Афонасьевъ, а у него Макарка два брата: Алешка десяти летъ, Евдокимко трехъ летъ.

В той же веже Петрушка Алексеевъ, а у него Петрушки братъ Тимошка десяти летъ.

Всего в Нявдемском погосте пять веж, а людей в них лопарей // (л. 72) десять человекъ да ихъ братьи и детей шесть человекъ, да двенатцать человекъ недорослей.

Тое ж Кончанские лопи в Маселском погосте:

В веже староста Ивашко Захаровъ, а у него три брата: Саватейко да Митка, Федка хромъ, да у них же отецъ Захарко старъ, а у Никитки (*так!*) сынъ Васка трехъ летъ, другой сынъ дву недель не крещенъ и имя не дано, а родомъ они Екостровского погоста тое ж // (л. 72 об.) Кончанские лопи, а пришли жить в Маселской погост во РНА-м (1643) году.

В веже Ромашко Акимовъ, а у него Ромашки сын Петрушка одиннатцати летъ.

В веже Мишка Юрьев, а у него Мишки сынъ Кирюшка, а родомъ онъ Мишка Екостровского погоста тое ж Кончанские лопи, а пришелъ жить во РОЗ-м (1669) году.

В веже Панфилко Володимеров.

В веже Якушко Григорьевъ, а у него сынъ Ивашко шти лет, да у него жъ два племянника: Андрюшка двух летъ, Ромашка годовой, да у него ж братъ родной Васка // (л. 73) Григорьевъ же.

В веже Фомка Петровъ, а у него Фомки сынъ Ивашко, да у него ж Фомки зять Петрушка Гавриловъ.

Всего в Маселском погосте шесть вежъ, а людей в нихъ лопарей семь человекъ да ихъ братьи и детей семь же человекъ, да шесть человекъ недорослей.

Колского ж уезду в Муномашскомъ погосте:

В веже староста Васка Петчеевъ, а родимецъ онъ Екостровского пого[ста] // (л. 73 об.) Кончанские лопи, а из Екострова вышел в Муномашской погостъ во РѢЗ-м (1659) году.

В той же веже Кирилко Филиповъ, а у него сынъ Филка чetyрнатцати летъ, да у него ж Кирилка братъ родной Ивашко.

В веже Васка Афонасьевъ сынъ Челнуевъ, а у него брат Минка.

В той же веже Ивашко Потаповъ, а у него два сына: Алешка, Максимко трехъ летъ.

В веже Кирилко Максимовъ, а у него два сына: обои Ивашки, а у болшого его сына Ивашка сынъ Якушко полуторыхъ летъ.

В той же веже Никитка Игнатъевъ, а родимец онъ Терские лопи Воронежского погоста, а вышел жить из Вороне // (л. 74) ского погоста в Муномашской погостъ во РПЕ-м (1677) году.

В веже Ивашко Алексеевъ, а у него Ивашка два сына: Ивашко да Митка полуторыхъ летъ.

В той же веже Ивашко Панфиловъ сынъ Шкокоъ.

В той же веже Пантелейко Федоровъ сынъ, а у него Пантелейка два сына: Стенка да Сенка семи летъ, да у него ж Пантелейка пасынокъ Михейко Филиповъ.

В веже Мишка Перфильевъ, а у него братъ родной Васка, а у брата ево у Васки сын Федка годовой.

В той же веже Ромашка Пантелеевъ.

В той же веже Евстратко Никифоровъ, а у него сынъ Игнашка трехъ летъ, а родимец онъ // (л. 74 об.) Евстратко Терские лопи Ловозерского погоста, а вышел в Муномашской погостъ жить из Ловозерского погоста во РОЗ-м (1669) году.

Да в том же погосте живетъ лопинъ Куземка Михайловъ, а у него два сына: Ефтючко да Илюшка десяти летъ, а родимец онъ Воронежского погоста Терские лопи, а вышел жить в из Воронежского погоста во РОЗ-м (1669) году, да их же Муномашского погоста лопинъ Куземка Семеновъ сынъ Пашкирев живет в Колском остроге в наймахъ. //

(л. 75) Всего в Муномашскомъ погосте пять вежъ, а людей в нихъ лопарей чetyрнатцать человекъ да ихъ братьи и детей десять человекъ, да восемь человекъ недорослей.

А в прежнихъ черных переписных книгахъ, каковы сысканы в Колском остроге въ съезжей избе переписки головы стрелецкого Леонтя Озарева да подъячего Василья Звягина переписки РНЕ-го (1647) году Кончанские лопи и Муномашского погоста лопарей не написано.

**ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА ТЕРСКОЙ ДОЛИ И ПАТРИАРШИХ ВОТЧИН
КОЛЬСКОГО УЕЗДА СТРЕЛЕЦКОГО СОТНИКА БОГДАНА ОЩЕРИНА
1678–1679 гг.**

РГАДА, Ф. 1209 (ПОМЕСТНЫЙ ПРИКАЗ), ОП. 1, № 15056. Л. 76 ОБ. – 96

(л. 76 об.) Лета ЗРПЗ-го (1679) по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца указу и по наказной памяти воеводы Лва Борисовича Секирина сотникъ стрелецкой Богдан Ощерин писалъ в Колском уезде в Терской лопи и в вотчине святейшаго патриарха в Понойском и Еконскомъ погосте дворы и в лопскихъ погостех вежи и во дворех и в вежахъ людей и лопарей и у нихъ братьи и племянников и сосед и подсоседников и недорослей, а сколко в Терской лопи и в отчине святейшаго патриарха дворов и веж и во дворех и в вежахъ людей и их детей и братьи и племянников и недорослей, и то писано в сих книгах порозну по статьямъ. //

(л. 77, вставной) Справитца Колского уезду Понойского погоста, что была вотчина боярина Никиты ивановича Романова, которая отдана святейшему Никону патриарху со всеми угоды и с рыбными ловли в Крестной и Воскресенской монастыри пополам. //

(л. 78) Погостъ Понойской над Подноем рекою, а в нем живут бобыли святейшаго патриарха.

Двор святейшаго патриарха промышленой, а в нем живет каргополца Семена Чуплова сына Киприянова дворовой человекъ Гашко Евдокимов, да у него жъ работной человекъ Гришка Федотовъ.

Во дворе живеть понойской попъ Михайло Федоровъ, а детей у него четверо: Федка да Ивашко да Елизарко да Трошко; у Федки сынъ Ивашко полуговой.

Во дворе живеть Сергушка Яковлев сынъ Попов, а с нимъ живет Кипрушка Иванов сын игумен.

Во дворе живеть Максимко Гаврилов сын Кекур да Васка Савинъ сын карабелщикъ; у Максимка сын Ефтючко // (л. 78 об.) пяти годов, а родом они лопари: Максимко понойскихъ, а Васка еконскихъ лопарей.

Во дворе живут Родка да Ивашко да Егорко да Куземка слепой Алексеевы дети Микулины; у Родки два сына: Гашко осми годовъ, Степанко четырехъ годов; у Ивашка сынъ Егорко четырехъ годов.

Во дворе живутъ Никитка да Левка Титовы дети Губины; детей у Микитки трое: Ивашко пяти лет, Якунка трехъ лет, Лучка полугодовой; да с ними же живет племянник ихъ Ивашко трех летъ.

Во дворе живет Васка Федоровъ; у Васки сынъ Евсейко, у Евсейка сынъ Аврамко десяти недель; да с ним же Ваской живет соседъ Ивашко Корнилов, да у него жъ Васки живет пришлоу человекъ Федка Иванов родом толвоянин, а пришел жить в Поной летъ с пять //

(л. 79) Во дворе живут два Ивашка да Макарко Старорусиновы; у Ивашка сынъ Митка четырех лет да другой сын Матюшка годовой; да у Макарка сынъ Филка трех летъ; да у них же живет сосед Ивашко Афонасьевъ сын Белуга, родом лопинъ, еконских лопарей.

Во дворе живет Егорко Никифоров сынъ Комар, а у него сынъ Алешка.

Во дворе живут Васка Самойлов да братъ ево Микитка Гоголевы; у Васки два сына: Якушка девяти лет, Конанко пяти летъ; да у Микитки сынъ Панкрашка полугодовой; да у нихъ же живетъ пришлоу Дружинка Ларионовъ нищей, да у них же живет пришлоу Якунка Голокраков, а пришел из Варзуги нищей, ходил по миру прошать.

Во дворе живет Петрушка Андреевъ сынъ Ручкин, а детей у него три сына: Парфенко двенатцати летъ да Осташко шти летъ, да Фи // (л. 79 об.) латко получетверта лет.

Во дворе живет Васка Артемьевъ сынъ Жилин, а у него сынъ Андрюшка четырех летъ.

Во дворе живетъ Пронка Мокеев полудвором да Афонка Евдокимов полудвором, а родом Афонка двинянин колмогорецъ нижняго посаду, а пришел жить в Поной летъ с осмь; у Афонки сынъ Мишка годовой, да у них же живет сосед Ивашко Савин сынъ Кошель, родом лопинъ, еконских лопарей.

Во дворе живетъ Ивашко Корнилов сынъ Короткой да братъ у него Андрюшка трехъ летъ, да у них же живет Лаврушка Васильевъ Резинъ полугодовой.

И всехъ дворов в Понойском погосте з двором святейшаго патриарха и с поповым и жилецких четырнатцать дворов, а людей во дворах дватцать три человека, да у них братьи и детей и племянниковъ // (л. 80) и сосед и подсо-

седников одиннатцать человекъ, да недорослей дватцать три человека, да пришелцов пять человекъ, а в прежнихъ черныхъ переписных книгах РНЕ-го (1647) году Колскаго острога головы стрелецкого Леонтя Романова сына Озарева в Понойской волости написано шесть дворов, а людей восьмьнатцать человекъ. А в нынешнихъ переписных книгах РПЗ-го (1679) году перед прежними черными переписными книгами в Понойской волости прибыло восемь дворов, а людей тритцать семь человекъ.

Погость Пурнацкой, а стоит у речки Пурнача, а в нем живут лопари святейшаго патриарха.

В вежи живет Макарко Семенов полувежой, да у него ж подсосед живетъ Гришка Степанов сынъ Чапков, да с Макарком живет полувежей // (л. 80 об.) сосед Артюшка Максимов, а у него два сына: Пронка пяти летъ, Аверка годовой.

В вежи живет Спиридонко Онтонов, а у него сынъ Алешка, да у них живетъ подсосед Савастьянко да сосед Спирка Афонасьевъ.

В вежи живет Васка Старуновской да Ивашко Каласок Семеновы дети.

В вежи живут Силка да Самсонко Григорьевы дети Икъкеевы.

В вежи живетъ Федотко Терентьев, а у него сынъ Вавилько полугодовой, да с ним живет сосед Ивашко Терентьевъ Жигал.

В вежи живет Оска Терентьевъ сынъ Ургутъ, да с ним живет соседъ Степанко Иванов сынъ Кутило.

В вежи живетъ Ивашко Андреев сынъ Бочка, у него сынъ Никонко.

В вежи живетъ Гришка Иванов сынъ Таницынъ, // (л. 81) у него сынъ Федка, да с ним живет сосед Оска Федоров сынъ Галкинъ.

В вежи живет Тимошка Данилов сынъ Буданъ, а у него сынъ Сенка четырех летъ, да с ним живетъ соседъ Гришка Спиридоновъ сынъ Златухинъ, а у него сын Логинко трех летъ.

И всехъ веж в том Пурнацком погосте девять вежъ, а людей в вежах двенатцать человекъ, да у них детей и братьи и племянниковъ и сосед и подсоседниковъ десять человекъ, да недорослей пять человекъ.

Погость Лундалской под Лепоной реку (*так!*) у речки Ачъче, а в немъ живутъ лопари ш святейшаго патриарха.

В вежи живет Гашко Федоровъ сынъ Глухой, у него сынъ Минка осми лет // (л. 81 об.), да с ним живет сосед Андрюшка Иванов сынъ Чаща.

В вежи живет Куземка Федоровъ сынъ Момотов, а у него сынъ Ивашко, да у них же живет подсосед Петрушка Афонасьевъ.

В вежи живетъ Конанко Михайловъ сын Трясковъ, а у него сынъ Пронка годовой, да с ним же живетъ племянникъ ево Васка Степановъ сын Качегар. Да с ним же живет сосед Левка Титов сын Трясковъ да Елфимко Титов сын Трясковъ пяти летъ, да Васка Титовъ годовой.

В вежи живетъ Якунка Иванов сынъ Сотниковъ, а у него четыре сына: Ивашко да Кондрашко да Микулайко пяти летъ, да Егорко дву летъ.

В вежи живут Оска да Федка Савины дети Дорофеевы; у Оски сынъ Минка пяти летъ да Васка трех летъ; у Федки племянник // (л. 82) Аничка Иванов.

В вежи живет Самсон Иванов сынъ Кириловъ.

И всехъ вежъ в том в Лундалском погосте шесть вежъ, а людей в вежах семь человекъ, да у них детей и братьи и племянников и соседъ и подсоседников восемь человекъ, да недорослей восемь человекъ.

Погость Тулванской стоит под Лепоней реки у речки Нюхти от Поною тритцать верстъ, а в нем живутъ лопари жъ святейшаго патриарха.

В вежи живет Ивашко Максимовъ сын Друженокъ, а детей у него двое: Митка десяти лет да Якимко дву летъ, да с ним же живет Куземка Логиновъ.

В вежи живет Кондрашка Ивановъ сынъ Кеткинъ, да с ним живетъ // (л. 82 об.) племянникъ Ивашко Васильевъ сынъ Тычкинъ, да у нихъ же живетъ внуть (так!) Фалелейко Ивановъ.

В вежи живетъ Ивашко Данилов сынъ Водицынъ, да у него живетъ подсоседъ Артюшка Макаровъ.

В вежи живутъ Сенка да Федка Ивановы дети Потеряхины; у Сенки сынъ Варламко двух летъ.

В вежи живут Ермолка да Ивашко Яковлевы дети; у Ермолки сынъ Якимко двух летъ, да с ними ж живетъ племянникъ ихъ Ивашко Матвеевъ сынъ Буторинъ.

В вежи живетъ Ивашко Семеновъ сынъ Феклинъ, а у него три сына: Марко, Ивашко // (л. 83) двух летъ да Гришка полуговой, да с нимъ же живетъ соседъ Кондрашка Ивановъ.

В вежи живетъ Васка Титовъ, а у него два сына: Сидорко да Ефимко.

В вежи живутъ Трошка да Савка Ивановы дети Горбунцовы.

В вежи живетъ Данилко Леонитевъ сынъ Буданъ, да с нимъ живут племянники Якунка да Савка Ивановы дети, а Савка трехъ летъ.

Всехъ веж в Тулва[н]ском погосте девять вежъ, а людей в вежахъ двенатцать человекъ, а детей и братьи и племянников и сосед и подсоседников // (л. 83 об.) у нихъ одиннатцать человекъ, да недорослей шесть человекъ.

Погостъ Каменской стоит на верхъ Поноя реки над озеромъ Каме[н]ским, от Тулванского погоста тритцать верстъ, а в том Каменском погосте живут лопари святейшаго патриарха.

В вежи живетъ Данилко Андреевъ сынъ Шуркал Лага, а у него два сына: Ивашко да Афонка шти летъ.

В вежи живет Евдокимко Даниловъ сынъ Потеряйперье.

В вежи живетъ Васка Власов // (л. 84) сынъ Панщина, а у него сынъ Федка, да с ним же живетъ соседъ Ефимко Савинъ сынъ Шумихин.

В веже живетъ Сенка Павловъ сынъ Митрохинъ, а детей у него четверо: Митка да Гашко, да Куземка, да Макарко.

В вежи живет Якимко Семеновъ сынъ Насоновъ.

В вежи живетъ Ларка Филиповъ сынъ Шауемъ.

В вежи живетъ Федорко Кондратьевъ сынъ Косшинъ, а у него сынъ Агейко, да с ним же живетъ племянникъ Якунка Федоровъ сынъ Долгая Грудина.

В вежи живет Логинко Андреевъ. //

(л. 84 об.) Всехъ вежъ в Каменном погосте восемь вежъ, а людей в вежахъ восемь человекъ, а детей у них и братьи и сосед и подсоседниковъ девять человекъ, да недорослей одинъ человекъ.

Погостъ Еконской стоит над рекою Еконгой, а в немъ живутъ лопари жъ святейшаго патриарха.

В вежи живетъ Васка Григорьевъ сынъ Мана, да с ним же живетъ сосед Климко Даниловъ, а у него Климка сынъ Петрушка шти летъ да сынъ Данилко // (л. 85) четырехъ летъ, да сынъ саватей пяти недель.

В веже живутъ Гришка да Мишка да Ивашко Терентьевы дети, а прозвищем Кумганъ да Ворон да Бочка.

В веже живетъ Якимко Васильевъ сынъ Деревяга, да с ним живетъ соседъ Якунка Данилов сынъ, а детей у него четверо: Васка да Степанко, да Никифорко, да Петрушка пяти летъ.

В вежи живетъ Ивашко Михайловъ сын Коротаевъ, а у него два сына: Васка да Тимошка семи летъ, да с нимъ же живут в вежи соседи: Гашко да Илейка Ивановы дети. //

(л. 85 об.) В вежи живетъ Оска Савинъ сынъ Мустопардинъ, а у него сынъ Гришка да Маркушъ пятигодовой.

В вежи живутъ Евдокимко Федоровъ сынъ Пуза, да с нимъ живетъ сосед Алешка Васильев сынъ Тычкинъ.

В вежи живутъ Якунка да Ефремко, да Васка, Алешка да Ивашко Ивановы дети Полашкины.

В вежи живетъ Петрушка Васильевъ, да с нимъ живетъ племянникъ Федка Козминъ сынъ Жеребецъ, да с ним же соседи: Митрошка Даниловъ да Федка Максимов; у Федки сынъ Ермолка годовой.

В веже // (л. 86) живет МатюшкаАлексеевъ, а у Матюшки два сына: Оска пяти лет да Оничка годовой, да с ним же живетъ в вежи нищей Якушка Васильевъ.

В вежи живут Федка да Пронка Алексеевы дети, да с ними ж живутъ соседи: Васка да Сенка Афонасьевы дети Вырбангины.

И всех вежъ въ Еконском погосте десять вежъ, а людей в вежахъ семнатцать человекъ, а детей у нихъ и братьи и племянниковъ и сосед и подсоседниковъ шестынацать человекъ, да недорослей девять человекъ. //

(л. 86 об.) А в прежнихъ черных переписных книгахъ РНЕ-го (1647) году Колскаго острога головы стрелецкого Леонтя Романова сына Азарева Терские лопи Пурнацкого да Лундалскаго да Тулванскаго погостовъ не написано.

Погость Семиостровской:

В вежи живетъ Васка Федоровъ сынъ Шаръ, а у него два сына: Ивашко девяти лет, Антошко пяти летъ, да с нимъ // (л. 87) живетъ пришлой Мелешка Иванов сынъ Колданцовъ, а у него сынъ Митка пяти летъ да Ивашко двухъ летъ, да с ним же живет Васка Алексеевъ, а у него сынъ Афонка, а Мелешка родимецъ Воронежъскаго погоста, а пришел жить в Семиостровской погост летъ с пять.

В вежи живет Евдокимко Федоровъ, а у него два сына: Ивашко девяти летъ да Федка семи летъ, да с нимъ живетъ Васка Григорьевъ сынъ Мандеевъ.

В вежи живетъ Пашко Клементьевъ сынъ Полкачевыхъ, а у него четы-

ре // (л. 87 об.) сына: Тимошка да Ефтючко, да Елизарко, да Ивашко; у Тимошки детей двое: Игнашка пяти летъ, Васка дву летъ, да внукъ Пашков Данилко Кондратьевъ десяти летъ.

В вежи живет Федка Павловъ, да с нимъ живет Аввакумко Архиповъ.

В вежи живетъ Ивашко Фефилов, а у него два сына: Алешка одиннатцати летъ, Антошко семи лет, да с нимъ живетъ пришлоу Степанко Федосеевъ сынъ Башмаковъ, а у него сынъ Петрушка дву летъ, а родимецъ онъ Степанко Ловозерского погоста, // (л. 88) а пришел жить в Семиостровской погостъ летъ тому с четырнатцать.

В вежи живетъ Мишка Фефиловъ, а у него сынъ Афонка девяти годовъ, да с нимъ живут два брата родные: два Петра Фефиловы дети.

В веже живетъ Сенка Якимовъ, да с нимъ живутъ пришлые Савка да Федка Яковлевы дети. у Савки сынъ Мишка осми летъ; а родимцы они Воронежского погоста, а отецъ Савкинъ пришел жить в Семиостровской погостъ з детми семнатцать летъ, а дедъ ево и отецъ Савкинъ платили с ними ж // (л. 88 об.) семиостровскими лопари всякие подати и доходы великого государя в казну с своего згодья вместе.

В вежи живетъ Петрушка Андреевъ сынъ Кадька нищей.

В вежи живетъ Сазонко Максимовъ, да с нимъ живетъ Андрюшка Фефиловъ, а у него сынъ Гришка пяти летъ.

В вежи живетъ Федка Яковлевъ сынъ Бужуй, а у него сынъ Игнашка пятинатцати летъ, да с нимъ живетъ Юшко Ивановъ сынъ Колданцов; у Юшки сынъ Васка полугодовой, а родимецъ Воронежского погоста, а пришелъ жить в Семи // (л. 89) островской погостъ летъ с пять.

В вежи живутъ Мишка да Ивашко Алексеевы дети; у Мишки три сына: Митка девяти летъ, Данилко семи лет да Семионко трехъ летъ.

В вежи живутъ Марчко Яковлев, да с нимъ живетъ Ивашко Архиповъ. Да сказали в скаске своей они ж Семиостровские лопари, вышли у нихъ из Семиострова в розныхъ годехъ Семиостровскаго же погоста родимцы жить в Ловозерской погостъ Гришка Фефиловъ с сыном з Гришкой тринацать лет да Кирилько // (л. 89 об.) десяти лет, да Тимошка шти лет, Афонка трехъ летъ, да Ивашко Визганецъ, летъ тому не упомянуть, и прижил сына Данилка; у Данилка сынъ Васка, а дед его и отецъ коренные родимцы Семиостровского погоста, да вышел жить в Воронежкой погостъ коренной родимецъ Кипряшка Сидоровъ и прижилъ сына Васку в Воронежском погосте и живетъ тамо и по се число.

И всехъ веж в Семиостровскомъ погосте двенатцать вежъ, // (л. 90) а людей в вежахъ дватцать шесть человекъ, а детей у нихъ и братьи и племянниковъ и сосед и подсоседниковъ пять человекъ, а недорослей девятнатцать человекъ.

Погость Ловозерской.

В вежи живетъ Максимко Ивановъ сынъ Галкинъ, а у него сын Ивашко, да с нимъ живет Гришка Софушкинъ чюккуй старъ, а у него два сына: Афонка да Лучка.

В вежи живетъ Мишка // (л. 90 об.) Селиванов сынъ Галкинъ, а у него четыре сына: Елеска да Куземка чetyрнатцати летъ, да Тимошка десяти летъ, да Кирилко осми летъ.

В вежи живетъ Игнашка Ивановъ сынъ Галкинъ, а у него четыре сына: Лучка десяти лет да Гришка осми летъ, да Васка пяти летъ, Ивашко трех летъ, да с нимъ живетъ Маркушка Семеновъ сынъ Софушкинъ, а у него сынъ Афонка шти летъ.

В вежи живетъ Юшко Ивановъ сынъ Галкин, а отецъ у него старъ; у Юшка два сына: Петрушка тринаццати летъ да Ивашко // (л. 91) десяти лет, да с нимъ живетъ пришлой Гришка Фефилов, а у него сынъ Гришка ж да Кирилко десяти летъ, Тимошка шти летъ, Афонка трех летъ, а родимцы они Семиостровского погоста, а пришли жить летъ с тринаццать.

В веже живетъ Гришка Ивановъ сынъ Галкинъ, а у него живетъ Антошко Омельяновъ сынъ десяти годовъ, а пришелъ из Мотоского погоста дву годов, и родимец из Мотки ж, да с нимъ живутъ Спирка да Ивашко Михайловы дети.

В вежи живетъ Гришка Селивановъ сынъ // (л. 91 об.) Галкинъ, а у него три сына: Васка да Мишка двенатцати летъ да Андрюшка дву летъ, да с нимъ живетъ Артюшка Иванов сынъ Галкинъ з братом с Сенкою; у Артюшки сынъ Ивашко девяти летъ.

В вежи живут Матюшка да Васка Ивановы дети Юлины, а у Матюшки детей трое: Федка десяти летъ, Данилко чetyрехъ летъ, Ивашко двухъ летъ.

В вежи живетъ Созонко Ефимовъ сынъ Башмаковъ стар, а у него сынъ Ивашко да Максимко; у Ивашка сынъ Васка десяти летъ, да прихожей у нихъ Петрушка // (л. 92) Козминъ сынъ Локун, а пришел к ним жить летъ з дватцать, а родимецъ Петрушка Маселского погоста, а отецъ ево Петрушкинъ родимецъ Килдинского погоста, да сказали в скаске своей они ж ловозерские лопари, вышли у них из Ловозера в розныхъ годехъ Ловозерского по-

госта родимцов: Степанко Федосьевъ в Семиостровской погость жить летъ с четьрнатцать, да Овдокимко Дмитриевъ вышел жить после отца своего в Нотозерской погость маленекъ дву годов, а вышел летъ с восьмъ; да вышли Евстратко // (л. 92 об.) да Ефремко Калшины, а ныне Евстратко живетъ в Килдинском погосте, а Ефремко в Колскомъ остроге в стрелцахъ; да вышел Гришка Федотовъ сынъ Цыгой жить в Кандалашской монастырь и живет по се число, а летъ тому не упомнить; да вышел после отца своего жить Петрушка Гавриловъ на Маселгу и живет и по се число; да вышелъ Петрушка Даниловъ з детми и живет в Воронежском погосте; да Васка Никифоровъ сынъ Щокинъ да Ивашко Колданцов после отцовъ своихъ в Воронежской погость давно, лет тому не упомнѣть. //

(л. 93) И всехъ веж в Ловозерском погосте восьмъ вежъ, а людей в вежахъ шеснатцать человекъ, а детей у нихъ и брати и племянниковъ и сосед и подсоседниковъ девѣть человекъ, да недорослей дватцать одинъ человекъ.

Погость Воронежской:

В вежи живетъ Никитка Федоровъ сынъ Пургуй, а у него сынъ Васка полурыхъ летъ, да с нимъ живутъ Илюшка да Мишка // (л. 93 об.) Ивановы дети Колданцовы; у Илюшки сынъ Васка полугодовой, а отецъ его Илюшкинъ Ивашко родимецъ Ловозерского погоста, а пришел жить въ Воронежской погость давно, летъ тому не упомнить.

В вежи живетъ Никифорко Игнатьев, а у него четьре сына: Лаврушка да два Ивашки, да Филка; у Лаврушки сынъ Куземка двухъ летъ, у Ивашки сынъ Федка полутретьихъ летъ.

В вежи живетъ Васка Никифоровъ сынъ Щека, а у него сынъ Ивашко; у Ивашка два сына: Васка четьрех // (л. 94) летъ да Степанко годовой, а онъ Васка родимецъ Ловозерского погоста, а пришел жить в Воронежской погость давно, летъ тому не упомнѣть. Да с нимъ живетъ пришлой Илюшка Титовъ, а родимецъ Мотоского погосту, а пришел жить Илюшка в Воронежской погость годы с полтора.

В вежи живетъ Петрушка Даниловъ; у Петрушки три сына: Игнашка да Пашко, Петрушка десяти летъ; у Игнашки два сына: Куземка четьрех летъ, Андрюшка двухъ летъ; а дед его // (л. 94 об.) Петрушкинъ Потанка родимецъ Ловозерского погоста, а пришел жить с сыномъ Данилкою давно, летъ тому не упомнѣть; да с нимъ живетъ Елизарко Игнатьевъ сынъ, а у него сынъ Мокейко тринатцати летъ.

В вежи живетъ Куземка Григорьевъ сынъ, а у него три сына: Алешка четырнатцати летъ, Мишка двенатцати летъ, Ивашко пяти летъ, да с ним живетъ Гордюшка Степановъ.

В вежи живетъ Демидко Афонасьевъ, да с ним живетъ пришлой Васка Киприяновъ, а дедъ // (л. 95) его и отецъ родимцы Семиостровского погоста, а пришел Кипрушка жить в Воронежской погостъ тетъ (*так!* – *вместо:* летъ) тому не упомнѣть, и прижилъ сына Васку; у Васки два сына: Федка семи летъ, Петрушка полуторыхъ летъ, да пасынокъ у него живетъ Алешка Федотовъ двенатцати лет, а родимецъ печенскихъ лопарей.

В вежи живет Кондрашка Евъсеевъ сынъ, а у него сынъ Логинко, да сказывали в скаске своей они ж Воронежские (*так!*) лопари, вышли у нихъ из Воронежского погоста в розных годах воро // (л. 95 об.) нецкие родимцы в Килдинской погостъ жить: Никитка Игнатьевъ да Куземка Михайловъ сынъ Сваловъ, а вышли оне лопари из Воронежского погоста летъ тому не упомнѣть.

И всехъ веж в Воронежском погосте семь вежъ, а людей в вежахъ четырнатцать человекъ, а детей у нихъ и братьи и племянников и сосед и подсоседников семь человекъ, да недорослей шестьнатцать человекъ.

А в прежнихъ черных переписных // (л. 96) книгахъ РНЕ-го (1647) году переписки Колскаго острога головы стрелецкого Леонтья Романова сына Озарьева да подьячего Василья Звягина Терские лопи Семиостровской и Ловозерской и Воронежской погостовъ не написаны. //

По правому полю всех листов повторяется скрепа: Левъ Секиринъ.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I

КОЛЬСКИЙ СЕВЕР КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

Введение

- § 1. Временные и географические рамки 7
- § 2. Кольский Север как объект научных исследований.....8
- § 3. Краткий обзор истории изучения Кольского средневековья..... 10

РАЗДЕЛ II

КОЛЬСКИЙ СЕВЕР КАК ЧАСТЬ АРКТИКИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН СЕВЕРА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Глава первая. Сакральная составляющая восприятия Севера

- § 1. Духовное восприятие Севера в истории 20
- § 2. Место Севера в «духовных» сторонах света..... 27

Глава вторая. Историческая специфика и загадки Севера

- § 1. Древняя Русь как греческая Гиперборея..... 30
- § 2. Антиномия «Рая» и «Ада» на Северном направлении 32
- § 3. «Мать народов» – Север как прародитель европейских наций 36
- § 4. Тектонические процессы в геологии Кольского Севера..... 40
- § 5. «Книга Большому Чертежу» как источник исключительной
информативности 45
- § 6. «Морской берег Кольского острова» 49
- § 7. Тайна острова руссов 55
- § 8. Климатические изменения и аномалии..... 59
- § 9. Мегалиты Севера – сейды и лабиринты 63

Глава третья. Исторические заблуждения и утраты в восприятии Кольского Севера

- § 1. О степени нашего присутствия 66
- § 2. Исконные традиции российского северного мореплавания 69
- § 3. Сказочные богатства – реальность северных морей 73
- § 4. Стратегическое значение Арктики и топонимический инфантилизм 76

РАЗДЕЛ III

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ХРИСТИАНИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА. КИЕВСКАЯ И НОВГОРОДСКАЯ РУСЬ

Глава первая. Первый опыт просвещения на Крайнем Севере Европы

§ 1. Нашествие скандинавов в Европу и их христианизация	84
§ 2. Скандинавское язычество – «сыны погибели»	89
§ 3. Швеция – первый опыт христианизации на Крайнем Севере	98
§ 4. Руническое письмо как элемент древних магических практик	101
§ 5. Норвегия и Русь в единстве духовных поисков	104
§ 6. Скандинавия. Единство пути и трагедия Великой схизмы	109
§ 7. Влияние древней Руси на духовность Скандинавии	112

Глава вторая. Православие на подступах к Кольскому Северу

§ 1. Христианизация Руси. «Княжеская вера»	115
§ 2. Киевская Русь и ее Северная доминанта. Формирование новой цивилизации	120
§ 3. Киевская Русь и христианизация народов	126
§ 4. Новгород Великий и Крайний Север. Зарождение Новгородской Руси	128
§ 5. «Варяги-Русь» – профессиональные воины Севера	133
§ 6. Союз северных князей	139
§ 7. Новгородский космополитизм и «Русская земля»	142
§ 8. Новгородская экспансия на Крайнем Севере	145

РАЗДЕЛ IV

РУСЬ И СКАНДИНАВИЯ. ДУХОВНОСТЬ КРАЯ И ОБЗОР ЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В IX–XIII ВВ.

Глава первая. Малые народы Европейского Севера и их христианизация

§ 1. Чудь или весь – жители легендарной Биармии	150
§ 2. Земля бьярмов – Кольский Север	154
§ 3. Варяги и «Суздаль». Начало единого государства	157
§ 4. «Bjarmaland» – тайны топонима и гипотезы происхождения	159
§ 5. Сумь. Первый Крестовый поход	163
§ 6. Емь. Второй Крестовый поход	165
§ 7. Квены – финны северных территорий	169
§ 8. «Мурманская земля» – загадки происхождения термина	173
§ 9. «Мурмане», «народы моря», «поморы»	180

Глава вторая. Борьба за власть в Лапландии после 1237 года. Военная и сакральная составляющие этого процесса

§ 1. Перемены 1237 года	184
§ 2. Корела-кирьялы. Третий шведский Крестовый поход	185
§ 3. Корельские валиты – военные лидеры тундры	189
§ 4. Мистика княжеской власти и проблема самодержавия	191
§ 5. Гора Домен и Думбсхав как языческие центры магической духовности	197
§ 6. Лопарские сейды. Духовный феномен северных мегалитов.....	205
§ 7. Северные воеводы-валиты. От Рюрика до Петра I	209
§ 8. «Валитово Городище» – легендарный символ Российского северного могущества	211
§ 9. Скифское наследие как аргумент в дипломатии.....	218

ПРИЛОЖЕНИЕ

Переписная книга Кольского острога, посада и уезда Льва Секирина 1678–1679 гг.	221
--	-----

Переписная книга Терской доли и патриарших вотчин Кольского уезда стрелецкого сотника Богдана Ощерина 1678–1679 гг.....	258
--	-----

Митрополит Митрофан (Баданин)

КОЛЬСКИЙ СЕВЕР В СРЕДНИЕ ВЕКА

Том 1

Север как феномен. Христианство
на подступах к Кольскому Северу
2-е издание исправленное и дополненное

Редактор и корректор
Екатерина Соколова

Обложка
Ольга Колчина

Художественное оформление и верстка
Ольга Марусова

Подготовка схем
Павел Карпов
Ольга Баранова

Подписано в печать 17.05.2019. Формат 70х100/16. Печ. л. 14
Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-9907265-8-1

9 785990 726581

Издательство «ЛАДАН»

Санкт-Петербург, ул. Достоевского, 44

Тел. (812) 334-13-60

www.LadanSPb.ru

Выбрать книги, издающиеся в Мурманской епархии
и посвященные Крайнему Северу, можно на официальном сайте
<http://mmeparh.cerkov.ru>

Заказ на книги отправлять по электронному адресу:

keparhia_murmansk@mail.ru

или на почтовый адрес:

183010, Мурманск, ул. Зеленая, д. 11; тел. 8-815-25-97-61

В свободной продаже книги во всех церковных лавках Мурманской и Северомор-
ской епархий и в книжном магазине «Глобус», Театральный бульвар, д. 8.

Отпечатано в типографии «Моби Дик»
www.MobyPrint.ru